

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ИНДИИ

НАУКА
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ИНДИИ

Под редакцией
В. М. МАССОНА

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1984

В сборнике рассматриваются новые материалы по археологии и древней истории Индии и Средней Азии с эпохи палеолита до развитого средневековья. Особенно большое значение имеют памятники, открытые индийскими учеными по среднему течению Ганга, свидетельствующие о зарождении здесь земледелия еще в неолите. Анализируются раннегородская культура бронзового века Средней Азии и Индии и средневековая миниатюра. Ряд статей посвящен проблеме расселения индоарийских племен.

Сборник рассчитан на историков, археологов и лингвистов.

Рецензенты

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ, Г. А. ЗОГРАФ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследование истории и культуры народов Индии — традиция русского и советского востоковедения. Работы в этой области академиков С. Ф. Ольденбурга, Ф. И. Щербатского и других получили заслуженное признание в мировой науке. В XX в. все более полномасштабным источником сведений по древней истории субконтинента становится археологический материал. Исследователи из Советского Союза изучали его главным образом по публикациям и активно использовали в своих работах. В 60—70-х гг. происходит расширение и углубление связей археологов обеих стран. Были осуществлены долговременные целевые поездки советских археологов в Индию (А. П. Окладников, П. И. Борисковский, Ю. А. Заднепровский и др.), индийские ученые регулярно посещали СССР, выступали с докладами, знакомились с музейными коллекциями, принимали участие в научных конференциях. В книгах по древней истории Средней Азии и Индостана все больше внимания уделялось связям древних культур, развивавшихся в этих регионах.

В августе 1980 г. между Институтом археологии АН СССР и Департаментом древней истории, культуры и археологии Аллахабадского университета было заключено соглашение о 20-летнем сотрудничестве в области сравнительной археологии и этнолингвистических исследований. С советской стороны оно было подписано академиком Б. А. Рыбаковым, с индийской — профессором Г. Р. Шармой. Соглашение предусматривает широкий спектр сотрудничества и совместных разработок по проблемам от нижнего палеолита до кушанской эпохи, а также по вопросам методологии археологии Средней Азии и Индии.

В порядке осуществления этого соглашения в Аллахабаде в феврале 1982 г. состоялся советско-индийский семинар, в работе которого приняла участие представительная советская делегация во главе с академиком Б. Б. Пиотровским. Материалы семинара публикуются в настоящем издании. Представленные здесь статьи широко отражают перспективные разработки, осуществляемые учеными обеих стран в области древней истории и культуры, и намечают контуры тематики, которая могла бы разрабатываться совместными усилиями. Это исследование южных областей Средней Азии и (как теперь становится ясным после открытий в Мер-

гаре, в Северном Белуджистане, и неолитических памятников в Виндхья) северных — Индостана, являвшихся центрами формирования и развития ранних земледельческо-скотоводческих культур, давших мощный импульс последующему прогрессу, что в конечном итоге привело к становлению в бронзовом веке цивилизации древневосточного типа: харапской — в Индостане и Алтын-Депе — на юге Средней Азии. Сложная и многокомпонентная проблема происхождения и расселения индоиранских племен на территории Средней Азии, Среднего Востока и Индостана традиционно является объектом активных исследований ученых СССР и Индии. Связи древних культур Средней Азии и Индии, начавшиеся в неолите и бронзовом веке, продолжались и в последующие эпохи. Развитие этих связей способствовало расцвету культуры в пору существования кушанского государства, объединившего в I—III вв. н. э. в рамках одной политической системы области от юга Средней Азии до долины Ганга. Распространение в то время в Средней Азии памятников буддизма — одно из материальных свидетельств этих культурных и идеологических взаимодействий. Средневековая эпоха также доставляет замечательные образцы культурных связей и взаимодействий, в том числе в области миниатюры и архитектуры.

В целом настоящий сборник подводит итоги исследований советских и индийских ученых по указанным направлениям и позволяет полнее и глубже рассмотреть на конкретных материалах некоторые общие закономерности мирового исторического процесса.

Сборник подготовлен к изданию сектором Средней Азии и Кавказа Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Большую работу провели сотрудники сектора В. А. Алексин, Е. В. Бобровская, Л. Б. Кирчо, а также сотрудники Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР Я. В. Васильков и А. В. Парибок.

Г. Р. Шарма, Д. Д. Кларк

**ПРИРОДНОЕ ОКРУЖЕНИЕ И ПРЕДЫСТОРИЯ
СРЕДНЕЙ ЧАСТИ ДОЛИНЫ Р. СОН
(север штата Мадхья-Прадеш)**

Известно, что локальные геологические, биостратиграфические и археологические данные являются единственной надежной основой для широких региональных соотношений, палеоэкономических и палеоантропологических объяснений, поэтому после изучения комплексов артефактов в музее Аллахабадского университета было принято решение сконцентрировать работы в долине Сона. В январе—марте 1980 г. группа геологов и археологов из университетов Аллахабада и Калифорнии (Беркли) провела полевое изучение территории к востоку и западу от Сихавала в среднем течении р. Сон, к югу от плато Каймур на севере штата Мадхья-Прадеш. Предварительные результаты этих исследований и краткого вторичного посещения в марте 1981 г. будут опубликованы Департаментом древней истории, культуры и археологии Аллахабадского университета. Ниже мы познакомим с некоторыми наиболее важными итогами проведенных работ и поговорим о дальнейших исследованиях в названном регионе.

Изучаемая территория ограничивалась полосой длиной 40 км на северном берегу р. Сон и шириной 3—10 км между главным руслом реки и вершиной Каймура. Однако даже такая ограниченная площадь была слишком большой для полных систематических исследований в отведенное для работы время, поэтому пришлось прибегнуть к отбору образцов в трех опорных точках: Патпаре — на западе, Сихавале — в центре и Багхоре — на востоке. Это были выборочные предварительные полевые работы, изучение артефактов и образцов фауны, собранных в различных местах исследуемой территории специалистами из Аллахабада в 1974—1976 гг.

Наши цели — установить морфологическую последовательность аллювиальных отложений — моментов выветривания и осадков — в долине в четвертичное время и интерпретировать ее, описав древние климат и среду; выявить условия местонахождения

археологических памятников, которые могут быть датированы, и определить характер этих местонахождений, проведя соответствующие раскопки; подвергнуть археологические составляющие дальнейшему метрическому и статистическому анализу. Мы намеревались также изучить существующие топографические, климатические и экологические условия как основание для реконструкции прошлого и попытаться получить палеоэтноботанические и другие этнографические данные, особенно о жизни животных, для дальнейших сопоставлений с археологическими материалами и создания модели доисторической охотничье-собирательской экономики и землепользования на исследуемой территории. Такая модель могла быть проверена позже в полевых условиях. В достижении этих целей мы, как и ожидалось, преуспели лишь частично, однако было положено важное начало, которое даст возможность сконцентрировать будущие усилия на наиболее перспективных аспектах.

Осадочные породы были изучены М. Вильямсом из школы наук о земле университета Маккари (Австралия) и К. Ройсом из отдела геологии университета Кентербери (Новая Зеландия): определены и описаны составляющие, установлена геоморфологическая последовательность моментов отложения и разрушения и интерпретированы изменения древних природных условий. Эти геологические и относительные хронологические обоснования стали опорными для изучения развития культуры остатков. Наиболее древние аллювиальные отложения, указывающие на полуаридный климат, датируются, видимо, средним плейстоценом (формация Сихавал), поскольку слои содержат довольно хорошо моделированные ашельские артефакты (странным представляется тот факт, что на этом участке долины не представлены более ранние отложения). Следующие — отложения протяженного и разветвленного потока (гравий и глина) в условиях роста сезонного выпадения осадков, когда производители среднепалеолитических орудий заселили долину Сола. Возраст этих отложений (формация Патпара), — очевидно, начало верхнего плейстоцена; они отделены от вышележащей формации Багхор несогласованными напластованиями разрушения. Поздние верхнеплейстоценовые отложения (формация Багхор) подразделяются на нижние, грубой структуры слои, содержащие сравнительно большое количество костей млекопитающих, и на верхние, более мелкозернистые прослойки песков и глины, на поверхности которых найдены остатки местонахождений позднего палеолита. В это время р. Сон была мелководной пойменной, подступающей к подножию плато Каймур. Ранний голоцен характеризуется глубоким разрушением более древних отложений и формированием террас разрушения формации Кхетаунхи. Поверх отложения формации Багхор, на поверхности и внутри террас разрушения формации Кхетаунхи, которая, вероятно, относится к среднему голоцену, встречаются мезолитические комплексы.

Четыре стратиграфические формации разделены несогласованными напластованиями разрушения. Возраст (лет тому назад) примерно следующий (он выведен из известного возраста аналогичных форм отложений в Африке): древнее 100 000 — формации Сихавал, от 100 000 до 30 000 — формации Патпара, 30 000—12 000/11 000 — грубой прослойки, 10 000 — мелкозернистой прослойки формации Багхор. К сожалению, мы получили лишь несколько радиометрических дат для указанных отложений. Две даты долины р. Сон из углистых наслоений, лежащих на грубой прослойке формации Багхор, минимальны и свидетельствуют, что этот слой старше чем 13 000 лет тому назад.

Образец из отложений карбонатов в красно-коричневой песчанистой глине позволяет отнести верхнюю часть формации Патпара к $(24\ 900 \pm 820)$ гг. до н. э., показывая, что слой в целом древнее этой даты. Другой образец, датированный $(10\ 800 \pm 220)$ гг. до н. э., происходит из верхней части формации Багхор и, как предполагалось, указывает на финальный плейстоцен. Эта дата подтверждает также расчетный возраст позднепалеолитического комплекса Багхор-I. Другую близкую дату — $(10\ 030 \pm 115)$ лет до н. э. — сообщает образец из аналогичной мелкозернистой прослойки формации Багхор в долине Белана, содержащей позднепалеолитические артефакты и, таким образом, подтвердившей позднепалеолитический возраст раскопанных на р. Сон местонахождений. Весьма важно, что наша оценка возраста стоянки Багхор-II, технологически относящейся к раннему мезолиту, подтверждена датой (6380 ± 220) лет до н. э., полученной в результате анализа древесного угля из верхней части культурного слоя стоянки. Все вышеприведенные даты получены в Лаборатории физических исследований Ахмедабада.

Остановимся теперь на орудийных комплексах. Мы выделяем средний и поздний палеолит, а также мезолит, однако недостаточное количество комплексов не позволяет точно определить ашельские элементы в исследуемом районе долины р. Сон. Большей частью ашель встречается около главного русла реки, в отложениях аллювиальных гравиев, которые сформировались через длительный промежуток времени после изготовления артефактов. Часть артефактов находилась в невыветренном состоянии, а другие дают ряд от легко до сильно окатанных. В Сихавале на раскопе 5×5 м найдено 119 артефактов — обычный набор режущих орудий, оформленных изделий и бесформенных обломков; почти все сделаны из кварцита. Среди орудий — ручное рубило, кливер и ряд мелких, представленных формами, характерными для ашеля Африки. Самые крупные орудия были изготовлены из отщепов кварцита, отбитых с аморфных ядр; нет никаких доказательств использования протолеваллуазской техники. Артефакты были расположены бессистемно как по горизонтали, так и по вертикали и происходили в основном из верхней несцементированной части гравия.

В Патпаре была зачищена площадь 20×25 м и раскопано место, где артефакты оказались вымытыми из галечной массы с погребенной поверхности красной илистой глины этой формации. Кроме того, была заложена ступенчатая траншея для изучения всей последовательности отложений и найдено несколько находящихся как *in situ*, так и в переотложенном состоянии артефактов, которые помогли уточнить набор форм орудий.

Мы показали, что современное разрушение отложений, затронувшее залежи гравия на изучаемых нами территориях, напоминает таковое в позднплейстоценовую эпоху, на слои которой был прямо переотложен гравий, так что не произошло значительного перемещения артефактов с мест, где они залегали в формации Патпара и где их изготовляли, а также использовали. Большая часть комплексов относится к нижней части формации Патпара, по всей видимости к ранним этапам среднего палеолита. Важным является возрастание использования кремнистого сланца в противоположность кварциту, хотя из последнего продолжали изготавливать в основном крупные орудия. Наряду с орудиями стандартных форм — боковыми, конвергентными скреблами и скреблами *gejele* с характерной ступенчатой и чешуйчатой ретушью — имеется множество ретушированных, на отщепах неопределенной формы, хотя и не столь грубых, как можно предположить, глядя на опубликованные изображения орудий из среднеплейстоценовых местонахождений в речных отложениях различных частей Индии. Снятие первичных отщепов производилось с одноплощадочных и двухплощадочных нуклеусов, использовали и дисковидные ядрища, которые давали несколько небольших отщепов, иногда с фасетированными ударными площадками. Настоящие леваллуазские нуклеусы и их отходы почти не представлены. Необычным является и небольшое количество найденных ручных рубил и кливеров. Комплекс имел и сходство, и различия с ашельем, но нужен хороший образец ашельского комплекса из долины р. Сон, прежде чем мы сможем определить эти различия точно. Бифасы известны из других местонахождений среднего палеолита Индии. Таким образом, вероятно, что по крайней мере две фации среднего палеолита представлены там на раннем этапе среднего плейстоцена: во-первых, аналогичная, но ни в коем случае не идентичная «мустье с ашельской традицией» типа Джабруд в Палестине, во-вторых, форма, в которой нет бифасов. Нельзя исключить и возможность того, что это были хронологические различия.

Ступенчатая траншея в Накджхар-Кхурде, на южном берегу р. Сон, где бифасы были найдены переотложенными, показывает, что гравии и глинистые пески Патпары перекрывают глины и гравии формации Сихавал. Здесь вновь бифасы встречены *in situ* в гравиях Патпары, в условиях, исключающих их перемещение из более ранних гравиев. Раскоп показал также, что население по-прежнему оставалось в долине Сона в то время, когда шло

отложение глин, образующих верхнюю часть формации Сихавал. Единственный отщеп был обнаружен в глине в естественных условиях и позволяет предположить, что более интенсивные исследования в этом слое могут дать первоначальный контекст комплекса.

Не найдено аналогий комплексам ни из верхней части отложений Патпары, ни из нижней части формации Багхор. Длинные пластины кремнистого сланца с фасетированными ударными площадками предвосхищают позднепалеолитическую технологию изготовления пластин, хотя в то же время единственными артефактами в песках горизонтальной слоистости низа формации Багхор были случайно отбитые среднепалеолитические отщепы и некрупные пластины. Низ формации Багхор, однако, важен благодаря очень хорошим образцам мамонтовой фауны, существовавшей в долине большую часть последнего ледникового периода. Предварительное исследование костей было проведено Р. Д. Блуменшайном и У. К. Чаттопадхьяей, которые показали, что в фауне преобладали животные (олени и быки вместе с носорогом, слоном и гиппопотамом), обитавшие в хорошо обводненных, сравнительно открытых, но облесенных районах.

Важная стоянка была обнаружена на размывах в глине верхней части формации Багхор, недалеко от подножия обнажения севернее д. Багхор. Местонахождение, названное Багхор-1, было совершенно не нарушено (если не считать повреждения эрозией) и сохранило площадку, где изготовлялись в большом количестве призматические нуклеусы и производились другие виды работ. Предварительные раскопки 117 м² вскрыли лишь часть культурного слоя, но уже четко различимы места скопления отходов, производственные площадки для изготовления каменных орудий, поверхность, покрытая золой (видимо, очаг для подготовки ядрищ), и т. д. Каменная индустрия включает пластины с прямым и выпуклым притупленными краями, с частично притупленным краем, изогнутые, с выемкой, редкие трапеции и выемчатые скребки, косые треугольники. Концевые скребки и резцы не представлены, но, поскольку эти орудия связаны со специализированными видами деятельности, они могут встретиться в других, пока еще не раскопанных частях стоянки. Первичные пластины получали с нуклеусов, снимая ребристую поверхность и используя метод снятия пластин для подготовки и оживления ядрищ. Имеются данные о специальной тепловой обработке кремнистого сланца. В примыкающей части раннего горизонта в основании глин найдены угольки, которые могут датировать комплекс; по нашему предварительному определению, он позднепалеолитический, ибо для производства орудий использованы стандартные пластины-заготовки (правда, сходство нашего комплекса с позднепалеолитическими комплексами Европы и Северной Азии этим и ограничивается). Ближайшие аналогии дают комплексы типа Зарзи

в Курдистане и эпипалеолитические комплексы Северного Ирана, датированные 10 000—6700 гг. до н. э.

В 0,5 км к югу в пункте Багхор-II мы нашли мезолитическую стоянку и раскопали 64 м² культурного слоя, который расположен в нижней части желтых алевроитов, перекрывающих глину, содержащую позднепалеолитические комплексы. Изготовление каменных артефактов полностью основано на микролитической технологии, использован и микрорезцовый метод деления пластинок. Микролиты по большей части негеометрические, хотя представлены и треугольниками, трапециями, маленькие прямоугольники, однако они лишены стандартных характеристик поздних мезолитических комплексов. Таким образом, мы полагаем, что местонахождение является ранней мезолитической стоянкой, что подтверждается и радиоуглеродной датой.

Наряду с микролитическими элементами здесь встречены разбитые и целые плоские тонкие стационарные точильные камни. Тяжелые точильные камни с большими углублениями не найдены, но аналогичные обнаружены на мезолитических стоянках долины Сона и Белана; половина такого камня зафиксирована на поверхности между стоянками Багхор-I и II. Кроме того, встречено множество легких ручных точил разных типов. Характерная форма точила — караваяобразная с одной плоской, отшлифованной и потертой поверхностью, в середине которой имеется углубление. Здесь найдены также три обломка алевроита от тонкозернистых гладких конусообразных камней и плоские диски из песчаника. Назначение первых остается загадочным, последние же могут быть «игральными фишками».

Особый интерес представляют некоторые черты комплекса: например, большое количество угловатых и полуугловатых галек, плоских кусков кварцита и песчаника, иногда образующих подструктуры из вертикальных плит, положенных в определенной последовательности, обожженных и сгруппированных вместе с точильными камнями. Одно или два точила имеют следы растирания красной охры. Эти гальки, видимо, были принесены на стоянку человеком, после чего часть их была разбита при использовании или раскололась в огне.

Наиболее интересная особенность — наличие четырех комплексов ям, в каждом из которых было по четыре ямы для столбов арочных конструкций; комплексы замечательны правильностью формы и равными расстояниями между ямами. Эти следы четырех больших столбов сходны с ямами для столбов, которыми снабжены временные убежища, и поныне используемые местными земледельцами, наблюдающими за созреванием урожая. Следовательно, возможно, что такие комплексы столбовых ям принадлежали к определенному виду конструкции, поддерживаемой впереди столбами, — нечто вроде хижины. Кроме того, следует отметить, что приблизительно одинаковое количество галек и микролитов связано с каждым из комплексов.

Таким образом, раскопки в Багхоре-II вскрыли, вероятно, часть стоянки, где велось несколько видов работ. Поскольку два комплекса ям перекрывают друг друга, можно считать, что стоянка обживалась более чем один раз. Имеются и другие свидетельства — три отпечатка переднего и заднего копыт оленя, который проходил через территорию стоянки, когда она, видимо, уже была покинута. Возобновление раскопок даст возможность проверить эту гипотезу, так как мы предполагаем, что еще один комплекс столбовых ям будет найден в связи с единственной изолированной ямой, расположенной около восточного края раскопа 1980 г.

Этнографические исследования бродячих индийских племен показывают, что наши стоянки, очевидно, оставлены охотниками и собирателями, которые не знали скотоводства и земледелия и сравнительно часто передвигались с места на место. Одно такое передвижение, как можно утверждать, было связано с сезонностью: группы населения, видимо, поднимались на плато Каймур на период муссонов и в начале сухого сезона, когда растительные, животные и водные ресурсы еще имелись в изобилии, и возвращались в долину, когда наступала зима. Несколько небольших скальных навесов находится в верхней части подъема на плато (население могло использовать и засушливые районы долины Адвы на севере). На них обнаружены рисунки трех основных видов. На наиболее ранних имеются как натуралистические, так и стилизованные изображения оленя, носорога и других животных вместе с охотящимися и танцующими людьми. Разведочные раскопки одного из навесов (Гаххария-1) показали наличие тонкого культурного слоя с достаточно продолжительным периодом обитания: от раннего до позднего мезолита; и здесь, как свидетельствует керамика, обживание продолжалось в неолите—энеолите вплоть до железного века. Эта и другие аналогичные стоянки, судя по тонкому слою отложений, были, вероятно, временными, сезонными обиталищами и сохранили следы успешного перехода от охотничье-собирательской экономики к экономике, основанной на взаимодействии с земледельцами и металлургами. Поскольку огромная, упавшая с потолка плита накрыла слой, на поверхности которого были фрагменты керамики железного века, а группа оленей была изображена левее, видимо, рисовать на скалах продолжали еще и в железном веке.

Формы орудий, характерные для мезолита долины Сона, но встречающиеся также и в предшествующих производственных комплексах, — это пластины или отщепы с краевой противоположной чешуйчатой и ступенчатой ретушью. Некоторые из них намеренно ретушированы, однако мы полагаем, что большая часть ретуши — результат использования орудий. Такое предположение подтверждают и этнографические материалы. Интересно будет выяснить, в какой мере данный факт может быть общей особенностью мезолитических комплексов Индии.

Если схема распространения поселений является правильным критерием, то характер землепользования в среднем течении р. Сон, видимо, изменялся под воздействием природных факторов. В ашеле гоминиды селились вдоль основного русла реки и нижних бьефов притоков. Это было, вероятно, обусловлено полуаридными климатическими условиями и частично — наличием хорошего сырья для орудий, изготовлявшихся из кварцитовых и песчаниковых выходов недалеко от реки. В среднем палеолите возросла речная активность и результатом смещений ложа речных русел стало более широкое распространение стоянок по долине. В позднем палеолите большая часть долины была затоплена и оказалась недоступной для обживания, поэтому в данный период и в ранне-мезолитическое время население сосредоточивалось вдоль подошвы водораздела и кварцитовых скал, идущих параллельно и близко от основного течения реки; долина во время отложения мелкозернистых компонентов формации Багхор была заболочена и затоплялась, отчего там не найдено ни одного поселения.

Мы также кратко изучили и картировали современные временные стоянки, где живут крестьяне, наблюдающие за созреванием урожая, и кочующие пастухи, благодаря этому смогли установить требования, предъявляемые человеком к окружающему пространству, и выяснить, что в оборудовании места ночлега или обитания проявлялись регулярно повторяющиеся закономерности. Особый интерес вызвал способ доставки камней на стоянку, где их приспособляли для различных нужд: в качестве сидений, основной ложа, в очагах и т. д. Все это позволяет сделать некоторые предположения по использованию галек и обломков камня, принесенных на мезолитические стоянки.

Другой особенностью как позднепалеолитических, так и мезолитических стоянок было наличие большого числа обломков кремнистого сланца, агата и халцедона, что скорее всего указывает на интенсивную тепловую обработку криптокристаллических пород для изменения молекулярной структуры и более легкого раскалывания от несильных ударов или давления. Появление тепловой обработки камней очень характерно, и это — постоянно повторяющаяся особенность данных стоянок начиная с позднего палеолита.

Можно предположить, что сообщества крупных животных и лиственный лес в долине р. Сон, видимо, похожи на таковые в голоцене. Это очень важно, ибо дает нам возможность предложить модель экономической и социальной организации в мезолите, которая может быть проверена во время будущих полевых исследований.

Удивительная особенность всех поселений — фактически полное отсутствие фаунистических остатков. Возможно, оно было обусловлено кислой реакцией почвы, но поскольку в окрестностях встречается известняк, не исключено, что отсутствие фауны на стоянках объясняется такой бытовой практикой, как вынос

пищевых отходов на специальные свалки. Это явный контраст широкому распространению костей, обычно цементированных карбонатом кальция, в нижней части формации Багхор позднплейстоценовой эпохи. Отсутствие фаунистических остатков сильно уменьшает количество данных по экономике стоянок, что может быть лишь частично компенсировано комплексными исследованиями условий местонахождения материалов.

Предварительные сравнения комплексов наших стоянок в долине р. Сон с таковыми в Африке в настоящее время основаны более на качественной, чем на количественной, оценке. Ашель из долины р. Сон дает достаточно развитые признаки, преобладание овальных и удлинено-овальных ручных рубил и прямоугольных кливеров, более свойственных поздней стадии ашеля, т. е. эти комплексы скорее поздние, чем ранние, и, видимо, не древнее 0.7 млн. лет. Средний палеолит имеет некоторое сходство с временными фациями ашеля, типа VIII стадии атлантического побережья Марокко в районе Касабланки и других местонахождений в Северо-Западной Африке, а также тех, которые впервые описаны как комплекс Фаурсмит в степях на юге Африки, основанный на использовании отвердевших глинистых сланцев. В этих и других близких им комплексах традиция бифасов хотя и присутствует, но затенена большим количеством орудий и оформленных отщепов, а технология формирования нуклеусов приспособлена для изготовления таких отщепов. Следовательно, индустрию Патпары можно рассматривать как финальноашельскую или переходную (в той степени, в какой любой комплекс может быть переходным) между ранним и средним палеолитом; исключение составляет лишь то, что ручные рубила чаще имели довольно малые размеры, грубые и нерегулярные сколы. Это подтверждает предположение, что обнаруженные бифасы утратили свое первоначальное назначение и приобрели новое. На основании указанных и ряда других особенностей, более заметных при изучении техники обработки отщепов, мы считаем, что индустрию Патпары правильнее отнести к среднему палеолиту, а не к концу ашеля. Индустрия Фаурсмита степей Южной Африки датируется периодом между 167 000—115 000 лет тому назад, а средний палеолит Патпары имеет сходный возраст. Традиция изготовления призматических пластин появляется приблизительно 40 000 лет назад в Киренаике. Между 30 000 и 20 000 лет технология изготовления призматических пластин прямым скалыванием широко распространилась в некоторых частях Северной и Восточной Африки. Она встречена и в Индии, однако можно предположить, что ретушированные орудия там были иными, чем в Северной Африке. Эта техника раскалывания появляется в Индии по крайней мере в то же самое время, что и в Северной Африке, но, видимо, несколько раньше, поскольку первым переселенцам, достигшим Австралии 40 000 лет тому назад, она еще не была известна.

В расположенных к югу от Сахары частях Африки комплексы микролитических пластин позднекаменного века датируются начиная с 20 000 лет, а микролиты со «спинкой» были характерной формой примерно 9000 лет тому назад. Материалы из долин Ганга, Сона и Белана дали для раннего мезолита (что неудивительно) главные формы, представленные как в Африке, так и в Индии. По используемой технике микрорезцов индийские комплексы ближе скорее к традициям Северной, чем Южной, Африки. Совершенно очевидна местная основа индийских комплексов. Они сравнимы с африканскими только в общих чертах и демонстрируют свой локальный характер, обусловленный длительной специализированной адаптацией и селекцией. Индивидуальность индийских комплексов ясна с самого раннего из них, обнаруженного в культурной последовательности долины р. Сон, именуемого ашельским. Это своеобразие, нашедшее выражение в комплексах артефактов, является результатом приспособления моделей поведения к экосистемам, которые существовали тысячелетиями и изучение которых — первоочередная задача археологов.

Данное исследование носит предварительный характер. Полевые работы поставили множество вопросов и открыли ряд методов, которые помогут нам усилить и сфокусировать работы в будущем. Ближайшей целью будет установление связей мест деятельности древнего человека с определенными артефактами и фауной. Поскольку *Homo erectus* находился в Юго-Восточной Азии 1 500 000 лет тому назад, совершенно ясно, что в это время гоминиды уже заселили п-ов Индостан. Кроме того, поскольку современный человек, как стало теперь известно, существовал в Австралии около 40 000 лет тому назад, его появление в Индии должно быть отнесено к более раннему времени. Пока определенно не известны кости человека ранее мезолита. Однако наши первые работы в долине р. Сон показали, что мы, вероятно, ведем исследование не на тех участках.

В. Н. Мишра

ДРЕВНИЕ ОХОТНИЧЬЕ-СОБИРАТЕЛЬСКИЕ КУЛЬТУРЫ И ПЕРЕХОД К ОСЕДЛОМУ ЗЕМЛЕДЕЛИЮ В ИНДИИ

Археологические материалы свидетельствуют о непрерывном заселении большей части Индии с эпохи нижнего палеолита. Сведения относительно существования галечной культуры доашельского типа в Центральной Индии представляются недостаточными обоснованными. Галечные комплексы известны на Потварском плато в Пакистане, а также в предгималайских районах Пенджаба и Химачал-Прадеша в Индии, однако нет

данных, позволяющих оценить их как предшествующие ашельским индустриям.

Многочисленные и разнообразные свидетельства подтверждают распространение ашельской культуры на территории Индии. Индустрии ашельского типа известны начиная от Сиваликских холмов на севере до долины Кортальяр на юге, от п-ова Саураштра на западе до холмов Гаро в районе Мечхалайя на востоке. Тем самым подтверждается факт, что ашельские люди существовали в самых разнообразных ландшафтных условиях. Можно выделить по крайней мере две технические стадии в развитии ашельской культуры. Ранняя характеризуется высоким содержанием галечных орудий, большим количеством ручных рубил по сравнению с кливерами, более частым употреблением техники каменного отбойника и низким процентом орудий на пластинах. Эта стадия представлена индустриями Хунsgi (Карнатака), Невасы (Махараштра), Махадео-Пипарая (Мадхья-Прадеш), Дидваны (Раджастхан) и других памятников. Поздняя стадия отличается почти полным отсутствием галечных орудий, более высоким сравнительно с ручными рубилами содержанием кливеров, очень большим числом орудий на отщепах, а также частым употреблением техники мягкого отбойника. Кварцит был самым распространенным сырьем для изготовления орудий, но в случаях, когда этот материал отсутствовал или имелся в недостаточном количестве, использовали другие горные породы: кварц (в Северном Гуджарате или в Западном Раджастхане), базальт (в западной части Махараштры), гранит (округ Лалитпур штата Уттар-Прадеш). Фаунистический материал обычно плохо сохраняется *in situ* в памятниках, тем не менее ископаемые кости обнаружены в аллювиальных отложениях Нармады, Годавари, Сона и их притоков — это кости крупных млекопитающих: слона, гиппопотама, носорога, лошади, быка, дикой свиньи, — относящиеся к среднему или верхнему плейстоцену. На основании уран-ториевых дат, полученных для стоянки Умретхи в Саураштре, возраст раннеашельской стадии оценивается в 200 000 лет. Включение в охотничью добычу перечисленных выше крупных млекопитающих доказывает, что охотились группами, т. е. существовала развитая социальная структура. Раннеашельские люди жили на открытой местности, где они, по-видимому, сооружали, как следует из материалов стоянки Хунsgi, устройства для защиты от ветра и легкие жилища из прутьев, окруженные крупными блоками камня. Позднеашельские люди обитали как в скальных убежищах (Бхимбетка), так и на открытой местности (Кхандера и Баркхера в Мадхья-Прадеше, Гангапур в Махараштре).

Повсеместно в Индии поздний ашель сменяется культурой среднего палеолита. На его ранней стадии еще встречаются немногочисленные ручные рубила и кливеры, но вскоре они исчезают совсем. Наиболее типичными орудиями этой стадии являются разнообразные скребла, выемчатые и зубчатые орудия,

скребки, наконечники, проколки. Они обычно изготавливались на отщепях, иногда на плоских сколах, а также на желваках. Широко применяется техника леваллуа и дисковидного нуклеуса при изготовлении отщепов, что приводило к значительной экономии сырья. Уменьшаются размеры орудий, используется вторичная ретушь при оформлении их рабочего края. Высокое содержание скребел, выемчатых и зубчатых орудий предполагает широкое развитие обработки дерева и шкур. Крупные остроконечники, вероятно, служили наконечниками копий и дротиков. Несмотря на то что в некоторых районах продолжали в качестве сырья применять кварцит, явное предпочтение отдавалось кремнистым породам (кремнистому сланцу и яшме). В Западном Раджастхане использовали твердые вулканические породы: риолит, полевошпатовый порфирит. Уменьшение величины орудий, очевидно, частично связано с небольшими размерами кремнистых желваков. В тех случаях, когда фауна сохранилась, она по составу не отличается от ашельской, но имеет более развитый облик. На основании геоморфологических, стратиграфических и радиометрических данных культура среднего палеолита Северо-Западной Индии (пустыня Тар) может быть датирована временем последнего межледниковья, однако радиоуглеродные определения, полученные для памятников Декана, показывают, что в этом районе средний палеолит продолжался на протяжении значительной части верхнего плейстоцена (приблизительно до 30 000 лет). В Северо-Западной Индии в эпоху среднего палеолита установились аридные условия, что, по-видимому, вынудило население передвинуться южнее, в районы, более обеспеченные влагой и пищевыми ресурсами.

Стадия верхнего палеолита в Индии не столь широко документирована, как две предшествующие. Наиболее бесспорные и многочисленные данные относительно этой стадии происходят с юго-восточного побережья Индии (округа Читтор, Курнул и Куддапах штата Андхра-Прадеш), а также из долин Белана (Уттар-Прадеш), Сона (Мадхья-Прадеш) и Кана (Махараштра). Указанный период характеризуется значительными техническими переменами. Орудия делались обычно на широких, среднего размера (3—10 см) пластинах. На поздних стадиях пластины изготавливались с помощью отжимной техники из специально подготовленных нуклеусов. Орудия представлены разнообразными типами пластин со спинками (включая прямоугольники, сегменты, наконечники), скребками, зубчатыми, выемчатыми экземплярами, наконечниками и проколками на отщепях. Скребки становятся более многочисленными и типологически выдержанными. На стоянке Ренигунта (Читтор), а также на местонахождениях долины Белана имеются резцы различных типов, сделанные на массивных пластинах и отщепях. Пластины со спинками, видимо, использовались в качестве вкладышей — они вставлялись в деревянные или костяные ручки составных копий, стрел, гарпунов или серпов.

В пещерах округа Курнул получены факты, свидетельствующие об употреблении костяных орудий. На некоторых стоянках Южной Индии (Педдараджупалли и Ренигунта) были обнаружены просверленные камни, которые, вероятно, использовались в качестве грузил при рыбной ловле. Многие стоянки расположены в глубоких заливчиках постоянных водных бассейнов, что позволяет говорить о важной роли рыболовства в их хозяйстве. Терочные камни с мелкими углублениями и терочки, найденные на нескольких стоянках, предполагают существование технологии приготовления пищи. Хорошо сохранившаяся в группе известняковых пещер Билла-Сургам (Курнул) фауна включает как крупных, так и мелких млекопитающих. К этому периоду относятся и наиболее ранние произведения первобытного искусства — решетчатый орнамент на скорлупе яиц страуса со стоянки Патне и женская костяная статуэтка из долины Белана. Несколько радиоуглеродных дат позволяют определить время верхнего палеолита — 25 000—18 000 лет. Геоморфологические и литологические данные свидетельствуют о том, что поздний отрезок верхнего плейстоцена характеризовался резкой аридностью климата и сопровождался интенсивным формированием дюн на территории Гуджарата и Раджастана. Наличие трех погребенных почв — доказательство нарушения этого процесса периодами увлажнений. На основании радиоуглеродных дат, полученных для карбонатов, а также термолуминесцентных дат для дюнного песка аридная фаза коррелируется с периодом последнего оледенения, а погребенные почвы — с межстадиями. Наличие страуса в Махараштре, Мадхья-Прадеше и Восточном Раджастане показывает, что аридная зона распространялась за пределы Западного Раджастана и Гуджарата.

Мезолитический период исследован на значительной территории; свидетельства, относящиеся к этому периоду, многочисленны и разнообразны. По-видимому, в течение данного периода произошло значительное распространение населения. Охотники и собиратели вышли из лесов Каймура на равнины Ганга, где они устраивали свои поселения на берегах озер, образованных остатками менявших свои русла рек. В районе Бхимбетка мезолитических стоянок в скальных убежищах значительно больше, чем палеолитических поселений такого же типа. Резкое возрастание численности населения могло быть вызвано, во-первых, ростом пищевых ресурсов вследствие увеличения влажности, что отчетливо документируется материалами Северо-Западной Индии, во-вторых, технологическими инновациями, значительно увеличившими возможности добывания и обработки продуктов питания. Пластинчатая техника, появившаяся уже в верхнем палеолите, в мезолите достигает вершины совершенства. Изящные тонкие пластиночки (длиной от 1 до 3 см) делали в массовом количестве из призматических нуклеусов при помощи отжимной техники. Эти пластиночки переоформляли в различные орудия геометри-

ческих форм (полумесяцы, треугольники, трапеции) и использовали в качестве вкладышей в составных орудиях. Последние изготавливали исключительно из кремнистых пород (кремнистый сланец, халцедон, агат), из кварца и лидита. Лук и стрелы становятся обычным охотничьим оружием. Наскальные изображения свидетельствуют о широком применении копий, палок-копалок, ловушек для охоты и рыбной ловли. Просверленные камни, использовавшиеся, вероятно, как грузила при рыбной ловле, навершия и грузила палок-копалок, а также терочные камни встречаются в значительном количестве. Хозяйственная стратегия этого периода, по-видимому, характеризуется интенсивной эксплуатацией пищевых ресурсов ограниченных экологических ниш.

Имеются надежные свидетельства того, что к концу мезолита тесное взаимодействие человека, с одной стороны, растительного и животного мира — с другой, увенчалось одомашниванием растений и животных. Исследование памятника Колдихва в долине Белана подтверждает факт культивации риса в этом районе около 6000 г. до н. э. Исследование Багора в Раджастхане дало доказательство domestikации козы, овцы и крупного рогатого скота примерно в 5000 г. до н. э. Получение устойчивой хозяйственной основы привело к увеличению оседлости и возрастанию размеров поселений. Мезолитическая стоянка в Багоре занимает площадь более чем 6000 м². Поселения в долине Ганга не уступают (если не превосходят) ей по размеру. Есть данные о том, что в Багоре и Тилваре (Раджастхан) строили круглые в плане жилища; в Сарай-Нахар-Рае (долина Ганга) полы делали из обожженной глины, а на них возводили наземные строения из прутьев. На памятниках в огромных количествах сохранились кухонные отбросы в виде обугленных костей животных. Впервые охотники-собиратели-скотоводы стали хоронить умерших или в пределах поселка, или в специальных некрополях. В Махадахе, в долине Ганга, обнаружено не менее 40 захоронений, что свидетельствует о значительных размерах популяции. Богатый погребальный инвентарь включал костяные украшения, терочки, орудия из кости и рога, куски охры.

В это время расцветает и художественная деятельность. Скальные навесы в массивах песчаника на плато Виндхья в Центральной Индии содержат десятки тысяч рисунков, выполненных красной, белой и зеленой красками. На них натуралистично и очень динамично изображены богатая фауна того периода, сцены охоты, рыбной ловли и социальной жизни. В могилах на мезолитических поселениях долины Ганга встречены серьги и ожерелья в виде искусно вырезанных костяных или роговых колец. На поселениях Центральной Индии найдены также орнаментированные куски кости.

Таким образом, мезолит знаменует собой появление значительных инноваций в области технологии, вызвавших существенный рост численности населения, более стабильное снабжение продук-

тами питания, более эффективное использование пищевых ресурсов, увеличение оседлости, интенсивную художественную деятельность, усиление разнообразия в сфере материальной культуры и в конечном итоге — появление хозяйственных структур, основанных на культивации растений и domestikации животных. Примерно к 6000 г. до н. э. сложились предпосылки для возникновения оседлого уклада, базирующегося на регулярном земледелии. Этот уклад распространился в течение последующих четырех тысячелетий на большей части Индостана.

Б. Б. Мишра, Р. К. Варма, В. Д. Мишра

ЭПИПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ И МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ПЛАТО ВИНДХЬЯ И ДОЛИНЫ ГАНГА

Геолого-археологические исследования последних 25 лет, проведенные Департаментом древней истории, культуры и археологии Аллахабадского университета под руководством Г. Р. Шармы в северной части плато Виндхья, охватили долину Белана, средние течения Сона и Ганга [Sharma, 1980, p. 88]. В этой области плейстоценовые отложения распространены достаточно широко. Обнаружены каменные индустрии нижнего палеолита— мезолита. Разрезы речных отложений дают представление о колебаниях климата в период от среднего плейстоцена до раннего голоцена. Найдены тысячи остатков ископаемых животных. Благодаря этому впервые был заполнен пробел на карте ископаемых остатков Индии между Сиваликскими холмами на севере и долиной Нармады на юге. В нашей работе делается попытка определить существенные черты эпипалеолита и мезолита северной части Виндхья и долины Ганга. Исследуемая область занимает 31 001 км² и ограничена на севере р. Гомати, на юге р. Гопад, на востоке р. Карманаса, на западе р. Пайсуни. Для изучения геологии памятников эпипалеолита и мезолита следует обратиться к верхним слоям разрезов долин Белана и Сона и к формации Бхагар в долине Ганга. В долине Белана присутствие эпипалеолитических артефактов отмечено в нижней части третьего лёсса, залегающего на цементированном гравии III. Соответственно можно указать, что гравий III в разрезе долины Белана дал артефакты верхнего палеолита и фоссилизированные остатки быка, барана, козла, антилопы, бизона, гиппопотама и слона [Aiyar, 1980, p. 201, 202], что совпадает, видимо, с концом плейстоцена. Из этого горизонта происходят орудия верхнего

палеолита вместе с негеометрическими микролитами. Верхняя часть данного геологического подразделения, достигающего мощности 4 м, содержит уже геометрические микролиты.

В разрезах долины Сона эпипалеолитические орудия связаны со средней частью мелкозернистого подразделения формации Багхор. Вышележащие отложения содержат мезолитические изделия.

Разрезы древнего аллювия долины Ганга (Бхагар) достигают мощности 10 м и делятся на четыре слоя. В основании залегает желтоватая почва с карбонатами кальция, которая перекрыта черными глинами. Пластичная глина составляет третий слой, тогда как опесчаненная почва является последней формацией [Sharma, 1975, p. 5].

С точки зрения палеоклимата, гравий III долины Белана и соответствующая формация в долине Сона были образованы скорее всего в условиях сухого климата. Нижний отдел формации Бхагар в долине Ганга был сформирован в таких же климатических условиях. Последующие отложения в Северном Виндхья и в долине Ганга предполагают несколько более влажные условия. Самые верхние отложения, по-видимому субэаральные, образовались опять в сухих условиях.

В области к северу от Ганга и в среднем течении этой реки отмечено большое количество озер подковообразной формы; они обязаны своим происхождением меандрам Ганга и представляют собой различные стадии передвижения реки к югу. Г. Р. Шарма полагает, что образование этих озер, перемещение Ганга на нынешнее место и углубление его русла были частью того процесса, который захватил также долины Белана и Сона в конце плейстоцена [Sharma, 1975 p. 5]. Анализ пыльцы из района около оз. Невари (возле Сарай-Нахар-Рая в округе Пратабгарх) показал, что в течение последних 8000 лет было четыре колебания климата: от очень сухого к умеренно влажному через сухой и очень сухой [Gupta, 1976, p. 109—119]. Изучение пыльцы из вышеназванного района, так же как и с побережья оз. Махадаха [Pant D. D., Pant R., 1980, p. 230], позволяет предполагать существование в средней части Ганга травянистой равнины с устойчивыми источниками питьевой воды, привлекавшей и человека, и животных из области Виндхья. Предположительно первые переселения людей имели сезонный характер, поскольку в долине Ганга не было сырья для изготовления каменных орудий (по сравнению с каменными изделиями плато Виндхья каменные орудия долины Ганга заметно мельче, их и меньше на стоянках). Кроме того, там не было и естественных убежищ, спасающих от непогоды в сезон дождей и холодов. Характер стоянок каменного века в долине Ганга подтверждает, что охотники каменного века не задерживались подолгу на месте [Sharma, 1975, p. 10].

Эпипалеолитические стоянки, расположенные в горах Виндхья и в долине Ганга (а их 77), распределены так, что на область

Виндхья приходится 70 из них, а на долину Ганга — семь. Среди важнейших стоянок Виндхья нужно упомянуть следующие: Амилия на Белане и на Гурме, Амирти, Ахири, Багхор, Байра-Думунхва, Банки, Бхитари, Гархва, Дхуммар-Ки-Пахари, Колдах, Кукурахи, Кунджнун, Курха, Кхетаухи, Мундах, Панвариа, Рамдиха, Рампур, Сатхикур, Сулеманпарбатпур, Читвариа, Чопани-Мандо. В горах Виндхья эти стоянки расположены или на берегах рек, или на склонах Каймура, или на южном склоне среднего гребня, фланкирующего Сон с севера. В долине Ганга стоянки залегают на древнем аллювии, как правило, на берегах озер. Остановимся на раскопанных памятниках Чопани-Мандо (Аллахабад) и Лекхахия (Мирзапур).

Чопани-Мандо находится в 77 км к юго-востоку от Аллахабада, на левом берегу Белана, занимает площадь 15 000 м². С целью выяснить перспективность этой стоянки были осуществлены пробные раскопки в 1967 г. Далее на протяжении двух полевых сезонов (1978—1979 и 1979—1980 гг.) проводились «горизонтальные» раскопки. Отложения мощностью 1.55 м подразделяются на 10 слоев и три фазы [Sharma, Misra, 1980, p. 33—76]. Древнейший слой (10), залегающий на скальном основании, дал эпилеолитические орудия (фаза I); слои 8 и 9 — негеометрические микролиты без керамики (фаза IIА); слои 4—7 — геометрические микролиты без керамики (фаза IIВ). Слои 1—3 представляют фазу III — развитой мезолит или протонеолит — и характеризуются появлением лепной керамики. Геологические образования, включающие эти культурные остатки, примерно соответствуют цементированному гравию III разреза долины Белана. Слой 10 может быть сопоставлен с погребенной почвой или древним гумусом, перекрывающим гравий III; слои 8 и 9 соответствуют золотым отложениям, слои с 1 по 7 — верху этой формации, субэаральным отложениям.

Раскопки в Лекхахии были проведены в 1964 г. Мощность культурных остатков достигала 1.07 м; напластования подразделялись на восемь слоев, из которых самый нижний лежал на скальном основании. В пределах памятника отмечены четыре этапа: фаза I — эпилеолит; фаза II — негеометрические микролиты без керамики; фаза III — геометрические микролиты (треугольники) без керамики; фаза IV — геометрические микролиты с керамикой.

Каменный инвентарь указанных памятников изготовлен из кремнистого сланца (сероватого, беловатого, черного, коричневого и др.): это толстые и широкие пластины, пластины с притупленным краем, острия и скребла наряду с крупными ядрищами, отщепами, заготовками и микролитами. Индустрия и типологически, и технологически представляет переходную стадию между верхним палеолитом и мезолитом. Эпилеолитические изделия по сравнению с верхнепалеолитическими меньше, тоньше и шире, но крупнее мезолитических. Орудия умеренно патинизи-

рованы. Большинство из них сделано из пластин или отщепов — широких, длинных и толстых. Заготовки имеют на спинке грани, негативы предшествующих сколов. Много одно- и двухплощадочных ядрищ с параллельной огранкой; они предварительно обрабатывались. Пластины скальвались с этих ядрищ и могли иметь подправку площадки. Некоторые пластины отколоты с помощью посредника. Заготовки превращались в орудия — в пластины, резцы, пластинки с притупленным краем, проколки, острия, скребки и сегменты. Орудия характеризуются нормальной грубой ретушью или ретушью с брющка.

Исследования, проведенные Департаментом древней истории, культуры и археологии Аллахабадского университета, выявили 401 мезолитическое местонахождение, из них 208 — в горах Виндхья и 193 — в долине Ганга. В горах Виндхья микролиты найдены и на открытых поселениях, и в скальных навесах. В долине Ганга стоянки обнаружены на берегах реки или озера подковообразной формы. Широкое распространение мезолитических стоянок, свидетельствующее о расселении на данной территории охотников-собирателей, — очевидно, результат увеличения численности обитателей этого района.

Департамент вел исследования на девяти мезолитических памятниках. Из них семь — Багхайкхор, Багхор-II [Sussman et al., 1982], Бхадаунха-Пахар, Гхагхария-I [Brandit et al., 1982], Лекхалия, Морахана-Пахар, Чопани-Мандо — расположены в области Виндхья, а два — Махадаха [Sharma, Misra, Pal, 1980] и Сарай-Нахар-Рай [Sharma, 1973, 1975] — в долине Ганга. Среди памятников в горах Виндхья имеется пять навесов: Багхайкхор, Гхагхария-I, Лекхалия-I и II, Морахана-Пахар. Все эти памятники освещают разные стороны жизни мезолитического человека. Лекхалия, Морахана и Чопани-Мандо (открытые стоянки) демонстрируют эволюцию от эпипалеолита к мезолиту и от мезолита с негеометрическими орудиями к мезолиту с геометрическими орудиями и керамикой через этап с геометрическими орудиями, но без керамики. Такого рода последовательность открыта на территории Индии впервые. Эти данные показали также более раннее появление треугольных микролитов по сравнению с трапециями. Хотя во всех стоянках получен примерно одинаковый материал, Чопани-Мандо отличается тем, что там благодаря широте затронутой раскопками площади были найдены и остатки жилищ. Фаза раннего мезолита на этом памятнике представлена двумя подразделениями: IIА и IIВ. Подразделение IIВ было выделено на том основании, что в слоях 4—7 распространяются микролиты геометрической формы. На стадии III появляется лепная керамика.

Помимо Чопани-Мандо фаза IIА представлена в Лекхалии, Морахане и в Бхадахаване возле Хетимпура. Подразделение IIА (с негеометрическими микролитами) дало все разновидности орудий предшествующей фазы. Однако появились и некоторые

новые формы изделий — наконечники с черешком, пластинки с выемками и пластинки в форме лезвия перочинного ножа.

Преобладающий материал — кремнистый сланец. Другие породы камня — халцедон, агат, роговик — употреблялись в малом количестве. Так, в Чопани-Мандо на кремнистый сланец приходилось около 95%, а на остальные породы — лишь примерно 4%. Многие орудия почти не патинизированы и выглядят свежими по сравнению с элипалеолитическими. Большинство орудий сделано на пластинах; орудия на отщепах и ядрищах редки. Характерная черта — призматическая техника. Пластины скалывали с ядрища главным образом при помощи посредника. Орудия имеют тщательную ретушь, составляют 12—15% от общей массы расколотого камня. Некоторые пластины выщерблены — результат употребления. Законченные орудия включают пластины с краевой ретушью, притупленным краем, в форме лезвия перочинного ножа, проколки, острия, скребки и сегменты. Однако, как это ни странно, в Чопани-Мандо отсутствуют сегменты.

Раскопки в Чопани-Мандо позволили выявить остатки двух шалашей округлой формы, диаметром 3,8 м. На их полу были найдены отходы изготовления каменных орудий, гальки, законченные и незаконченные микролиты. Для Индии это самые первые остатки жилищ эпохи мезолита.

Фаза IIВ представлена на стоянках Багхайкхор, Багхор-II, Гхагхария-I, Лекхакхия, Махадаха, Морахана, Сарай-Нахар-Рай и Чопани-Мандо. Благодаря раскопкам здесь была установлена особая фаза мезолита — мезолит с микролитами (треугольниками) без керамики. Кроме того, представлены и орудия предшествующей фазы — с негеометрическими микролитами. Единственное новшество — появление геометрических микролитов. Раскопки в Чопани-Мандо и Лекхакхии устанавливают для данного отрезка времени более раннее распространение треугольников по сравнению с трапециями. В Чопани-Мандо треугольники зафиксированы в слое 7, тогда как трапеции — только в слое 5. В Лекхакхии треугольники появляются в слое 6, а трапеции — в слое 4. На этой фазе возникают, судя по данным Чопани-Мандо, и пластинки с перехватом, микрорезцы, сегменты. Последние распространяются в Лекхакхии на фазе элипалеолита, и поэтому позднее появление в Чопани-Мандо (в слое 6) не может считаться точным указанием на их происхождение. Изделия этой фазы меньше по размерам, чем предыдущей. По-прежнему преобладает кремнистый сланец, однако роль других видов сырья увеличивается. В Чопани-Мандо кремнистый сланец составляет более 90% сырья. Орудия мельче и совершеннее, чем на предшествующей ступени.

Раскопки в Багхоре-II, Сарай-Нахар-Рае и Чопани-Мандо обнаружили остатки жилищ. В последнем были найдены остатки пяти округлых и овальных сооружений, раскопанных полностью или частично. По их периферии шли ямки от столбов, тогда

как на полу встречены в большом количестве куски песчаника, микролиты, обломки костей и комки обожженной глины с отпечатками тростника. В Багхоре-II были открыты остатки трех жилищ, а в Сарай-Нахар-Рае — ямки от четырех столбов вокруг очага, служившего всей общине.

При раскопках в Махадахе и Сарай-Нахар-Рае были вскрыты очажные ямы. В последнем обнаружили 11 очагов, восемь из которых полностью раскопано. В них найдены остатки костей — обожженных, необожженных и полуобожженных. В очагах находился не уголь, а лишь пепел; это может указывать на то, что для обжаривания туш животных использовали только листья и траву. В Махадахе было установлено существование 12 очагов, из которых шесть раскопано. В очагах здесь были встречены обожженные куски глины и фрагменты костей животных. Особенности очагов в Махадахе — наличие обломки стенок или стенок и дна глиной, иногда в два слоя. Очаги были открыты также в Чопани-Мандо и Багхоре-II. Из других находок заслуживают упоминания отбойник и наковальня в Чопани-Мандо, зернотерка, ядра для прашы и точило в Махадахе, каменное круглое кольцо в Багхоре-II, плита для растирания в Гхагхарии.

Как уже сказано, в Сарай-Нахар-Рае и Махадахе были обнаружены кости животных: на первом памятнике они найдены в кострищах обожженными, а на втором — как кухонные отбросы, на местах разделки туш животных и в приозерной зоне, главным образом в последней. Виды животных: бык, в том числе гаур, антилопа, благородный олень, кабан, баран, козел, гиппопотам, лошадь, слон; встречены также раковины моллюсков, остатки черепов, кости рыб и птиц — все в фоссилизированном состоянии. Некоторые из костей животных имеют нарезки. Расколотые кости говорят о том, что их разбивали для извлечения мозга. Помимо каменных орудий на обенх стоянках были найдены и костяные. В Сарай-Нахар-Рае это топор, скребок и острие; в Махадахе — наконечники стрел, острия, пластины, ножи, долото, скребок, пила и др. Заготовки для орудий из кости подвергались впоследствии шлифованию и заглаживанию. Использовались также рога козлов и баранов, а иногда и оленей. Согласно данным К. Алура, некоторые из них служили емкостями [Alur, 1980, p. 210].

Фаза IIВ дала свидетельства захоронения покойников — это древнейшие погребения, обнаруженные индийскими археологами. Таким образом, были получены данные и о физическом типе человека того времени. Захоронения были открыты в Багхайкхоре, Лекхахнии, Махадахе [Sharma, Misra, 1980] и в Сарай-Нахар-Рае [Sharma, 1973; 1975, p. 15—20]. Раскопки в навесе Багхайкхор выявили одно погребение в слое 2. Скелет лежал в вытянутом положении, головой на запад. Навес Лекххия дал 17 скелетов на площади 2.5×5.2 м, в слое мощностью 0.43 м. На основании перекрывания одних погребений другими можно сказать, что 14 из 17 захоронений распределяются по восьми

фазам. Кроме одного скелета, все были ориентированы головой на запад.

В Сарай-Нахар-Рае было найдено 11 могил. Раскопки дали сведения и о погребальном обряде того времени. Умершие были положены в неглубокие продолговатые ямы вытянуто, в направлении запад—восток. В могилах была зафиксирована подкладка — толстая почва мощностью 3—4 см. Погребальный инвентарь составляли микролиты. В Сарай-Нахар-Рае все могилы (помимо одной, в которой найдены четыре скелета) были индивидуальными. Положение рук довольно устойчивое: одна рука вытянута вдоль тела, а кисть другой располагалась в нижней части живота. Симметрия могил, одинаковая ориентировка погребенных и положение рук свидетельствуют о долгом существовании традиций погребений в этом племени. Все умершие молодое — от 16 до 30 лет, лишь одному более 30 лет. Из 10 погребенных, пол которых определен, пять — мужчины и пять — женщины.

При раскопках Махадахи было найдено 28 захоронений. Могилы делятся на четыре хронологические группы (на основании взаимного перекрывания могил и нарушенности некоторых из них). Они, как и в Сарай-Нахар-Рае, мелкие, овальные. В каждой лежал один скелет, за исключением двух могил, где были найдены скелеты мужчины и женщины. Все погребения вытянутые, черепа наклонены влево, руки расположены вдоль тела. Из 30 скелетов 28 ориентированы головой на запад; и только два, которые относятся к фазам III и IV, — на восток. В некоторых могилах есть сопровождающий инвентарь: кости животных (обожженные и полуобожженные), микролиты, наконечники стрел из кости, раковины, костяные украшения. Последние включают подвески и ожерелья из колечек. Погребения с костяными украшениями — мужские. Это древнейшие свидетельства употребления украшений в Индии. Возраст умерших колеблется от 6—7 до 50 лет. Скелетные остатки из Сарай-Нахар-Рае и Махадахи — гомогенная серия — указывают на рослое и хорошо сложенное население, которое в расовом отношении, возможно, было связано с некоторыми племенами Западной Азии. Раскопки в Махадахе дали и украшения из оленьего рога, законченные и незаконченные, на разных стадиях изготовления.

Фаза III, или развитой мезолит, характеризуется появлением керамики. Эта фаза представлена в Багхайкхоре, Гхагхарии-1, Лекхахнии, Морахане и Чопани-Мандо. Орудия здесь сделаны очень тщательно и с большим мастерством, главным образом на маленьких пластинах. Используются в основном не сланцевые породы, а халцедон, агат и сердолик. Законченные орудия включают различные разновидности пластин с притупленным краем, выемками и частичной ретушью, пластины, ретушированные по двум краям и в форме лезвия перочинного ножа, пластины-пилки, микрорезцы, проколки, острия, сегменты, треугольники и трапеции. Впервые именно на этой фазе появляются поперечные

наконечники стрел. Аналогичные встречаются и на неолитических памятниках, таких как Махагара, Колдихва и Панчох. Найдены также орудия из кварцита и песчаника: кольца, отбойники, наковальни, песты, терочники и другие предметы.

В Чопани-Мандо было раскопано 13 овальных и круглых в плане жилищ. Диаметр круглых 3.5 м; размеры овальных 3.3 × 4.7 м. На окраине некоторых жилищ найдены скопления кусков камня. Полы построек усыпаны большим количеством каменных орудий и микролитов. Остальные находки — песты, терочники с иссеченными, изношенными поверхностями, камни для пращи, кольца из камня, обожженные куски глины, фрагменты глиняной посуды, обломки костей и пр. В Чопани-Мандо были также обнаружены четыре круглых в плане очага. В них находились зола, угли, обожженные кусочки глины и пр.

Хотя керамика была зафиксирована в Багхайкхоре, Лекхахин и Морыхане, лишь при широких раскопках в Чопани-Мандо удалось получить полные сведения о природе глиняной посуды и ее характере. Керамика по технологическим особенностям делится на две группы: обычная красная и коричневая. На некоторых фрагментах сохранился углубленный орнамент. Формы посуды сводятся к вазам и чашам. Керамика (лепная, тонкая, плохо обожженная) демонстрирует первые попытки человека в области изготовления глиняной посуды, по крайней мере в Индии. Фрагменты керамики с веревочным орнаментом, показательные для неолита Виндхья, были найдены в Багхайкхоре, пещерах Гхагхария-1 и Лекхахия вместе с микролитами. Остается неясным, появилась ли эта керамика в результате культурных контактов или еще на донеолитической стадии.

Хотя достоверные неолитические изделия не были найдены в слоях III фазы, тем не менее для нее показательны поперечные наконечники стрел, каменные кольца, керамика, песты и свидетельства употребления дикого риса.

Район Виндхья изобилует навесами. Их обнаружено уже 43: 28 — в долине Белана, два — в долине Адвы, 13 — в долине Сола. На потолки и стены этих навесов нанесена роспись, выполненная красной или белой краской. Изображаются охотничьи сцены, групповые танцы, животные (по преимуществу козлы, быки), отпечатки пальцев. Рисунки контурные или выполнены отмывкой. С точки зрения техники исполнения, стиля, степени сохранности, взаимных перекрытий изображений, они должны быть разделены на пять групп. Изображения первой группы (самой ранней) могут быть определены как имитационно-натуралистические. Животные даны в настоящую величину и в естественных позах. В этой группе нет ни изображений человека, ни охотничьих сцен. Цвет — коричневато-красный, рисунки покрыты патиной. Изображения первой группы перекрыты более поздними. Наиболее многочисленны изображения второй группы. Пропорциям в них не уделяется внимания. Данная группа характеризуется разнооб-

разном изображаемых явлений, животные показаны в одиночку или группами, есть охотничьи сцены, рисунки ловушек, человеческие фигуры, животные с наездниками. Изображения третьей группы символичны, иногда это шевроны, круги, спиральные линии и т. д. Четвертая группа — изображения животных и людей, нанесенные белой краской. Последняя группа демонстрирует плененных животных, запряженных быков, военные сцены, процессии. На основании сюжетов, техники и стиля изображения пятой группы принадлежат к раннеисторическому периоду. По отношению к ним археологи высказывали различные мнения. Для одних это доисторические изображения, для других — довольно поздние. Однако присутствие микролитов в большинстве пещер, характер изображений, наличие кусков охры с потертыми углами дают основания думать, что названные изображения могут быть датированы вплоть до мезолитической эпохи.

Для установления хронологии эпипалеолита и мезолита в области Виндхья и в долине Ганга следует упомянуть немногочисленные определения абсолютного возраста радиоуглеродным методом, которые были получены для соответствующих слоев. Для цементированного гравия III в долине Белана у нас две даты (лет до н. э.): $23\ 840 \pm 860$ (PRL-86) и $17\ 765 \pm 340$ (TF-1245). Для цементированного гравия IV в долине Белана есть три даты: $12\ 190 \pm 410$ (PRL-603), 9350 ± 130 (PRL-602) и 8080 ± 115 (SUA-1421). Из гравия IV происходят орудия от эпипалеолита до мезолита. В долине Ганга мезолитической памятник Сарай-Нахар-Рай имеет дату 8395 ± 100 (TF-1104). В свете этих определений эпипалеолит и мезолит долины Ганга и области Виндхья относятся к периоду от 17 000 до 7000 лет до н. э. Это хорошо согласуется с тремя датами неолитической фазы Колдихвы: 4530 ± 185 (PRL-101), 5440 ± 240 (PRL-100) и 6570 ± 210 (PRL-224).

Л и т е р а т у р а

- Alur K. R.* Faunal remains of the Vindhya and the Ganga Valley. — In: *Beginnings of agriculture*. Allahabad, 1980, p. 201—228.
- Brandt S. K., Clark J. D., Gulin J. A., Misra B. B.* An account of the excavation and analysis of the mesolithic occupation at Ghagharia rock-shelter I. — In: *Palaeo-environments and prehistory in the middle Son Valley*. Allahabad, 1982, p. 1—200.
- Gupta H. I.* Holocene palynology from meander lake in the Ganga Valley, district Pratapgarh, Uttar Pradesh. — *The Palaeobotanist*, 1976, vol. 25, p. 109—119.
- Pant D. D., Pant R.* Preliminary observations on pollen flora of Chopani Mando (Vindhya) and Mahadaha (Ganga Valley). — In: *Sharma G. R., Mandal D.* Excavations at Mahagara, 1977—1978. Allahabad, 1980, p. 229—230.
- Sharma G. R.* Mesolithic Lake cultures in the Ganga Valley. — *PPS*, 1973, vol. 39, p. 129—143.
- Sharma G. R.* Seasonal migrations and Mesolithic Lake cultures of the Ganga Valley. — In: *K. C. Chattopadhyaya memorial volume*. Allahabad, 1975, p. 1—20.
- Sharma G. R.* From history to prehistory. Allahabad, 1980. 115 p.

- Sharma G. R., Misra B. B. Excavations at Chopani Mando. — In: Beginnings of agriculture. Allahabad, 1980, p. 133—200.
- Sharma G. R., Misra V. D., Pal J. N. Excavations at Mahadaha. — In: Beginnings of agriculture. Allahabad, 1980, p. 77—132.
- Sussman C., Blumenschine R., Clark J. D., Misra B. B. Preliminary report on excavations at the mesolithic occupation site at Baghor II locality. — In: Palaeoenvironments and prehistory in the middle Son Valley. Allahabad, 1982, p. 1—35.

Д. Мандал

НЕОЛИТ ВИНДХЬЯ (новый центр раннеземледельческих общин в Индии)

До раскопок М. Уилером известного неолитического памятника Брахмагири [Wheeler, 1947—1948] данные по неолиту Индии были весьма ограниченными — это подъемные находки из различных частей субконтинента. Материалы Брахмагири впервые позволили установить стратиграфическое положение неолитической культуры, по крайней мере в Южной Индии. С тех пор наши знания в этой области неизмеримо расширились, что повлекло за собой возникновение целого ряда проблем, которые могут быть разрешены только в результате проведения новых полевых этнографо-археологических исследований, а также применения современных методов анализа и интерпретации материалов. Необходимо проявлять большую осторожность, особенно в области интерпретации, поскольку на неолитической стадии культурного развития процедура археологического исследования становится тоньше: с появлением производящего хозяйства мы сталкиваемся с гораздо более сложной культурной стадией истории, чем предшествующие ей палеолитические. Производящее хозяйство приводит к возникновению новых социальных и экономических связей. Исследуя неолитическую стадию развития, мы обязаны изучать такие играющие важную роль в прогрессе человеческого общества элементы, как производительные силы, производственные отношения и т. п.

Цель настоящей статьи — обзор сведений о неолите Виндхья, который в последние годы утверждается в качестве нового и, вероятно, древнейшего центра раннеземледельческих общин в Индии. В связи с возрастанием интереса к изучению этой стадии развития общества и в ходе накопления материалов региональное деление культур в Индии претерпевало неоднократные изменения. Учитывая доступные к 1960 г. данные, В. Кришнасвами выделил четыре географические провинции индийского неолита: Центральная и Западная Индия, Южная Индия, Восточная Индия, Кашмир [Krishnaswami, 1960]. Б. Тхапар

сгруппировал их в три региона: северный, южный и восточный [Thapar, 1965]. Олчины исходя в основном из распространения типов топоров предложили выделить пять региональных групп: северную, южную, восточную, центральную и центрально-восточную [Allchin B., Allchin R., 1968]. Недавно Тхапар, учитывая новые материалы, выделил шесть географических регионов для всего индо-пакистанского субконтинента: северо-западный, северный, северо-восточный, центрально-восточный, средневосточный, южный [Thapar, 1974]. Ныне есть основания для выделения еще одного неолитического центра (помимо Раджастхана и Гуджарата), который расположен на всхолмлениях Северного Виндхья. Исследования этого региона в последние годы позволили получить новые интересные сведения относительно раннеземледельческих общин.

Северное Виндхья — полоса, расположенная между $26^{\circ}52'$ и $26^{\circ}30'$ с. ш. и $80-84^{\circ}$ в. д., на севере ограниченная р. Ганг, на юге — р. Сон. Эта область может быть грубо разделена на два района: Каймур, абсолютные высоты которого 420—510 м, и слабоволнистое плато со средними высотами 120—195 м. Два указанных района охватывают юг штата Уттар-Прадеш и север — Мадхья-Прадеш. Адва, приток р. Белан, разделяет Каймур на две части, из которых северная дренируется р. Белан, а южная — р. Сон. Белан, Адва и Сон являются основными водными артериями исследованной области.

Работы последних лет, проводившиеся Департаментом древней истории, культуры и археологии Аллахабадского университета под руководством Г. Р. Шармы, позволили получить факты, доказывающие, что в вышеназванной области человек жил на протяжении всего доисторического периода. В настоящей статье мы рассматриваем в основном раннеземледельческие общины.

До недавнего времени о неолитической культуре Северного Виндхья могли судить лишь по подъемному материалу: находкам топоров треугольной формы с округлыми боковыми гранями, типичных для южной группы неолита, хотя имелись и отдельные находки топоров округлой формы, характерных для северо-востока [Allchin B., Allchin R., 1968, p. 172]. Несмотря на то что поселения не были известны, существование первичной неолитической культуры в данном регионе не вызывало сомнений. Наши исследования открыли ряд первичных памятников неолитической культуры, и в частности один, связанный с округлыми кельтами; он, как нам кажется, представляет теперь древнейшую неолитическую культуру указанной области. Наиболее значительными поселениями являются Колдихва ($24^{\circ}34'30''$ с. ш., $82^{\circ}2'$ в. д.), Махагара ($24^{\circ}54'54''$ с. ш., $82^{\circ}3'20''$ в. д.), Панчох ($24^{\circ}55'45''$ с. ш., $82^{\circ}2'30''$ в. д.) — в долине Белана; Индари ($24^{\circ}37'38''$ с. ш., $82^{\circ}20'$ в. д.) и Магха ($24^{\circ}37'$ с. ш., $82^{\circ}18'45''$ в. д.) — в долине Адвы; Кунджхун ($24^{\circ}31'15''$ с. ш.,

82°11'15" в. д.) — в долине Соны. Поселения Панчох и Кунджун — соответственно самое северное и самое южное в исследованной области. Расстояние по прямой между рр. Белан и Сон составляет 120 км. В течение последних лет было раскопано несколько поселений: в долине Белана — Колдихва, Махагара и Панчох [Sharma, Mandal, 1980, p. 35, 36], в долине Адвы — Индари. Первое из них, состоящее из небольших холмов, разделенных оврагами, расположено на левом берегу реки, а второе — на правом, напротив холма Колдихва, в месте слияния старого и нового русла. Чолани-Мандо, памятник, где установлена стратиграфическая колонка от эпилеолита до развитого мезолита (или протонеолита), находится на расстоянии около 3 км к юго-востоку от двух вышеупомянутых неолитических поселений [Sharma, Misra, 1980]. Холм Панчох лежит в 2,5 км к северо-западу от поселения Махагара, однако его очертания трудно восстановить из-за интенсивной распахки.

В связи со сложными физико-географическими условиями раскопки поселения Колдихва были произведены на очень небольшой площади; они выявили три основных культурных горизонта: неолитический, халколитический и железного века. Мощность наиболее раннего, неолитического слоя 0,45 м. Не установлено стратиграфической преемственности между неолитическим и вышележащим халколитическим слоями. Мощность неолитических напластований на памятнике Панчох около 0,6 м, на Индари — около 0,71 м.

Из числа исследованных поселений только Махагара было раскопано на значительной площади [Sharma, Mandal, 1980, p. 135, 138]. Это целиком неолитический памятник. В течение первых двух сезонов (1976—1977 и 1977—1978 гг.) верхний его слой был вскрыт на площади около 1600 м². Детальными раскопками установлена общая мощность неолитических напластований — 2,6 м; эти отложения разделяются на 17 строительных горизонтов, которые объединяются в шесть строительных периодов.

На основании данных, полученных при раскопках памятников Индари, Махагара, Колдихва и Панчох, а также сборов на поверхности других поселений можно дать описание неолитической культуры на исследованной территории: она характеризовалась оседлостью, культивацией риса, domestикацией крупного рогатого скота и козы/овцы, лепной керамикой, орнаментированной отпечатками шнура, округлыми шлифованными кельтами, прямоугольными или овальными в сечении, пластинами неолитического типа, преимущественно из халцедона.

Неолитические комплексы поселений трех различных долин: Белана — на севере, Адвы — приблизительно в центре, Соны — на юге — полностью идентичны; они образуют однородный культурный массив, охватывающий плато Виндхья, и тем самым сообщают новый аспект изучению неолита Индии. Материалы

раскопок позволили получить важные сведения, во-первых, о неолитических округлых кельтах как типе, полностью независимом от треугольной разновидности, во-вторых, о шнуровой керамике, которая ранее была распространена только в восточной провинции, в-третьих, о времени начала культивации риса в Индии.

Основываясь на материалах раскопок на широкой площади поселения Махагара, можно сформулировать характерные черты неолитической культуры Северного Виндхья.

Систематическое использование природных ресурсов, в особенности животных и растений, является одним из основных показателей стадии перехода к производящему хозяйству. Становится все более ясным, что такой переход осуществляется лишь там, где имеются животные и растения, потенциально поддающиеся domestikации [Flappery, 1969].

Согласно данным К. Алура [Alur, 1980], изучавшего фауну, происходящую из цементированного гравия III долин Белана и Сона (формация Багхор) [Williams, Royce, 1982], цементированного гравия IV (формация Махагара), а также из Махагары, Колдихвы и Чопани-Мандо в долине Белана, бык и дикие козы/овцы были распространены в этом районе начиная с верхнего палеолита вплоть до мезолита. Кости названных животных представлены на мезолитических памятниках Сарай-Нахар-Рай и Махадаха в долине Ганга [Pant D., Pant R., 1980]. В Махадахе кости козы/овцы составляют приблизительно 10—12% общего числа костей. В неолитических слоях преобладают кости домашних животных, тем не менее в неолитическом слое Махадахи встречены кости дикого быка. Там же обнаружено несколько фрагментированных костей, вероятно, одомашненной лошади. На основании имеющихся данных можно сделать вывод, что крупный и мелкий рогатый скот был domestikирован на месте от диких предковых форм, а не привнесен в готовом виде извне. Систематическое использование ресурсов животного мира доказывается открытием в Махагаре обширного загона для скота. Поскольку в нем не найдено остатков столбов, можно предположить, что скот держали не на привязи, — это, возможно, отражало начальную стадию domestikации. Кроме того, регулярное потребление ресурсов животного мира доказывается избирательной охотой: наличием костей только немногих видов животных (например, благородного оленя, кабана, черепахи, рыб, птиц).

Данных о взаимодействии человека и растительного мира на рассматриваемой территории недостаточно. Необходимо провести дополнительные исследования в сотрудничестве с представителями смежных дисциплин. Тем не менее считается установленным, что природные факторы, постепенно переходящие к современным условиям, играли важную роль в развитии раннего земледелия.

Предварительные данные спорово-пыльцевого анализа образцов, отобранных в ходе раскопок поселения Чопани-Мандо, расположенного поблизости от Махагары, доказывают, что начиная от эпипалеолита и до развитого мезолита (или протонеолита) здесь преобладала растительность типа степных трав. Большое значение имеет обнаружение дикорастущих форм риса в слоях протонеолитической фазы Чопани-Мандо. Следует отметить, что дикорастущий рис и сейчас встречается в этой области. Необходимо уточнить его видовое отношение к образцам, обнаруженным в Чопани-Мандо. Рис как в виде отдельных зерен, так и в виде примесей к керамике был также найден в неолитических поселениях Колдихва и Махагара. Согласно данным Вишну Митре, производившего ботаническое изучение зерен риса из Колдихвы, они принадлежат культурному *Oryza sativa* [Vishnu Mitre, 1977]. Такой вывод был подтвержден Т. Чжаном на основании изучения пяти образцов под микроскопом [Chang, 1977]. Это древнейшие в мире находки культурного риса; согласно радиоуглеродным определениям, они относятся к VII—VI тыс. до н. э. Проведенные недавно исследования неолитических поселений долины Адвы позволили выявить зерна как дикого, так и культурного риса. Обнаружение дикорастущего риса в долинах Белана и Адвы подтверждает существование в этом районе растения, потенциально поддающегося культивации. Во время раскопок Махагары помимо риса были найдены ююба и бамбук.

Сырье для изготовления орудий труда добывалось неолитическим населением из ближайшего природного окружения: это были глина, различные горные породы, кости животных, раковины, бамбук и пр.

Большая часть исследованных неолитических поселений расположена или на берегах рек, или на плато вблизи речных долин. Остановимся подробнее на топографии поселения Махагара, которое лучше сохранилось. Это поселение имеет форму неправильного овала, площадь около 8000 м², расположено на крутом берегу реки, вплотную подходящем к пойме, и защищено естественным всхолмлением. Последнее окружает стоянку и плавно опускается к центру, образуя неглубокое понижение. Культурные остатки неолитического поселения залегают преимущественно на склонах понижения. Всхолмление сложено различными геологическими образованиями, верхние слои соответствуют цементированному гравиям IV. Это всхолмление обеспечивало защиту от наводнений, нападений диких зверей и от ветра. Возведение поселения на высоком берегу в непосредственной близости от поймы, несмотря на угрозу затопления во время высоких паводков, диктовалось, вероятно, экономическими соображениями. На пойме расположены естественные угодья с хорошими по качеству почвами, которые могли использоваться под посевы риса без искусственной ирригации и внесения удобрений.

Находящееся поблизости горное ущелье создавало благоприятные условия для охоты.

Об оседлом образе жизни обитателей Махагары говорят раскопанные на площади около 1600 м² остатки 18 жилищ, а также обширный загон для скота, обнаруженный в верхнем слое.

Основания жилищ в плане круглые или овальные. Средняя жилая площадь равняется 15,74 м². Ямы от столбов, поддерживавших крышу или стены жилища, расположены по периферии пола. Стены жилищ сделаны из бамбука, соломы, травы и других материалов, скрепленных суглинком. Об этом свидетельствуют многочисленные находки обмазки — кусков обожженной глины с отпечатками прутьев. Характерная особенность поселения — наличие комплексов из нескольких домов. Существование комплексов доказывается обнаружением следов соединенных или перекрывающих друг друга двух или трех домов. Всего на поселении зафиксировано восемь таких комплексов. Комплексы, с четырех сторон окруженные свободным пространством, разбросаны на площади около 1600 м².

Анализ распределения артефактов в жилищах позволяет сделать заключение относительно функционального назначения помещений. В пределах комплекса, состоящего из трех помещений, одно предназначалось для жилья, а два других — для изготовления орудий, обработки продуктов, приготовления пищи и пр. [Sharma, Mandal, 1980, p. 144, 145].

Одной из важнейших черт поселения было функционирование загона для скота (7,5 × 12,5 м), вокруг которого располагались четыре жилых комплекса (восемь жилых площадок). Загон неправильной прямоугольной формы, окружен 28 ямами от столбов, создающих изгородь с тремя входами. Следов крыши не обнаружено. В пределах загона найдено несколько скоплений отпечатков копыт, принадлежавших коровам различных возрастных групп.

В настоящее время представляется преждевременным делать выводы относительно социальной организации неолитического населения на основании данных, имеющихся в нашем распоряжении. Однако внимательный анализ археологического материала позволяет несколько прояснить эту проблему. Как отмечено выше, есть явные признаки того, что поселение разделялось на ряд жилых комплексов. Их пространственное распределение дает возможность проследить процесс формирования семьи. В этом отношении показательно противопоставление тесного расположения единичных построек мезолитических охотников-собираателей и рассредоточенной структуры сложных поселений неолитических жителей Махагары. Как писал Д. Кларк, появление многокомнатных жилищ, по-видимому, отражало новую социальную организацию, т. е. переход от моногамии охотников-собираелей к неолитической полигамии, связанной с увеличением

значения женщины в качестве рабочей силы в сельскохозяйственном производстве. Трехкомнатный дом мог занимать мужчина с двумя или более женами. Имеются и иные свидетельства развития семьи. Анализ распределения артефактов в жилищах позволяет считать, что каждая хозяйственная ячейка являлась самообеспечивающей [подробно см.: Shagha, Mandal, 1980]. На неолитическом поселении Чопани-Мандо ситуация оказалась несколько иной, там общинный уклад был выражен более отчетливо.

Судя по распределению артефактов по жилым помещениям, разница в уровне богатства и социальном статусе неолитических хозяйственных ячеек была ничтожно малой: каждая хозяйственная ячейка соответствовала социально равнозначной единице. Поскольку не установлено заметных различий в распределении артефактов между крупными и мелкими домами, можно прийти к заключению, что число жилых помещений в комплексе отражает не социальный статус, а размеры семьи. Хотя имеются некоторые признаки специализации на уровне ремесленного производства, нет никаких оснований говорить о существовании социальной стратификации. Большая часть производств носила домашний характер.

Разделение труда зависело от пола и возраста, но не было профессиональным. Характер отношений собственности выражен нечетливо; правда, нельзя исключить вероятность существования института частной собственности. Так, дом, очевидно, находился в частной собственности. Однако наличие обширного загона для скота, окруженного домами, можно рассматривать в качестве доказательства того, что скот был собственностью общины. Анализ всех данных, относящихся к социально-экономической структуре неолита района Виндхья, позволяет видеть в ней организацию, основанную скорее на натуральном производстве, чем на прибавочном продукте.

Как следует из имеющихся данных, неолитические общины Виндхья находились на таком технологическом уровне, основные элементы которого были представлены на ранней фазе, т. е. в развитии мезолите Чопани-Мандо. Однако есть признаки некоторых инноваций. От ранней фазы были унаследованы технологии изготовления керамики, просверленные камни, орудия для обработки пищевых продуктов, пластинчатая техника и др. Прогресс по сравнению с индустриями позднего мезолита (Чопани-Мандо, фаза III) наиболее отчетливо выражен в области производства керамики и орудий для обработки пищевых продуктов; инновации проявились в форме неолитических орудий, костяных наконечников стрел, подвесок из раковин и пр. Характеристика изделий дается главным образом по материалам Махагары.

На основании особенностей обработки поверхности и других технологических признаков керамика может быть разделена на четыре группы: шнуровая, грубая, краснолощенная и черноло-

шеная. Первая группа характеризуется наличием отпечатков шнура, покрывающих всю поверхность. Сосуды всех групп лепные. Формы их простые и слабо стандартизированные: глубокие или мелкие чаши и округлые кувшины, хотя встречаются также чаши с носиком, миски и глиняные горшки (handi). Наиболее частая находка — кувшины и чаши. Орнаментированы они в основном шнуровыми или прорезанными мотивами на налепленных лентах; расписной керамики нет. Шнуровой орнамент мог получиться в результате наложения лопаточки, обернутой шнуром, на сырую поверхность горшка. Отпечатки узелков получались, вероятно, в результате ударов панцирем черепахи.

Неолитические орудия (44 экз.), найденные в результате раскопок, представлены небольшими топорами округлых очертаний, прямоугольными или овальными в сечении, полностью отшлифованными. Не было встречено ни одного кельта треугольной формы. Кроме топоров найдены тесла и стамески; первые преобладают. Средняя толщина топоров (4.45 см) и тесел (5.55 см) превышает половину их длины. Большая часть этих орудий изготовлена из базальта, хотя отдельные экземпляры сделаны из гранита (?) и кварцита.

Неолитических пластин обнаружено 2052 экз.; орудия, нуклеусы и отходы составляют соответственно 13.32, 2.77 и 83.32%. Сырье включает халцедон — 56.45%, кремнистый сланец — 21.19, агат — 19.88, сердолик — 1.41, кварц и горный хрусталь — 1.02%. Халцедону явно отдавалось предпочтение. Орудия изготавливали на пластинах, которые снимали с небольших призматических нуклеусов. Ударные площадки всех нуклеусов фасетированы. В большинстве случаев рабочие края ретушированы по всей длине. Основными типами являются пластины с параллельными краями, пластины с ретушированной спинкой, пластины типа перочинного ножа, «сжатые» пластины, наконечники, проколки, скребки, треугольники, трапеции, сегменты и малые транше; имеются также отщепы со следами сработанности.

Орудия для обработки пищевых продуктов (146 экз.) представлены зернотерками и терочниками. На основании морфологии поверхности зернотерки подразделяются на вогнутые и плоские. Терочные камни в зависимости от сработанности делятся на односторонние и многосторонние.

К прочим предметам относятся орудия, применявшиеся для изготовления орудий (отбойники, инструменты для заточки), просверленные камни, каменные диски, глиняные диски с отверстием в центре, сферические глиняные подвески, подвески из просверленных раковин и пр. Черешковых костяных наконечников стрел найдено только 4 экз.

Для выяснения хронологии неолита Виндхья мы располагаем тремя хорошо согласующимися радиоуглеродными датами, полученными по образцам угля с поселения Колдихва (лет до н. э.): 4530 ± 185 (PRL-101), 5440 ± 240 (PRL-100), 6570 ± 210 (PRL-

224). С помощью этих определений неолит Виндхья может быть датирован VII—VI тыс. до н. э. Даты, полученные для поселения Махагара, явно загрязнены [Sharma, Mandal, 1980].

На основании радиоуглеродных дат (VII—VI тыс. до н. э.) можно утверждать, что неолитический центр в Виндхья является древнейшим в Индии. Возраст других центров представляется следующим: последняя четверть III тыс. — северного и южного, первая четверть II тыс. — средневосточного, середина IV тыс. — среднезападного [Mandal, 1972]. Неолитические поселения Мергарх [Jaggie, Meadow, 1980, p. 122] в Северном Белуджистане и Ак-Купрук в Северном Афганистане недавно были датированы соответственно VI и VIII тыс. до н. э.

Неолитический центр в Виндхья не только древнейший, но и самостоятельный, сложившийся непосредственно на плато. Наиболее характерные диагностические признаки этого культурного комплекса — шнуровая керамика и округлые шлифованные топоры при полном отсутствии треугольных кельтов — не имеют аналогий в других неолитических культурах субконтинента.¹

Шнуровая керамика известна на следующих памятниках: Даоджали-Халинг [Sankalia, 1974] (II тыс. до н. э.) в Индии; Пещера Духов [Gorman, 1971] (VI тыс. до н. э.) и Нон-Нок-Тха [Bayard Donn, 1970] (V тыс. до н. э.) в Таиланде; Лаанг-Спеан [Gorman, 1971] (V тыс. до н. э.) в Кампучии; Падах-Лин [Thaw U. Aung, 1971] (V тыс. до н. э.) в Бирме; Гуа-Кечи [Dunn, 1966] (III тыс. до н. э.) в Малайзии; на памятниках Японии (VII тыс. до н. э.); Дальнего Востока и далее в глубь континента — в пещере Шилка (III тыс. до н. э.) на Амуре [Okladnikov, 1964]. Сравнивая шнуровую керамику неолита Виндхья и вышеназванных культур, нельзя не отметить значительное сходство в общем плане, но отличие в индустриях [Sharma, Mandal, 1980]. С другой стороны, материалы Колдихвы, Махагары и Чопани-Мандо указывают на непрерывное развитие от эопалеолита до неолита, наличие потенциально поддающихся domestikации животных начиная от верхнепалеолитического или даже более раннего времени. Все это дает основание считать, что неолит Виндхья возник в результате локального развития, а не вследствие диффузии из других областей. Наши данные полностью подтверждаются сведениями, полученными в разных частях мира, согласно которым не существовало единой исходной зоны, откуда распространилась идея земледелия.

Согласно материалам из Колдихвы, культурный рис датируется здесь VII—VI тыс. до н. э. Эти хронологические определения, по-видимому, являются древнейшими в мире. Сведения относи-

¹ Недавно шнуровая керамика была обнаружена на ряде памятников в долине Среднего Ганга: Сохгаура (Горакхпур), Чиранд, Чечар (Саран) и др. Представляется крайне интересным исследовать их отношение к неолиту Виндхья.

тельно существования культурного риса в раннем археологическом контексте получены также из Сун-Цзы [Harlan, 1977] в Китае (5480 лет назад). По Т. Чжану, образцы риса из Нон-Нок-Тха являются промежуточной формой между дикой и культурной формами [Chang, 1977, p. 146].

Данные фаунистического анализа говорят о том, что как крупный так и мелкий рогатый скот был domesticiрован на месте, а не привнесен извне. Кости диких козла и быка из отложений цементированного гравия III в долине Белана, из формации Бархор в долине Сона [Alur, Chattopadhyaya, Blumenschine, 1982], из отложений цементированного гравия IV, а также domesticiрованные формы козы/овцы и коровы указывают на значительную древность этих видов в исследованной области.

Л и т е р а т у р а

- Allchin B., Allchin R.* The birth of Indian civilization. Harmondsworth, 1968. 365 p.
- Alur K. R.* Faunal remains from the Vindhya and the Ganga Valley. — In: Beginnings of agriculture. Allahabad, 1980, p. 201—228.
- Alur K. R., Chattopadhyaya U., Blumenschine B.* Pleistocene fauna of the middle Son Valley. — In: Palaeo-environments and prehistory in the middle Son Valley. Allahabad, 1982, p. 1—200.
- Bayard Donn T.* Excavations at Non-Nok-Tha, north-eastern Thailand 1968. — *AsP*, 1970, vol. 13, p. 109—143.
- Chang T. T.* The rice culture. — In: The early history of agriculture. L., 1977, p. 143—155.
- Dunn F. L.* Radiocarbon dating of the Malayan neolithic. — *PPS*, 1966, vol. 32, p. 352—354.
- Flannery K. V.* Origins and ecological effects of early domestication in Iran and the Near-East. — In: The domestication and exploitation of plants and animals. L., 1969, p. 73.
- Gorman C. F.* Excavations at Spirit cave, north Thailand. — *AsP*, 1970, vol. 13, p. 79—107.
- Gorman C. F.* The Hoabinhian and after... — *World Archaeol.*, 1971, vol. 2, N 3, p. 300—320.
- Harlan J. H.* The origins of cereal agriculture in the Old World. — In: Origins of agriculture. L., 1977, p. 357—383.
- Jarrige J. F., Meadow R. H.* The antecedents of civilization in the Indus Valley. — *Sci. Amer.*, San Francisco, 1980, vol. 243, N 2, p. 122—133.
- Krishnaswami V. D.* The neolithic pattern of India. — *AI*, 1960, N 16, p. 1—40.
- Mandal D.* Radiocarbon dates and Indian archaeology. Allahabad, 1972. 30 p.
- Okladnikov A. P.* The Shilka cave: Remains of an ancient culture in upper Amur river. — *Archaeol. and Geomorphol. Northern Asia*, 1964, N 5, p. 112—180.
- Pant D., Pant R.* Preliminary observations on pollen flora of Chopani Mando (Vindhya) and Mahagara (Ganga Valley). — In: Sharma G. R., Mandal D. Excavations at Mahagara, 1977—1978. Allahabad, 1980, p. 229—230.
- Sankalia H. D.* The prehistory and protohistory of India and Pakistan. Poona, 1974. 298 p.
- Sharma G. R., Mandal D.* Excavations at Mahagara, 1977—1978. Allahabad, 1980. 190 p.
- Sharma G. R., Misra B. B.* Excavations at Chopani Mando. — In: Beginnings of agriculture. Allahabad, 1980, p. 133—200.

- Thapar B. K.* Neolithic problem in India. — In: *Indian prehistory*. 1964. Poona, 1965, p. 20—38.
- Thapar B. K.* Problems of the neolithic cultures in India: A retrospect. — *Puratattva*, New Delhi, 1974, N 7, p. 1—20.
- Thaw U. Aung.* The neolithic culture of the Padah-Lin caves. — *AsP*, 1971, vol. 14, p. 123—133.
- Vishnu Mittre.* Comment on „India: local and introduced crops“. — In: *The early history of agriculture*. L., 1977, p. 141.
- Wheeler R. E. M.* Brahmagiri and Chandravalli 1947. . . — *AI*, 1947—1948, N 4, p. 180—310.
- Williams M. A. J., Royce K.* Alluvial history of the middle Son Valley. — In: *Palaeo-environments and prehistory in the middle Son Valley*. Allahabad, 1982, p. 1—40.

Г. Р. Шарма, Б. Б. Мишра, Д. Н. Пал

КУЛЬТУРА ХАЛКОЛИТА СЕВЕРНОГО ВИНДХЬЯ И ДОЛИНЫ СРЕДНЕГО ГАНГА (генезис и эволюция)

Халколитический горизонт в Северном Виндхья и среднем течении Ганга был выделен археологами недавно. Раньше считалось, что в долине Среднего Ганга наиболее древней культурой была культура северной чернолощенной керамики (далее — СЧК), которой приписывали создание городских поселений с регулярной планировкой, развитой архитектурой, нового стиля в искусстве и, наконец, внедрение монетной чеканки, способствовавшее развитию торговли в масштабах, совершенно неизвестных в предшествующий период. Однако археологические исследования, предпринятые Департаментом древней истории, культуры и археологии Аллахабадского университета под руководством Г. Р. Шармы в течение последних 25 лет, выявили памятники халколитической культуры не только в Северном Виндхья, но и в прилегающем районе долины Ганга. Раскопки, проведенные Департаментом древней истории, культуры и археологии Бенаресского индуистского университета, Департаментом древней истории, археологии и культуры Горакхпурского университета, Департаментом древней истории университета Патны, Государственным департаментом археологии и музеев Бихара и Археологической службой Индии (отдел Среднего Востока), обнаружили памятники халколитической культуры также в Восточном Уттар-Прадеше, в Северном и Южном Бихаре. Объединенные усилия указанных организаций позволили открыть более ста халколитических памятников на площади свыше 246 000 км². Из них раскопано всего 16: Банамилля-Бахера, Какория, Колдихва, Магха и Такианер — в Северном Виндхья и Каушамби [Sharma, 1969; 1980,

р. 68—74], Масондих, Ориуп, Прахладпур, Раджгхат, Сонпур, Сохгаура, Срингверпур [Lal, Dikshit, 1981], Чамла, Чечар, Чиранд — в долине Ганга.

Материалы вышеназванных памятников наряду с подъемными находками в некоторых других местонахождениях данного ареала проливают свет на характерные особенности халколитической культуры Северного Виндхья и долины Среднего Ганга. Определены также основные стадии развития этой культуры. Заслуживает внимания то, что на ряде памятников (например, Колдихва, Сохгаура, Чиранд и Чечар) засвидетельствованы и халколитические, и неолитические элементы. Раскопки таких памятников дали вещественные свидетельства преемственности между неолитической и последующей халколитической культурами, указывая, следовательно, на то, что упомянутые халколитические культуры имеют местные корни в предшествующих культурах неолита. В настоящей статье обрисованы характерные особенности халколитической культуры Северного Виндхья и долины Среднего Ганга, что необходимо для выяснения происхождения и эволюции этой культуры.

Рассматриваемый район окружают на севере горы Тараи (отроги Гималаев), на юге — плато Каймур, на западе — место слияния Верхнего и Среднего Ганга, на востоке — бихарско-бенгальская граница. Необходимо отметить, что эта территория характеризуется пестротой топографических условий и может быть подразделена на две географические области: плато Виндхья и долину Ганга. Исследованный район на плато Виндхья образован южными частями округов Варанаси, Мирзапур и Аллахабад. Он постепенно повышается с северо-востока к юго-западу, сложен из гранитов, песчаника, сланца, кварца и прорезан многочисленными реками.

Для региона характерны мощные аллювиальные отложения. Долина Белана отличается известняковыми почвами, дающими легкую щелочную реакцию. Основная растительность — бамбук, эбеновое и саловое деревья, кустарники и травы. Животный мир представлен тигром, леопардом, медведем, обезьяной, оленем, шакалом, лисой и др. Климат характеризуется продолжительным и жарким летом и холодной зимой. Среднегодовая норма осадков примерно 975,4 мм, но вариации год от года довольно значительны. Около 88% осадков выпадает в июле—октябре. Регион с его богатыми естественными источниками, изобилием воды, флоры, фауны, различными видами поделочного камня и т. п., как показывают археологические материалы, относящиеся к разным хронологическим периодам, обеспечивал идеальные условия для жизни человека с очень раннего времени (эпохи эппалеолита).

Площади, обследованные к северу от плато Виндхья, расположены по среднему течению Ганга и представляют собой один из наиболее населенных районов. Структурно это сегмент великой равнины Инда и Ганга, образованный аллювиальными отложениями Ганга в плейстоцене и в более позднее время.

Бхангар — это высокая и древняя терраса, тогда как Кхадар образует следующую, более низкую террасу, примыкающую к берегам рек, и является сравнительно молодым образованием. Район к северу от Ганга характеризуется наличием озер в форме подков. Последние представляют интерес для выяснения геоморфологии района, и многие малые реки Восточного Уттар-Прадеша и Северного Бихара связаны истоками именно с этими озерами. Большое количество озер исчезло частично в результате деятельности человека, частично из-за природных факторов, однако многие из них пока целы. Образованы они отрезками старого русла реки.

Для правильной оценки халколитических культур плато Виндхья и долины Среднего Ганга мы приводим краткое описание результатов раскопок некоторых наиболее важных памятников.

Какория (25° 3' с. ш., 83° 10' 40" в. д.) расположена приблизительно в 40 км к югу от г. Варанаси. Халколитическое поселение занимало площадь 0,6 × 0,8 км. Памятник раскапывали в течение двух полевых сезонов (1962—1963, 1963—1964 гг.) В. С. Даби под руководством Г. Р. Шармы. Помимо раскопок 12 мегалитов на погребальном поле у подножия Хатнины и Бхадаханухи были заложены и доведены до материка на глубине 1,57 м четыре раскопа. Хотя памятник относится к одной культуре (халколитической), культурный слой был подразделен на три этапа — 1А—1С — на основании типологии микролитов и керамики. Раскопки выявили остатки жилищ, пластинчатую индустрию, фрагменты красной, черно-красной, чернолощеной и серой керамики наряду с зернотерками, немногочисленными медными предметами и бусами из терракоты и полудрагоценных камней.

Колдихва (24° 54' 30" с. ш., 82° 2' в. д.) расположена приблизительно в 80 км к юго-юго-востоку от Аллахабада на левом берегу р. Белан. Поселение раскапывал Г. Р. Шарма. Памятник занимает свыше 10 км² и разделен промоинами-лощинами на три части: восточную, западную и южную. В культурном слое толщиной 1,9 м выделяются три этапа: неолит, халколит, ранний железный век. Халколитический горизонт имеет толщину 1,1 м. Помимо керамики раскопки выявили строительные остатки, обожженные комья глины с отпечатками тростника и бамбука, пластинчатую индустрию, неолитические топоры, орудия из кости, многочисленные медные предметы, бусы из терракоты и полудрагоценных камней, ступки, зернотерки, каменные точила, каменные и терракотовые диски, тысячи костей животных и т. д.

Магха (40° 37' с. ш., 82° 18' 45" в. д.) расположена в 65 км к юго-западу от Мирзапура. Площадь поселения 0,5 км². Небольшие раскопки дали фрагменты нерасписной керамики, обожженные комья глины, микролиты, ступку, зернотерки, каменные молоты, шары и диски, кости животных, бусы из полудрагоценных камней и пр.

Каушамби (25° 20' 30" с. ш., 81° 23' 12" в. д.) расположен на левом берегу р. Ямуны в 51,2 км от Аллахабада в юго-западном направлении. Памятник исследовался в 1947—1966 гг. Г. Р. Шармой. На основании раскопок установлено пять периодов заселения. Горизонт, предшествующий серой расписной керамике (далее — СРК), подразделяется на две культуры, давшие интересный керамический комплекс, включающий красную керамику с плотным, почти металлического звона, черепком наряду с бесформенными фрагментами керамики цвета охры (далее — КЦО), грубую серую и черно-красную керамику (в том числе расписную), черную, а также некоторое количество черепков с отпечатками шнура, прочерченным орнаментом и граффити. Процесс урбанизации для этих периодов также очевиден.

Срингверпур (25° 35' 22" с. ш., 81° 38' 40" в. д.) расположен на левом берегу Ганга в 36 км к северо-западу от Аллахабада. Раскопки на памятнике начались в декабре 1977 г. при содействии Института перспективных исследований в Симле и Археологической службы Индии как часть национальной программы «Археология памятников Рамаяны». Были изучены все семь культурных фаз, начиная с последней четверти II тыс. до н. э. и кончая ранним средневековьем.

Фазы I и II имеют отношение к нашему исследованию. Слой I толщиной 30—50 см дал фрагменты красной керамики, несколько напоминающей КЦО, обожженные комья глины с отпечатками тростника, терракотовые диски с отверстием в центре или без него и отщеп из сердолика. В слое II, средняя толщина которого около 1,5 м, кроме керамики найдены костяные острия, наконечники стрел и подвеска, бусы из терракоты, яшмы и золота.

Раджгхат (25° 4' 30" с. ш., 83° 1' 30" в. д.) расположен в 6 км к северо-востоку от г. Варанаси. Памятник раскапывался в течение ряда лет — 1955—1956, 1957—1958, 1960—1961, 1962—1963, 1968—1969 гг. Были изучены все шесть культурных периодов (I—VI). Период I подразделен на три подпериода: IA—IC. Обнаружены фрагменты чернолощеной керамики (монокромной и расписной), черно-красной (расписной и нерасписной), красной с ангобом и без него.

Прахладпур (25° 26' 30" с. ш., 83° 27' 30" в. д.) расположен на правом берегу Ганга в 86 км к юго-востоку от г. Варанаси. Раскопки были проведены Департаментом древней истории, культуры и археологии Бенаресского индустского университета. Выделены три фазы: IA—IC. Халколитическая фаза IA характеризуется черно-красной расписной и нерасписной керамикой, чернолощеной, красной и серой, микролитами, костяными остриями, бусами и т. д.

Сохгаура (27° 5' с. ш., 83° 15' 30" в. д.) — холм расположен на месте слияния рек Ами и Рапни в округе Горакхпур. Он был раскопан Департаментом древней истории, археологии и культуры Горакхпурского университета в 1962—1963 и 1974—1975 гг. Вы-

явлено пять последовательных периодов от неолита до раннего средневековья. Халколитический слой толщиной 0.75 м дал серую, красную, расписную красно- и чернолощеную, черно-красную керамику. Найдены бусы из кости, яшмы и агата, а также костяные наконечники стрел.

Чиранд (25° 45' с. ш., 84° 45' в. д.) расположен на левом берегу Ганга в округе Саран к северу от Бихара. Памятник раскапывался в течение многих лет Государственным департаментом археологии и музеев в Бихаре. Была получена стратиграфическая колонка от неолита до периода династии Пала. Халколитический период на памятнике может быть разделен на два подпериода — IIА и IIВ — на основании появления железа в последнем. Халколитическая фаза характеризуется расписной черно-красной керамикой, микролитами, каменными предметами, изделиями из кости, браслетами из раковин, терракотовой бусиной, каменными теслами, топорами, ядрами для пращи, костями животных, птиц и рыб в большом количестве, обожженными комьями глины с отпечатками тростника и бамбука.

Сонпур расположен в округе Гайя в Южном Бихаре. Халколитический горизонт на поселении представлен черно-красной, чернолощеной и красной керамикой. Найдены микролиты, костяные предметы, ядра для пращи.

Чечар-Кутубпур (25° 35' с. ш., 85° 20' в. д.) расположен на северном берегу Ганга в округе Вайсали в Северном Бихаре. На памятнике были проведены небольшие раскопки. Выявлены три периода заселения. Период I в свою очередь расчленяется на три подпериода — IА—IС. Подпериод IА дал материалы, подобные найденным в Чиранде-I, тогда как подпериоды IВ и IС, относящиеся к халколитической фазе, соответствуют халколитическим горизонтам Чиранда.

Чампа расположена в 3 км к западу от Бхагхалпура в Бихаре. Самый нижний горизонт дал черно-красную керамику, подобную таковой халколитического Сонпура.

Халколитические памятники Северного Виндхья и долины Среднего Ганга на основании типологии керамики и кремневой индустрии могут быть предварительно разделены на три группы. Наиболее ранняя группа представлена памятниками Какория и Магха. Как уже указывалось, их халколитический горизонт характеризуется в основном грубой нерасписной керамикой, разнообразной кремневой индустрией, отсутствием изделий из кости. Важно отметить, что названные памятники связаны с мегалитическими погребениями. Колдихва-II, Каушамби-I, Сохгаура-II, Сонпур-IА, Чиранд-IIА, Чечар-IВ и другие составляют вторую группу. Ей свойственна расписная керамика. Другая ее особенность — наличие костяных наконечников стрел. Хотя индустрия кремневых пластин представлена на некоторых памятниках этой группы, она не столь обильна, как на поселениях первой группы. Общий характер керамики свидетельствует об усовершенствовании

нии в обжиге и отделке по сравнению с таковыми первой группы. Третья группа финального халколита, представленная на памятниках Раджгхат-IA, Прахладпур-IA, Сонпур-IB, Чиранд-IB, Чечар-IC и Каушамби-II, сохраняет особенности второй группы. Эта фаза до некоторой степени сливается с последующей культурой и характеризуется внедрением железа.

Раскопки, проведенные на упомянутых выше памятниках, пролили свет на следующие особенности халколитических культур. Все поселения расположены вблизи рек. Поскольку раскопок широкими площадями не производилось, данные о строительной деятельности скудные. Наличие обожженных комьев глины с отпечатками тростника или бамбука свидетельствует о том, что основа стен была сделана из тростника или расщепленного бамбука и затем обмазана глиной. На многих поселениях обнаружены также ямы от столбов. Они очерчивали круглую или овальную форму жилищ. В Какорни и Колдихве выявлены остатки сырцовых строений. В Какорни открыты фундаменты двух таких жилищ (периодов IA и IC). Пол одного из них был вымощен обожженными глиняными комьями и черепками. За исключением Каушамби, ни на одном поселении не было найдено обожженного или высушенного на солнце кирпича. Хотя ничего определенного нельзя сказать относительно крыш, похоже, что у круглых или овальных домов они могли быть коническими, а у прямоугольных в плане — плоскими. Черепицы не обнаружено.

Керамический комплекс рассматриваемых памятников состоит из красной, черно-красной, чернолощенной и серой посуды. В основном сосуды изготовлялись на гончарном круге, хотя встречены и лепные, главным образом среди красной керамики. В большинстве случаев глина не отмучена и содержит примеси вроде частичек песка или кварцита. Мякина, солома, песок, использовались в качестве отощителя. Сосуды грубоваты по фактуре, хотя имеется несколько сделанных более тщательно.

Черно-красная посуда, как монохромная, так и расписная, немногочисленна. Чернолощенная керамика — вторая примечательная особенность керамического комплекса; по количеству находок она занимает второе место после красноглиняной посуды, которая составляет основной компонент. Красная керамика легко разделяется на многочисленные подгруппы. Сероглиняная посуда составляет менее 1%. Парадная разновидность черно-красной и чернолощенной керамики является наиболее изящной посудой той эпохи.

Из керамики заслуживают упоминания прежде всего чаши: невысокие с вогнутыми или вертикальными стенками, с отогнутым наружу краем, с заплечиками и воротником, с крышками. Остальная посуда: плоские неглубокие и с вогнутыми стенками блюда, неглубокие чаши, тарелки, миски с выгнутыми стенками и чрезмерно утолщенным краем, кубки, сосуды на полом кольцевидном или сплошном поддоне, кубки на «пуговичном» основании, воронкообразные крышки, перфорированные сосуды на ножках, раз-

личные вазы, бутылеобразные сосуды, блюда на подставках (на гладкой или гофрированной ножке), глубокие с вертикальными стенками «кастрюли» с ручками. На ряде сосудов засвидетельствовано лощение, а орнаментация вдавлениями обнаружена на внутренней поверхности некоторых форм красной керамики. Аппликации, налепы, резной декор состоят из рядов точек и линий, зигзагов, сеток, ромбов и иногда растительных орнаментов. Некоторые сосуды имеют ногтевидные отпечатки, сгруппированные в круги или овалы, узоры в виде веревки, цепочки или решетки на налепных глиняных валиках. Встречено также несколько черепков красной керамики, украшенных волнистыми или желобчатыми узорами, и фрагментов с прочерченными знаками.

Фрагменты расписной керамики найдены в Колдихве и на ряде других поселений долины Среднего Ганга. Роспись выполнялась на черно-красных, чернолощенных и красных сосудах в верхней части их обеих поверхностей. Мотивы росписи в основном геометрические. Рисунки, выполненные черной краской на красной поверхности, состоят из горизонтальных полос, многочисленных или единичных; вертикальных или косых полос, иногда отходящих от горизонтальных линий; групп горизонтальных полос, порой окружающих неопределенный узор; комбинаций кругов и петель, широких кругов или точек, концентрических кругов или полукружий, иногда окружающих черточку; орнамента в виде рыбьей чешуи, заполняющего треугольные или трапециевидные фигуры. Белой или кремовой краской на некоторых черно-красных и чернолощенных сосудах выполнены горизонтальные, вертикальные или наклонные линии, точки, черточки, ряды овалов или кружочков, группы длинных штрихов, сетчатый или ромбический узор, образованный перекрещивающимися линиями, шахматный узор, вертикальные или горизонтальные волнистые полосы, концентрические полукружия или арки, ряды точек, обрамленные параллельными линиями, лучистые солнца и т. д.

В Какории, Колдихве, Ориупе, Сонпуре и Чиранде найдено несколько фрагментов терракот — изображения людей и животных. Из последнего происходит безголовая фигурка птицы, украшенная точечным орнаментом, из Ориупа и Колдихвы — архаические фигурки людей. В Колдихве и Какории, кроме того, найдены фигурки, изображающие, видимо, собак.

Раскопки вышеназванных поселений дали множество бус и подвесок, сделанных из полудрагоценных камней (халцедона, сердолика, агата и стеатита), терракоты и изредка — кости и меди. Эти бусы свидетельствуют о высоком техническом мастерстве их изготовителей. Бусины либо бочонковидные, цилиндрические, конические, либо сферические, сегментовидные, с выступами или грушевидной формы. Найдены также бусины с протравкой белого цвета. На некоторых поселениях были встречены бусы разной стадии законченности, поэтому можно предположить, что их изготавливали на месте. Подвески — конические, колоколообразные или

в виде полумесяца. На ряде поселений обнаружены браслеты из меди, раковин и терракоты. Золотой браслет найден в Какорин. Медь использовали и для изготовления колец.

На нескольких поселениях обнаружены орудия труда и оружие из кости, меди, рога и камня. Наличие костяных острий и наконечников стрел (черешковых, втульчатых и с шипами) — отличительная черта поселений. Орудия из кости и рога представлены простыми остроконечниками и различными типами наконечников стрел, включая наконечники с насадом в виде бутона, ромбовидные в сечении; наконечники конические, прямоугольные и округлые в сечении; наконечники с шипами и втульчатым насадом с намеченными маленькими кружками (иногда точками); грибовидные остроконечники. Незаконченные костяные изделия также обнаружены на ряде поселений. Медь несомненно была редкостью и лишь изредка использовалась для изготовления ножей и наконечников копий.

Микролиты были найдены в Какорин, Колдихве, Магхе, Прахладпуре, Сонпуре и Чиранде. В связи с этим можно отметить, что для каменной индустрии, представленной в халколитических поселениях области Виндхья, характерно производство из коротких пластин. Типы вкладышей и орудий следующие (все сделаны из кремнистого сланца, халцедона, агата, сердолика и т. д.): пластины с параллельными краями, с одной заостренной гранью, с зубчиками, остроконечники, сегменты, скребки, треугольники, трапезии, транше. Применение пильчатой техники хорошо прослеживается на большом количестве экземпляров. Нужно отметить, что вкладышевая техника Какорин является наиболее продуктивной. Орудия изготовлены мастерами высокого класса. На ряде поселений обнаружены ядра для пращи из обожженной глины и камня. Вероятно, их использовали для охоты на дичь.

Среди прочих предметов, найденных на халколитических поселениях, — круглые каменные и глиняные диски (последние с орнаментом, выполненным гравировкой), ручные мельницы, каменные молотки со следами ударов, терракотовые шашки и несколько плоских каменных предметов с желобками и выемками, которые, возможно, использовали в качестве точил.

Данные о земледелии и возделывавшихся злаках из-за ограниченного объема раскопок очень скудны. Однако имеются материалы (находки зерен и отпечатки рисовых оболочек на черепках и кусках обожженной глины), указывающие на культивацию риса. Можно отметить, что возделывание риса в северной части Виндхья и в долине Среднего Ганга прослежено вплоть до неолита. Есть сведения и об использовании пшеницы.

Из домашних животных нужно упомянуть крупный рогатый скот, буйвол, овец и коз. Кости таких диких животных, как олень и антилопа, с одной стороны, птицы, рыбы и черепахи — с другой, также найдены на ряде поселений. Следы рубки и резки на костях наводят на мысль, что из них добывали костный мозг.

В Какории, Магхе и Сонпуре получены данные о погребальных обрядах халколитического населения. Для первых двух характерны мегалитические погребения — каменные круглые ограды с цистой в середине, а для Сонпура — захоронения в урнах. Погребальный инвентарь представлен керамикой и микролитами, есть и кости животных. В Какории найдено золотое кольцо.

Говоря о хронологии халколитической культуры Виндхья и долины Ганга, отметим, что в настоящее время радиоуглеродные даты (лет до н. э.) известны для Колдихвы, Сохгауры и Чиранда. Единственная дата для Колдихвы — 1440 ± 120 . Для Чиранда имеется ряд дат: 1270 ± 110 , 1040 ± 110 , 1050 ± 110 и 845 ± 125 ; для Сохгауры — две даты: 1330 ± 110 и 1230 ± 110 . В свете этих радиоуглеродных дат вторая группа халколитической культуры должна быть отнесена к периоду между 1500 и 1000 гг. до н. э. Соответственно первая группа может быть древнее 1500 г. до н. э.; возможно, она принадлежит к первой четверти II тыс. до н. э., в то время как третья группа, вероятно, существовала с 1000 по 700 г. до н. э.

При внимательном изучении материальной культуры халколитических поселений Виндхья и долины Ганга выявляются интересные данные об их происхождении. Халколитическая культура имеет две отличительные особенности. Одна из них — связь с предшествующей неолитической культурой; так, на четырех поселениях рассматриваемой территории — Колдихва, Сохгаур, Чечар и Чиранд — в нижних слоях представлена неолитическая культура. Отдельные черты халколита можно проследить вплоть до неолита этого региона. Некоторые костяные острия и простые наконечники стрел, такие формы сосудов, как полусферические чаши с выпуклыми стенками, глубокие и чуть овальные в плане с загнутым внутрь краем, плоские блюда или тарелки, вазы и кухонные сосуды с широкими устьями, отогнутыми наружу венчиками и вогнутым горлом, миски с чрезмерно утолщенным краем, являются общими для халколита и неолита. В обеих культурах существуют индустрия каменных пластин-вкладышей, традиции рустовки, полировки, украшения насечками, аппликацией и шнуровыми орнаментами. Черно-красная и чернолощенная посуда халколита сходит к аналогичным полированным сосудам неолитического периода. Хижины на деревянных и бамбуковых столбах, круглые или овальные в плане, использование плетеной основы для стен и обмазка — все это имело и в неолите, и в халколите.

Однако внедрение гончарного круга, меди, усовершенствование керамики (благодаря росписи) и обработки кости, особенно наконечников стрел, распространение бус из полудрагоценных камней, применение пильчатой техники для заострения коротких пластин, сооружение сырцовых домов — все это свойственно только халколитической культуре. Некоторые из данных элементов могли быть заимствованы у других халколитических культур. В связи с этим нужно сказать, что такие сосуды, как блюда, чаши на поддонах и с крышками, кувшины с высоким горлом, кубки,

в том числе и на «пуговичном» основании, можно сравнить с позднехарап্পской керамикой Харьяны и Пенджаба. Некоторые типы керамики халколитической культуры Виндхья и долины Среднего Ганга имеют аналоги в Навдатоли, Нагде, Роджди, Бхагатраве, Хасанпуре, Мехгаоне, Амре, Чандоли, Каятхе и т. д. Сказанное, видимо, свидетельствует о контактах между халколитическими культурами Виндхья и долины Среднего Ганга, с одной стороны, и культурами долины Верхнего Ганга, Харьяны, Центральной и Западной Индии — с другой, и наводит на мысль, что халколитическая культура рассматриваемого региона содержит два элемента: один — восходящий к эпохе неолита, другой — сложившийся под воздействием халколитических культур соседних областей. Это объясняет и близкое сходство оборонительной архитектуры Каушамби и Харалпы, включая такие харалпские элементы и приемы, как вал, уклоны стен, покрытие откосов кирпичами, использование тычка и ложка, английской перевязки и ложноводчатого перекрытия.

В свете данных об интенсивных контактах между двумя зонами и результатов недавних исследований тезис о независимом происхождении общих элементов культур долин Инда и Ганга становится уязвимым. Созданная на слабой фактической базе концепция, по которой цивилизация долины Инда была разрушена и сменена бедной земледельческой культурой СРК, чьи носители идентифицировались с индоариями, ныне несостоятельна. В Индии помимо цивилизации Харалпы существовало множество халколитических культур. Нужно подчеркнуть, что приход ариев в Индию около 1500 г. до н. э. и разрушение городской культуры долины Инда, приведшее к упадку высокоразвитой городской жизни и появлению бедной сельской культуры, — это две несостоятельные гипотезы, которые препятствовали объективному рассмотрению данных о халколитической культуре Виндхья и долины Ганга и научной интерпретации археологических материалов. Сведения о халколите, происходящем из неолита исследуемого региона, древность и история оборонительных сооружений, восходящие к середине II тыс. до н. э., являются важными указаниями для правильного понимания археологии этой территории. Возникновение оборонительных сооружений и урбанизация как неотъемлемая часть халколита Виндхья и долины Ганга и их последующее развитие в период СРК не оставляют сомнения в непрерывности городской жизни после гибели цивилизации долины Инда и отсутствии значительного интервала между названной цивилизацией и городской революцией в долине Ганга, хотя некоторые из основных элементов в культурах обоих регионов могли быть несходными и несвязанными.

Интересно напомнить, что, согласно пуранической традиции, наиболее древняя населенная область простиралась от долины Ганга до Западной Индии. В свете археологических данных, которые указывают на развитие урбанизации в долине Ганга еще

в халколите, происходящем из неолитических культур этого региона, стала необходимой новая оценка всех свидетельств археологического материала, текстов пуран и вед [Sharma, 1980, p. 73, 74].

Л и т е р а т у р а

- Lal B. B., Dikshit K. N. Sringaverpura: A key site for the protohistory and early history of the central Ganga Valley. — *Puratattva*, New Delhi, 1981, № 10, p. 1—7.
- Sharma G. R. Excavations at Kausambi, 1949—1950. — *MASI*, 1969, N 74, p. 8—12.
- Sharma G. R. Mesolithic lake cultures in the Ganga Valley. — *PPS*, 1973, vol. 39, p. 129—143.
- Sharma G. R. From history to prehistory. Allahabad, 1980. 115 p.

Вишну-Миттре, К. А. Шарма

ПРОИЗВОДСТВО ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ В НЕОЛИТЕ— ХАЛКОЛИТЕ В ВОСТОЧНОМ УТТАР-ПРАДЕШЕ

Неолитическая экономика в Индии в значительной степени связана с рисом. Найденные остатки риса относятся к окультуренному (*Oryza sativa*) и дикорастущему видам, однолетнему и многолетнему (*O. nivara*, *O. rufipogon*). Ячмень был встречен на поселении Махагара в долине Адвы. На этом же поселении обнаружены также семена сорняка *Ischaemum rugosum*.

Халколитическое растениеводство характеризуется преобладанием риса, пспалума (*Paspalum scrobiculatum*) и ежовника (или пастушье просо; *Echinochloa crus-galli*). При раскопках халколитических поселений был найден дикорастущий и культивируемый рис — свидетельство существования системы хозяйства, базирующейся на рисоводстве и сходной с неолитической.

Наличие дикорастущего и окультуренного риса как в неолитическое, так и в халколитическое время предполагает самый низкий уровень земледелия, открывающий возможность исследования процессов культивации. Радиоуглеродные даты показывают, что данная фаза низкого развития земледелия представляет, видимо, самое древнее на земном шаре свидетельство окультуривания риса. Это может дать Восточному Уттар-Прадешу статус центра, из которого рис распространился в разных направлениях по Южной Азии и, возможно, даже за ее пределы.

Единственный факт находки ячменя в неолите названного региона в настоящее время кажется весьма загадочным. Исходя из современного состояния знаний никоим образом нельзя считать это локальной или региональной культивацией.

Остатки окультуренного *E. crus-galli* и *I. rugosum*, который встречался как сорняк на рисовых полях, являются дополнитель-

ным подтверждением низкого уровня земледелия в неолитическое—халколитическое время. Плоды паспалума были скорее собраны с дикорастущих, а не культивируемых растений.

Информация о производстве пищи в неолите Восточного Уттар-Прадеша скудна [Vishnu-Mittre, 1976; Glover, 1979, p. 29; Sharma et al., 1980, p. 69, 136, 182], однако имеет огромное значение, особенно в отношении риса. Остатки риса из неолитических слоев поселения Колдихва (близ Аллахабада) были не только изучены морфостатистически и под микроскопом, но и датированы методом ^{14}C как древнейшие в мире. Они на несколько столетий старше наиболее древних находок из Китая (по сообщению Т. Чжана).

Сейчас стало возможно исчерпывающе исследовать древнее производство пищи Восточного Уттар-Прадеша благодаря любезности Г. Р. Шармы, главы Департамента древней истории, культуры и археологии Аллахабадского университета, который предоставил нам материалы раскопанных им шести неолитических (Колдихва и Махагара — долина Белана, Аллахабад; Бараунха и Манигара — долина Адвы, округ Мирзапур; Лахура-Дева из Басти, Сохгаура из Горакхпура) и трех халко-мегалитических поселений (Колдихва, Какория в Варанаси, Магха в долине Адвы).

Всего было исследовано около 270 фрагментов керамики (от трех до 26 с поселения). Каждый фрагмент рассматривали снаружи и затем разбивали вдоль для выявления отпечатков зерен. Это позволило нам обнаружить отпечатки риса, *P. scrobiculatum* и *P. tigris*. Кроме того, среди сохранившихся включенными в черепки обугленных зерен встречены ячмень и *E. crus-galli*.

Идентифицировать остатки риса, окультуренного и дикого, непросто, так как его оболочки во фрагментированном или целом виде выглядят более или менее сходными. Вследствие этого было необходимо изучить богатую достоверную коллекцию дикого и окультуренного риса морфографически, статистически и с использованием скановой микроскопии. Кумулятивные критерии, полученные во время этих исследований, использованы при отождествлении остатков риса и отнесении их к окультуренному или дикорастущему видам. Хотя всемирная коллекция состоит из нескольких диких и двух окультуренных видов *Oryza*, исчерпывающий анализ был проведен для *O. sativa*, однолетнего дикорастущего *O. nivara* и многолетнего дикорастущего *O. rufipogon*, поскольку они широко распространены в Южной и Юго-Восточной Азии и, как считают цитогенетики [Sharma, Shastri, 1974], формируют серии, дающие начало окультуренному *O. sativa*. Африканские серии таксономически отличны. Однолетний дикий и окультуренный рис часто гибридизируется и производит формы иногда промежуточного характера между дикими и окультуренными. В нашем анализе это может создавать трудности и является серьезным ограничением для использования их в качестве критериев. Надеемся, что при наличии действительно выве-

денных типов критерии, которых мы достигли, будут уточнены и улучшены. Следует указать, что эволюция окультуренного риса берет начало от однолетнего дикого вида, послужившего объектом в процессе отбора, жатвы и посева, и это положение учитывалось нами при исследовании остатков риса. Однако неолитический человек мог использовать дикий одно- или многолетний рис либо оба их и окультуренный *O. sativa* появился вследствие этого.

Кроме трех видов риса, упомянутых выше (*O. rufipogon*, *O. nivara*, *O. sativa*), известно, что в Южной Азии существуют *O. granulata* и *O. minuta*. Отмечено, что *O. granulata* встречается в предгорьях Восточной Индии, Бенгалии, Бихаре, Мадрасе, а *O. minuta* — в Ассаме. *O. officinalis*, как установлено, может принадлежать к тому же виду, что и *O. minuta*. *O. minuta* и *O. melampuzhensis* являются тетраплоидами с геномным комплексом ВВСС; распространение последнего из них ограничено Южной Индией, он очень сходен с *O. officinalis*. *O. officinalis* — диплоид с геномным комплексом СС, в отличие от диплоидов с геномными комплексами АА — *O. rufipogon*, *O. nivara* и *O. sativa*. *O. granulata* — диплоид, но его геномный комплекс неизвестен. Судя по общим диплоидности и геномному комплексу, *O. rufipogon*, *O. nivara* и *O. sativa*, принадлежащие к сериям *Sativae*, образуют близкие виды. Поэтому у них исследовались характерные особенности оболочки. У оболочек *O. granulata*, распространенного в Восточной Индии, отсутствует рисунок в виде шахматной доски (регулярное расположение гранул). Другой вид — *O. jeyporensis*, — известный из Ориссы, является диплоидом и напоминает *O. glaberrima* по основным морфологическим деталям. В настоящей, откорректированной таксономии индийские виды и подвиды рода *Oryza* включают *O. granulata*, *O. officinalis*, *O. minuta*, *O. melampuzhensis*, *O. rufipogon*, *O. nivara* и *O. sativa*. Обычный таксономический критерий для выявления различий между этими видами не может быть применен при идентификации риса или других растительных остатков, поскольку они большей частью фрагментарны и состоят в основном из зерен в оболочке или без нее. Такие особенности, как наличие коротких или длинных язычков на нижних листьях, характер произрастания (неопадание листьев или раннее их опадание), что отличает дикие виды риса от окультуренных, никогда не смогут использоваться применительно к археологическим остаткам. К отличию однозерновых зрелых колосков от двух-трехзерновых *O. sativa* var. *sativa* и *O. sativa* var. *plepa* в то же время следует относиться серьезно. Это характеристика вторичных колосков. Их форма, размеры, характер рисунка — то, что в таксономии считается второстепенным и третьестепенным, — приобретают первостепенное значение в палеоэтноботанике. Поэтому эти особенности изучались детально и расшифровка, приводимая ниже, базируется на анализе с помощью морфологии и скановой микроскопии, использовавшихся для идентификации видов растений, полученных археологами.

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРЕХ ВИДОВ *ORYZA*

O. nivara (2 образца). Оболочка широкая и тонкая, с закругленными концами; на ней очень мало горизонтальных волнистых линий. Тесно расположенные гранулы не бывают ни правильно кубическими, ни четырехугольными. Смежные гранулы соединены вертикальными прямыми линиями. Промежутки между гранулами, каждая из которых имеет две рогоподобные структуры, и между кольцевидными структурами, существующими между гранулами, малы.

O. rufipogon (12 образцов). Форма оболочки зерна варьирует от тонкой до широкой тонкой и короткой округлой. На тонкой оболочке немного горизонтальных волнистых линий, на остальных — много. Гранулы закругленные, тесно расположенные и выступающие над поверхностью. На некоторых образцах встречаются темные участки квадратной формы с четырьмя гранулами. Гранулы более широкие, с двумя-тремя рогоподобными структурами. Кольцевидные структуры находятся между гранулами. Промежутки между гранулами малы.

O. sativa (29 образцов). Форма оболочки зерна варьирует от тонкой до узкой тонкой, широкой тонкой с закругленными концами и круглой (короткой и большой). На оболочке много горизонтальных волнистых линий. Гранулы кубические. В некоторых случаях лэгранула встречается в квадратных или округлых темных участках. Заметны вертикальные полоски. Несколько больше промежутки между гранулами, имеющими две гладкие рогоподобные структуры. Гранулы маленькие, выступают слабо.

Охарактеризованные выше особенности выявляют важные диагностические критерии. Надеемся, что исследование большего количества материалов подтвердит их.

Исчерпывающему статистическому анализу были подвергнуты 11 дикорастущих (*O. rufipogon*) и 13 культивированных (*O. sativa*) зерен, отобранных в Центральном институте исследований риса в Каттаке. Измерения длины, ширины и толщины показали значительные совпадения между исследованными образцами, хотя было отмечено различие формы диких и культивированных зерен. Применение математической статистики (вычисление моды и средних показателей) мало помогло в выявлении различий. Стандартные отклонения (квадратный корень отклонения) вычислялись для длины, ширины и толщины. Отклонение было более неустойчивым у длины, меньше — у ширины и еще меньше — у толщины. Средние L/VHT совпадали для диких и окультуренных зерен (*O. rufipogon* — 1.24—2.52; *O. sativa* — 1.00—2.72; *O. minuta* — свыше 3.00; *O. granulata* — 1.63—2.06; *O. officinalis* — 1.47—2.47), в то же время эти средние не могут рассматриваться как достоверные (наблюдалась частичная корреляция коэффициентов?). Коэффициент корреляции был невысок.

1. РИС

Неолит.¹

1. Махагара — оттиски оболочек риса были найдены во всех восьми исследованных образцах (74 фрагмента сосудов). Количество отпечатков в разных образцах варьирует. После того как черепки были разбиты вдоль, открылось большое количество остатков риса в виде стяжений. В одних случаях отпечатки были фрагментированными, в других — полными. Тонкие оболочки зерен имели рисунок в виде шахматной доски с несколькими горизонтальными волнистыми рядами, большие округлые гранулы располагались с незначительными промежутками. Их особенности сопоставимы с многолетним *O. glaberrimum*. У широких тонких оболочек со многими горизонтальными волнистыми рядами гранулы кубические. Эти характеристики сопоставимы с окультуренным однолетним *O. sativa*. В образце № 2 очень немногие отпечатки (один-два) демонстрируют черты, общие с *O. nivara* (дикорастущий однолетний). Щели между гранулами образуют прямые линии, типичные для *O. nivara*, но эти щели обнаружены также и на *O. sativa*. Ничего определенного в отношении их идентификации сказать нельзя.

2. Бараунха — из 23 фрагментов керамики только четыре содержат следы рисовых оболочек, расположенных очень редко. Оказалось возможным идентифицировать два зерна дикорастущего риса. Узор носит регулярный характер, промежутки между гранулами небольшие. Щели образуют прямые линии, что сопоставимо с дикорастущим однолетним *O. nivara*. У *O. glaberrimum* имеются очень немногочисленные горизонтальные волнистые ряды, большие и округлые полости. Темные участки, квадратные или округлые, обнаружены там, где соединяются четыре гранулы. Это черты, сходные с *O. glaberrimum*.

3. Манигара — из 11 образцов только на четырех есть очень немногочисленные следы оболочек риса, демонстрирующие характеристики, сходные с *O. nivara*. Некоторые вдавления были полными, так что форма могла быть определена. Тонкие оболочки зерен имеют несколько горизонтальных волнистых линий, гранулы у них большие, округлые. Темные участки отмечены в соединениях гранул, напоминающая *O. glaberrimum*. Щели образуют прямые линии — сопоставимы с *O. nivara*. У *O. sativa* оболочки зерен были широкими тонкими с закругленными концами, со многими горизонтальными волнистыми линиями.

4. Сохгаура — на двух образцах (33 фрагмента) наблюдались многочисленные, но фрагментированные следы оболочек риса.

¹ Материалы из Чопани-Мандо, изученные ранее [см.: Sharma et al., 1980], при повторном исследовании подтвердили дикорастущий характер остатков риса.

Вследствие этого форма зерна не могла быть определена. Однако рисунок, частота горизонтальных волнистых линий (от отдельных до многих) дают нам возможность отождествить *O. sativa* и *O. rufipogon*. Гранулы от округлых до кубических. Имеются темные участки. На дикорастущем *O. pivaга* были идентифицированы щели между гранулами, образующие прямые линии.

5. Лахура-Дева — из трех образцов только два имели очень немногочисленные и неполные следы оболочек риса. Некоторые отпечатки демонстрируют признаки, сходные с *O. pivaга* и *O. rufipogon*, у первого — щели в прямых линиях, у второго — редкие горизонтальные волнистые линии и темные участки между гранулами. Из-за сильной фрагментированности их идентификацию нельзя считать действительно обоснованной.

Халколит.

1. Магха — изучено пять образцов; в образце № 1 (11 фрагментов керамики) сохранились отпечатки четырех зерен риса, сходного с *O. rufipogon* немногочисленностью волнистых горизонтальных линий на оболочке, присутствием темных участков там, где соединяются четыре гранулы. В образце № 2 пять из девяти черепков имели следы рисовых оболочек, тонких и широких тонких с закругленными концами, на поверхности — от отдельных до многих горизонтальных волнистых рядов с темными участками в соединениях гранул. Этот образец содержит также отпечатки *I. rugosum* и *P. scrobiculatum*. В образцах № 3 и 4 отмечено большее, чем в других, количество следов оболочек риса. При детальном исследовании они были определены как относящиеся к *O. rufipogon* и *O. sativa*. В образце № 5 два-три черепка из девяти несут отпечатки рисовых оболочек, как у округлого типа *O. sativa*.

2. Какория — в шести образцах на всех черепках имеется много отпечатков рисовых оболочек, за исключением образца № 1, где из 13 черепков только два содержали следы риса. Представлены формы *O. rufipogon* тонкая с отдельными горизонтальными волнистыми линиями и *O. sativa* широкая тонкая с закругленными концами и многими горизонтальными волнистыми линиями.

В образце из Магха фрагменты обожженной глины содержали также отпечатки стеблей и других остатков травянистых растений вместе со многими оттисками оболочек риса.

II. ЯЧМЕНЬ

Неолит.

1. Махагара — на поселении (глубина 2.60—2.77 м, яма SB-15) отмечены два обугленных зерна (впервые в этом регионе). Размеры 6.00×3.25—3.50 мм; зерна удлиненные, с максимальной шириной в центре, в поперечном сечении округлые, за исключе-

нием вентрального и дорсального участков. Эмбриональная часть удлиненная и суженная; верхушечная — слегка выступает, что типично для зерен ячменя. Эти признаки очень близки культивируемому ячменю *Hordeum vulgare*. Более ранние данные об ячмене происходят из неолита поселения Чиранд.

III. ПАСПАЛУМ

Халко-мегалитическое поселение.

1. Магха — отпечатки паспалума (*P. scrobiculatum*) были идентифицированы на обожженном куске глины с этого поселения. Оболочка овальная, тонкая, похожая на бумагу, прерывается вертикальными рубчиками, заметными на отпечатках, размеры по контуру 1.75—2.00 × 1.00—1.25 мм.

Паспалум ранее отмечался в находках из Ахара (Раджастхан); согласно Вишну-Миттре, около 1200 г. до н. э.

IV. ЕЖОВНИК (ПАСТУШЬЕ ПРОСО)

Халко-мегалитическое поселение.

1. Магха — два хорошо сохранившихся зерна ежовника (*E. crus-galli*) были идентифицированы. Они эллипсоидной формы, размеры по контуру 1.25 × 1.00 мм.

Более раннее свидетельство имеется из хараппского поселения Суркотада (Гуджарат; исследования Р. Савитхри).

V. СЕМЕНА ДИКОРАСТУЩИХ ТРАВ

Неолит.

1. Махагара — с этого поселения (глубина 1.60 м, слой SB-II) был идентифицирован отпечаток *I. rugosum* — сорняка, распространенного на рисовых полях. Он имеет характерный рисунок — толстые горизонтальные волнистые гребешки по всей поверхности, начинающиеся немного отступая от верхушки.

Халко-мегалитическое поселение.

1. Магха — на обожженных кусках глины с этого поселения (глубина 5 см) были идентифицированы отпечатки *I. rugosum*.

* * *

Наши исследования показывают, что остатки риса, открытые в обломках сосудов, могут быть отнесены к дикорастущему и окультуренному видам. Среди дикорастущих идентифицируются как многолетние, так и однолетние. Нет возможности определить их количественное соотношение. Производство продуктов питания

зависело преимущественно от диких и окультуренных форм риса. Очевидно, что эксплуатация дикого риса в исследуемое нами время распространялась широко. На одном из поселений были найдены также зерна сорняка *I. rugosum*, который растет обычно на рисовых полях. Среди других злаковых в Махагаре обнаружены и два обугленных зерна ячменя. Пища в халколитический период включала дикорастущий и культивируемый рис, а кроме того, зерна *E. crus-galli* (который также встречается на рисовых болотах) и *P. scrobiculatum*.

Сходные дикорастущие и окультуренные породы риса, открытые в указанном регионе в неолите и халколите, подтверждают продолжение их возделывания в период от неолита до энеолита. Это может указывать как на собирательство продуктов питания, так и на их культивацию, т. е. на низкий уровень земледелия. Мы в достаточной мере еще не улавливаем тех обстоятельств, при которых дикорастущий рис был введен в культуру. Использование обоих видов риса около 7000 лет назад (время, определенное методом ^{14}C) и ранее — интересный факт, возможно древнейший в мире факт такого рода, ибо данные из Китая являются на несколько сот лет более поздними.

E. crus-galli, *P. scrobiculatum* — оба этих растения встречаются в диком виде и также были культивированы древними народами. Мы не имеем точных данных, подтверждающих их культивацию или собирательство, но скорее всего наличие окультуренного риса говорит в пользу предположения, что начиналась также культивация паспалума и ежовника.

Исключительно интересна находка ячменя (не дикого) в Махагаре. Это древнейшее для Южной Азии свидетельство синхронно с данными из Мергара (Белуджистан). Восточный Уттар-Прадеш или Уттар-Прадеш в целом не может быть прародиной ячменя, который встречается в Афганистане и Белуджистане. Таким образом, ячмень мог попасть сюда с запада или северо-запада.

Имело ли население равнины Ганга какие-либо культурные контакты с теми народами, которые жили значительно западнее или северо-западнее Южной Азии около 7000 лет назад или ранее? Находки ячменя свидетельствуют именно об этом. Другие доказательства, по-видимому, будут найдены в материалах поселений долины Ганга. Представляется, что возможностей для культивации ячменя на равнинах Ганга не имелось.

Л и т е р а т у р а

- Glover I. C.* Prehistoric plant remains from Southeast Asia, with special reference of rice. — In: *South Asian archaeology*, 1977. Naples, 1979, vol. 1, p. 7—37.
- Sharma S. D., Shastry S. V.* S. Rice. — In: *Evolutionary studies in world crops*. L., 1974, p. 55—61.
- Sharma G. R. et al.* Beginnings of agriculture. Allahabad, 1980. 237 p.
- Vishnu-Mittre.* Comment on „India: local and introduced crops“. — In: *The early history of agriculture*. L., 1976, p. 141.

ФОРМИРОВАНИЕ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ И ИНДОСТАНЕ

Привычные внешние признаки древних цивилизаций — городские поселения, письменность и монументальная архитектура — представляют собой лишь небольшую часть сложного общественного организма. Цивилизации — это социально-культурные комплексы, формирующиеся на определенной стадии развития общества, которая связана в первую очередь со становлением государства и раннеклассовых отношений [Массон, 1981, с. 123; 1982]. Основной предпосылкой, движущими силами процесса формирования раннеклассового общества и цивилизации были в первую очередь социально-экономические явления. Первое среди них — наличие регулярного прибавочного продукта, что обеспечивалось способом хозяйственной деятельности; второе — существование возможности перераспределения этого продукта, что обеспечивалось социальной системой, рассматриваемой с точки зрения тенденций ее развития. Другие факторы — от плотности населения до степени развития обмена и торговли — действовали как вторичные и могли способствовать ускорению или замедлению соответствующих процессов социального и культурного развития, приданию им более или менее четких и выразительных форм.

Наряду с коренными изменениями в сфере социально-экономических отношений и социально-политических структур период формирования цивилизации отмечен кардинальными, качественными изменениями в сфере культуры. Связь социально-экономических процессов с культурой при посредничестве инноваций привела к сложению качественно нового культурного комплекса, который, собственно, и есть цивилизация. Для культуры большей части первобытной эпохи был характерен традиционализм, когда наблюдалось главным образом повторение процесса в прежнем объеме и на прежнем техническом основании. В пору формирования цивилизации почти все компоненты культуры подвергаются трансформации в результате утверждения в обществе новой технологии и новых моделей действия. Поскольку наблюдаемые в эту эпоху культурные инновации находят в основном отражение в данных археологии, то они выражаются в появлении и распространении новых типов артефактов.

При анализе культуры рассматриваемого времени можно видеть, что инновации охватывают в равной мере сферы технологии, обыденной культуры и идеологии (рис. 1). Основные технологические изменения происходят в сфере ремесел. На Ближнем Востоке и в Средней Азии наибольшую роль сыграли инновации в металлургии, гончарном производстве и строительном деле. Успехи теплотехники, применение новых инструментов (гончарный круг

Рис. 1. Культурогенез цивилизаций.

и др.) привели к тому, что все большее распространение получает такая форма стереотипизации культурных явлений, как стандартизация. В строительном деле, широко осваиваемом высотные и монументальные постройки, также наблюдается стандартизация, выработка канонов и модулей, становление архитектуры в собственном смысле слова. В соответствии с новыми ценностными ориентациями, утвердившимися в обществе, новые технические возможности ведут к дифференциации и специализации ремесел. Среди последних в особые производства выделяются оружейное дело, глиптика, изготовление ювелирных изделий. Недаром в письменных документах Урука-IV есть список не менее чем 80 различных должностей и профессий.

Важное значение имели новые потребности в уровне коммуникаций и особенно качественный скачок объема информации, подлежащей хранению и передаче для обеспечения функционирования общества как сложной социальной и хозяйственной системы. В результате складывается письменность, появляются различные виды транспорта, и прежде всего колесные экипажи. Последние обеспечивали новый объем хозяйственных, культурных и политических связей и взаимодействий (от транспортировки сырья до переброски воинов). Увеличивается многообразие информационных каналов, в числе которых немаловажными становятся регулярные ярмарки, храмовые празднества и другие массовые обрядовые действия.

На обыденной культуре резко отразилось разделение общества на группы, обладающие различной долей общественного богатства. Это видно по дифференциации образа жизни, отраженной

в жилых комплексах и погребальных обрядах. Возрастающая специализация деятельности все более способствовала отделению умственного труда от физического. Об этом, в частности, свидетельствует развитие искусства, оставившего подлинные шедевры индивидуального художественного творчества. В условиях усиливающейся социальной дифференциации из утилитарных и престижно-знаковых функций инноваций все большее значение приобретают вторые, причем престиж воспринимается не как личный авторитет, а как принадлежность к определенному общественному слою. В результате таких изменений сама структура культурного комплекса усложняется, в нем обособляется особая элитарная субкультура. Входящие в ее состав типы объектов по идее и принципу обычно взяты из массовой, народной культуры, но переработаны профессиональными мастерами соответственно запросам социальной среды. Зачастую стереотипы теряют элитарный, престижно-знаковый, характер и, спускаясь по социальной лестнице вниз, вновь становятся элементом всеобщей народной культуры [Арутюнов, 1979, с. 31]. В сфере идеологии идет выработка новых стереотипов в связи с институтализацией власти и сакрализацией должности и функций правителя. При этом частично используются элементы привычных для обшинников аграрных культов и мифологических схем мироздания.

Исходным пластом культурного комплекса цивилизации была культура первобытного общества, но данный пласт претерпел кардинальную трансформацию. Формирование культурных инноваций шло двумя путями: через изобретение, или культурную мутацию, и через заимствование, или метисацию [Маркарян, 1981]. В ряде случаев переход к новым моделям был связан с абстрагированием стереотипичных элементов и соединением их в нестандартные комбинации. Имманентное создание инноваций, которое можно рассматривать как культурную мутацию, носит диалектический характер. Оно включает аспекты преодоления, сохранения и восхождения на новый, более высокий этап. При этом происходят отбор элементов отрицаемых культурных форм и их удержание с органическим включением в новое целое. Именно так был процесс формирования основных инноваций, определивших культурный комплекс первичных цивилизаций — шумерской, египетской, древнеиндийской и месоамериканской. В культурах и цивилизациях, развившихся позднее, наряду с культурной мутацией наблюдается культурное заимствование, или метисация. Заимствование происходит как в сфере технологии и утилитарных объектов, так и в сфере престижно-знаковой. Однако обычно это заимствование осуществляется на основе селекции. Селекция обеспечивает адаптацию заимствований и сводит к минимуму реакцию отторжения инновации местной социокультурной средой.

Для характеристики культурного комплекса первых цивилизаций можно использовать коэффициент актуализации. При этом в абсолютно консервативной культуре признается актуальным все

наследие и только наследие (коэффициент актуализации равен 1). В абсолютно новаторской культуре, наоборот, актуальными признаются только модели, возникающие на данном этапе (коэффициент актуализации — 0). При таком подходе коэффициент актуализации культурного комплекса первых цивилизаций, насыщенного инновациями во всех основных сферах (технология, обыденная культура, идеология), может быть определен как равный 0.5. С точки зрения культурогенеза, сложение цивилизации можно рассматривать как своего рода культурную революцию, находящуюся в теснейшей причинно-следственной связи со становлением классового общества и государства. С этих позиций обратимся к рассмотрению древнейших цивилизаций Средней Азии и Индостана.

Археологические открытия 60—70-х гг. в Средней Азии позволяют охарактеризовать формирование цивилизации в этом регионе [Массон, 1961, 1968; *The Bronze Age civilization...*, 1981]. На юго-западе Средней Азии развиваются оседлые земледельческо-скотоводческие общины, повторяющие в замедленном и менее контрастном варианте эволюцию общин Месопотамии. Водные ресурсы подгорной полосы Южного Туркменистана ограничивали возможности поливного земледелия и размер прибавочного продукта, что прямым образом сказалось на темпах развития. В VI тыс. до н. э. племена джейтунской неолитической культуры жили поселками площадью 0.5—1.5 га, которые состояли из однокомнатных домов — мест обитания малых семей. Центром поселка было святилище, повторявшее планировку жилого дома, но в увеличенных размерах и с особой отделкой интерьера (рис. 2, 1). К IV тыс. до н. э. завершается формирование крупных центров, занимающих площадь 10—15 га. Эти поселки, как например Кара-Депе и Геоксюр, состояли из многокомнатных домов, где обитали большесемейные общины. Складывается начальная иерархия поселений. Как показали раскопки Алтын-Депе, в пору позднего энеолита, когда поселение достигало 25 га, оно имело обводные стены из сырцового кирпича с прямоугольными пилестрами (рис. 3, 1), генетическими предшественниками башен. В Геоксюрском оазисе крупное центральное поселение сосуществовало с шестью другими, более мелкими. Однако нет признаков структурных изменений в крупных центрах, особые ремесленные кварталы и монументальная архитектура здесь отсутствуют. По погребальному инвентарю для второй половины IV тыс. до н. э. выделяется относительно богатая группа захоронений, содержащих до 10 расписных керамических сосудов, каменную посуду, медные изделия и терракотовые статуэтки. Видимо, эти захоронения принадлежали лицам особого социального ранга: и мужчинам, и, как показывает антропология, женщинам. Терракотовые статуэтки мужчин в шлемах, возможно, воспроизводят образы удачливых военных предводителей и отражают развитие культа вождей племен и племенных объединений.

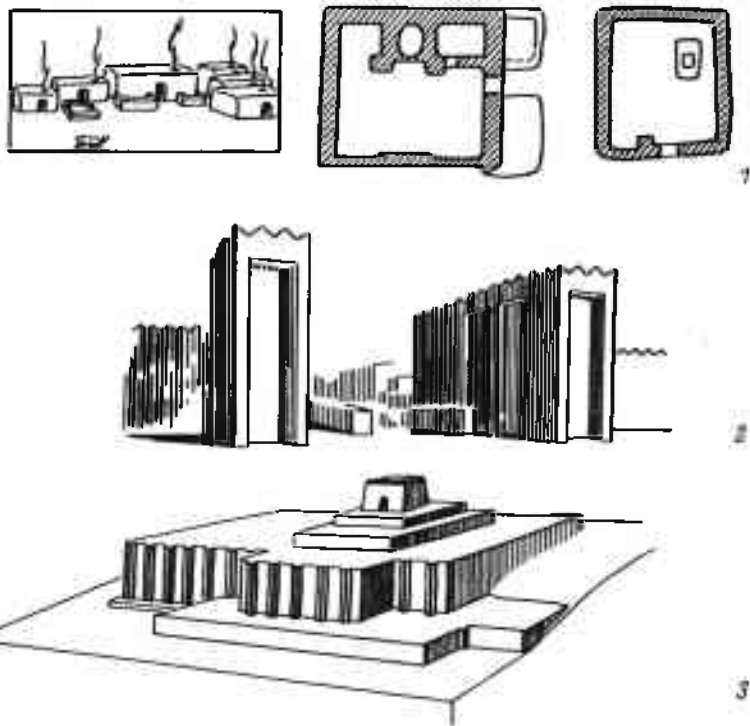

Рис. 2. Развитие архитектуры Южной Туркмении от неолита до эпохи бронзы.
 1 — святилище Песеджик-Депе; 2 — реконструкция ворот Алтын-Депе; 3 — реконструкция культового центра Алтын-Депе.

Решающие изменения происходят в III тыс. до н. э., их результаты отражены в материалах Алтын-Депе второй половины данного тысячелетия. Крупные центры в это время увеличиваются в своих размерах, и их в Южной Туркмении остается только два: Алтын-Депе и Намазга-Депе. Меняется и структура таких центров: на Алтын-Депе четко заметны квартал ремесленников и культовый центр с монументальной архитектурой. Анализ типов жилых строений, погребального инвентаря в гробницах, связанных с этими строениями, характер мясной пищи указывают на сложную социальную стратификацию обитателей Алтын-Депе. Здесь выделяются три группы населения разного имущественного и социального положения, что нашло прямое отражение в образе жизни. Скорее всего, перед нами прямая предтеча классового общества, те организмы, которые мы называем предклассами [Бромлей, 1981].

с. 190]. Могилы с одиночными захоронениями и богатым инвентарем, в том числе престижным (рис. 4), видимо, принадлежали лицам наиболее высоких социальных рангов, возглавлявшим городское самоуправление. Вместе с тем примечательно, что пока не обнаружены ни царские могилы, ни резиденция типа дворца правителя. Возможно, Алтын-Депе было храмовым городком [Redman, 1978, p. 221], в руководстве которого контроверза жречества и светских властей еще не получила своего разрешения. Перед нами формирующаяся цивилизация древневосточного облика.

Во II тыс. до н. э. наблюдается запустение обоих древнейших центров: Алтын-Депе и Намазга-Депе. Одновременно группы об-

Рис. 3. Алтын-Депе.

1 — обводная стена; 2 — жилой дом эпохи энеолита.

щин из Южного Туркменистана и, видимо, Северного Хорасана двигаются в восточном направлении и осваивают в широких масштабах дельту Мургаба (Маргиану) и земли по среднему течению Амударьи (Бактрию). В дельте Мургаба мы видим трехчленную иерархию поселений, причем в обособленной группе центром является поселение городского типа, обычно полностью укрепленное или имеющее квадратную крепость на своей территории [Масимов, 1979, с. 114]. Широкое освоение дельты Мургаба стало возможным в первой половине II тыс. до н. э. с развитием цивилизации Алтын-Депе и с совершенствованием системы хозяйственного и политического управления обществом. Во главе вновь возникающих территориальных групп (оазисов) находились поселения городского типа. Надо полагать, что и политическая эволюция шла по линии постепенного формирования такой политической единицы, как город-государство.

На юге Узбекистана для II тыс. до н. э. пока известны лишь поселения сравнительно небольших общин [Аскарлов, 1973, 1977]. Однако для них показательно развитие функции убежища — они представляли собой правильные квадратные крепости, а среди инвентаря погребенных нередко встречается оружие. Те же явления характерны и для Южной Бактрии [Сарианиди, 1977, с. 27 след.]. Городские поселения здесь пока не обнаружены, но имеются культовые центры с монументальной архитектурой. Ценные предметы, в том числе золотые сосуды из случайных находок, связаны скорее всего с инвентарем княжеских могил или с храмовыми сокровищами. Во всяком случае в Маргиане и Бактрии перед нами общество сложной социальной структуры, в котором институализации светской власти способствует возрастание роли управленческих и военных функций правителей в связи с освоением новых территорий и усилением межплеменных, а возможно, и межэтнических столкновений. Ведь именно в это время в оазисы юга все шире проникают племена степной бронзы как одно из проявлений сложного процесса расселения индоиранских племен.

Еще более отчетливо выступает на среднеазиатских материалах процесс культурных изменений, ведущих к формированию цивилизации. Уже в неолите, в VI тыс. до н. э., сложились такие элементы культурного комплекса, как глинобитная архитектура, мелкая пластика, производство глиняных сосудов в качестве предметов прикладного искусства [Массон, 1971, с. 57]. Постепенное развитие этих традиций привело во второй половине IV тыс. до н. э. к формированию высокоразвитой культуры позднего энеолита. Она представлена материалами Кара-Депе, Геоксюра и нижних слоев Алтын-Депе и характеризуется высокохудожественной расписной керамикой и выразительной терракотовой скульптурой (рис. 5). По существу можно говорить о геоксюрском исходном пласте цивилизации Алтын-Депе. Однако на протяжении первой половины и середины III тыс. до н. э. эти культурные традиции частично деградируют [Кирчо, 1980]. Одновременно отмечается совершенствова-

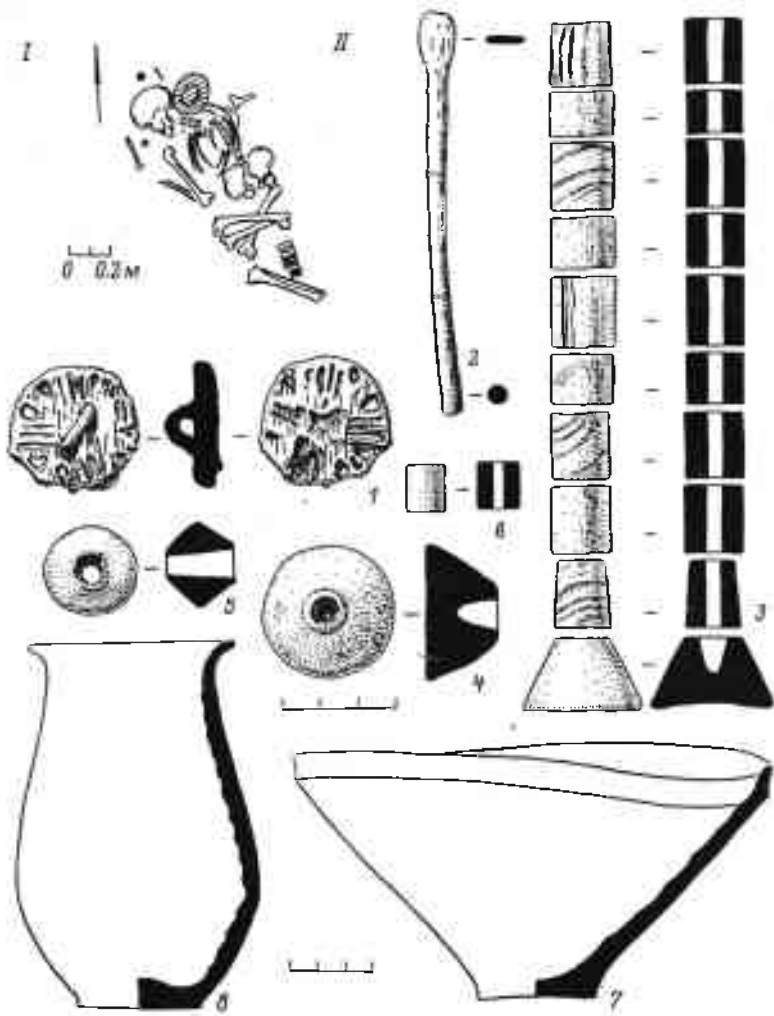

Рис. 4. Алтын-Депе, погребение эпохи бронзы.

I — мог. 695. *II* — погребальный комплекс: 1, 2 — изделия из бронзы; 3 — составной каменный жезл; 4—6 — изделия из камня; 7, 8 — керамические сосуды.

Рис. 5. Алтын-Депе.

1 — расписные сосуды; 2 — терракотовые женские статуэтки эпохи неолита.

ние, прогресс технологии — происходит все более массовое использование гончарного круга и сплавов меди с мышьяком. Технологический прогресс завершается в пору перехода от ранней бронзы (Намазга-IV) к средней (Намазга-V) кардинальными инновациями. Двухъярусные гончарные горны и полное освоение гончарного круга ведут к становлению новых типов керамических сосудов, отличающихся высокой степенью стандартизации. В рамках металлообработки выделяются специальные производства, в частности изготовление художественных печатей. В строительном деле наблюдается переход к возведению монументальных построек; примеры — культовый комплекс со ступенчатой башней типа зиккурата и оформление центральных ворот башнями-пилонами. Отмечается разработка специальных архитектурных модулей. Дифференциация жителей по уровню состоятельности, тесно связанному с социальными рангами, приводит к дифференциации и обыденной культуры. Статуэтки одного типа, найденные в квартале знати и в кварталах рядовых горожан, резко различаются своим качеством. Эталоном особого положения в обществе, показателем формирований своего рода элитарной субкультуры становятся изделия из слоновой кости или ювелирные украшения, в которых комбинировались золото и лазурит. Перемены в сфере идеологии ярче всего демонстрируются утверждением нового стиля в терракотовой скульптуре, сменившего угасающий стиль, основанный на геоксюрских традициях.

Следовательно, пора формирования цивилизации на юго-западе Средней Азии была эпохой утверждения инноваций почти во всех сферах культуры, порой культурного новаторства, установления новых моделей и эталонов. Частично это происходит путем культурной мутации с использованием элементов традиционной культуры. Так, в области терракотовой скульптуры все еще популярны традиционная поза сидящих женщин и наленные косы, получившие распространение в геоксюрский период. Но сам тип терракот принципиально новый. Имеет место и культурное заимствование путем селекции. Это можно видеть на примере монументальной архитектуры, использовавшей приемы месопотамских зодчих [Массон, 1975]. В местный культурный комплекс были включены и просто импортные предметы, как например харапские изделия из слоновой кости и печати харапского типа (рис. 6). Устойчивое соединение инноваций и определило качественно новый облик цивилизации, формирующейся в Южном Туркменистане на базе местных, позднеэнеолитических традиций.

Запустение в начале II тыс. до н. э. Алтын-Депе и Намазга-Депе в определенной мере привело к культурной дезинтеграции. Однако устойчивый набор культурных элементов был перенесен расселившейся группой общин в дельту Мургаба, где на этой основе формируется комплекс Келлеи. В дальнейшем (в середине II тыс. до н. э.) наблюдаются определенные инновации. Особенно впечатляющи они в глиптике Маргианы и Бактрии и в металло-

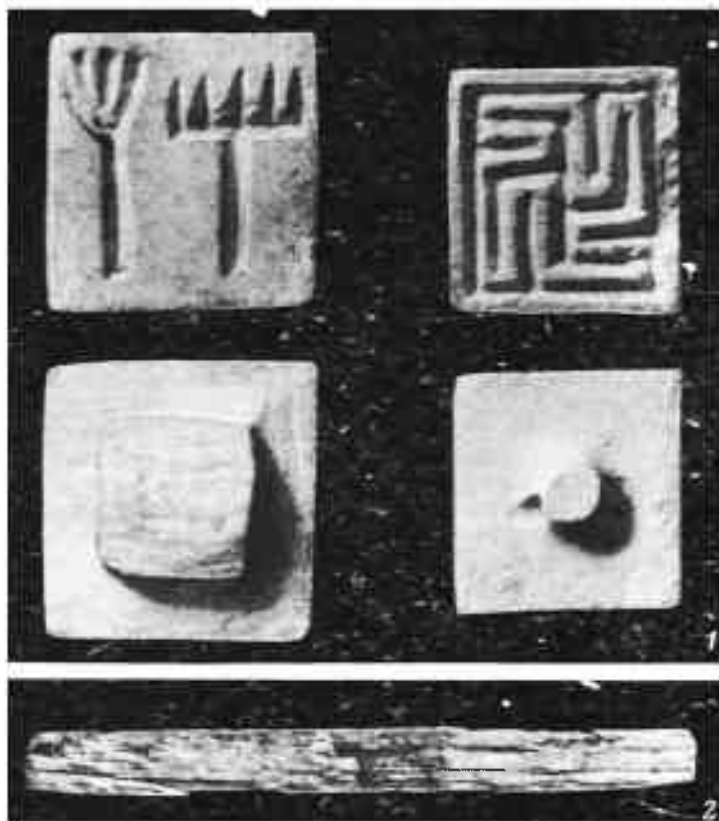

Рис. 6. Алтын-Депе, импортные индийские предметы.

1 — ластовые печати; 2 — палочка из слоновой кости.

обработке последней. Цилиндрические печати и ряд сюжетов, так же как и форм, металлических изделий указывают на усилившиеся связи с Месопотамией и прилегающими областями. Однако заимствование идет путем селекции, иноземные элементы частично перерабатываются и переосмысляются в местной среде. Возможно, одним из стимулов распространения западных воздействий и усиления милитаризации общества было расселение индоиранских племён. Во всяком случае перед нами конкретное проявление сложного характера культурного процесса в реальных условиях.

Как общий процесс формирования цивилизации древнего Индостана — харалпской культуры (или харалпской цивилизации) —

в результате исследований последних двух десятилетий вырисовывается достаточно четко [Piggott, 1952; Allchin B., Allchin R., 1982]. Правда, конкретно-историческая картина воплощения этого общего процесса в целом ряде отношений еще не вполне ясна. Слабее всего истолкованы явления, связанные с социально-экономическим развитием, стоящим за формированием хараппской цивилизации. Едва ли могут быть сомнения в том, что социальная структура хараппского общества была достаточно сложной. Это ярко видно на примере анализа жилищ в крупных городских центрах. Б. Б. Лал реконструирует трехчленную схему социальной стратификации хараппского общества, которая, по его мнению, находит подтверждение и в погребальных обрядах [Lal, 1978, p. 121]. Если следовать дешифровке протоиндийской письменности, предлагаемой Ю. В. Кнорозовым [1975], то в хараппском обществе существовали храмы с постоянным штатом жрецов, фиксированными жертвоприношениями. Согласно Кнорозову, в календарных системах, восстанавливаемых по надписям и иконографии печатей, находит отражение тенденция к увеличению срока пребывания у власти политического лидера — царя.

С большей определенностью может быть охарактеризовано формирование хараппской цивилизации как культурного процесса. Триада — города, письменность и монументальная архитектура — ярко представлена в ведущих центрах хараппской культуры. Вырисовывается в общем виде и генезис этого культурного комплекса. Раскопки в Мергаре углубляют исходный культурный пласт индостанской цивилизации до VI—V тыс. до н. э. [Jagtige, Lechevallier, 1979]. В это время уже существовали поселки оседлых земледельцев-скотоводов с прочными строениями. Первоначально это была комплексная экономика земледельцев и охотников, частично дополняемая собирательством дикорастущих злаков. Мясной рацион составляли почти исключительно дикие животные, в том числе газель, баран, козел, водный буйвол и даже слон. Незначительные размеры некоторых костей козы позволяют предполагать, что могли начаться первые шаги по приручению этого животного [Медоу, 1982, с. 57]. К середине VI тыс. до н. э. (по хронологии, предлагаемой исследователями памятника, которая представляется нам несколько удревеннейшей) в Мергаре устанавливается сбалансированная земледельческо-скотоводческая экономика. В наслоениях этого времени представлены основные домашние животные: коза, овца и бык зебувидной породы. Вскоре появляется и глиняная посуда, завершающая формирование типичного культурного комплекса ранних земледельцев.

По-новому приходится рассматривать и историю племен, обитавших в VI—IV тыс. до н. э. по среднему течению Ганга. Здесь в комплексах с микролитовидным инвентарем и грубой, примитивно орнаментированной керамикой установлено наличие культивации риса [Sharma et al., 1980]. Обнаружены как сами зерна этого растения, так и их отпечатки на глиняных черепках. Вместе с тем

мясную пищу доставляла только охота. Детальные палеоэтноботанические исследования, проведенные индийскими учеными (см. с. 48—55), показали, что на этих памятниках наряду с культивируемым рисом встречается и дикий. Индийские палеоэтноботаники не без оснований заключают, что перед нами земледелие сравнительно низкой стадии развития. Скорее всего, в данном случае в условиях специализированного собирательства при расположении поселений поблизости от затопляемых низменных участков с зарослями дикого риса начались первые шаги по целенаправленному воздействию на естественные поля. Однако при низком уровне развития орудий труда и общественной организации оно не получило здесь полного развития и сопровождалось сбором дикорастущих растений. Хозяйственный комплекс долины Ганга VI—V тыс. до н. э., с нашей точки зрения, можно трактовать как охотничье-собирательский с земледельческим уклоном.

Интенсивное развитие оседлых традиций происходит в V—IV тыс. до н. э. на северо-западе субконтинента. Здесь появляется глиняная посуда, а в конце IV тыс. до н. э. — уже расписная керамика, сделанная с помощью гончарного круга. Раннее появление гончарного круга в оседло-земледельческих общинах Белуджистана и Южного Афганистана давно обращало на себя внимание [Массон, 1964, с. 266]. Скорее всего, эта технологическая инновация была заимствованием с запада, результатом расселения общин из областей, группировавшихся вокруг Иранского плато. Иранские технологические и культурные инновации органически включались в культуру местных общин, весь облик которых оставался глубоко своеобразным, и недаром В. Ферсервис предложил для этого явления культурной интеграции понятие «индианизация» [Fairervis, 1971, p. 216]. По данным раскопок Джалипура, по крайней мере во второй половине IV тыс. до н. э. общины, расселявшиеся из горных областей, проникли в долину Инда [Mughal, 1974]. Судя по всему, это первоначально были носители различных культурных традиций. Однако экономическое развитие, выразившееся в первую очередь в специализации производственной деятельности, порождает ряд общих явлений, что ярко видно на примере таких дохарапских комплексов, как Кот-Диджи и нижние слои Балакота и Калибангана. Про Калибанган Б. Тхапар прямо писал: «Старые элементы культуры белуджистанских общин были включены в новую урбанистическую общность» [Thapar, 1973, p. 267]. По словам Р. Мугала, уже на стадии Кот-Диджи идет процесс культурной унификации, проявляющейся в керамическом производстве и в фортификации [Mughal, 1979]. Примечательно появление знаков мастеров-керамистов, имеющих аналогии в харапской письменности [Dales, 1979, p. 256].

Исследования 60—70-х гг. доставили обширные материалы, характеризующие первую половину III тыс. до н. э. как время интенсивного формирования технологического и культурного фундамента харапской цивилизации [Khan, 1981; Allchin B., Allchin R.,

1982, p. 131—165]. В области технологии это был период утверждения гончарного производства в качестве специализированного ремесла, использующего гончарный круг быстрого вращения и двухкамерные обжигаемые печи. Показательно, что в нижних слоях Амри преобладает керамика ручной лепки, тогда как в слое 1С основная масса посуды изготовлена уже с помощью гончарного круга. Появляются и крупные населенные центры, как например Рехман-Дхери на севере Пенджаба площадью 25 га, число жителей которого определяется исследователями в 10 000 человек [Allchin B., Allchin R., 1982, p. 150]. Такие поселения, как Кот-Диджи и Калибанган, имеют, подобно позднеэнеолитическому Алтын-Депе, обводные стены из сырца, хотя едва ли следует говорить о цитадели Кот-Диджи как о социологическом явлении, что проскальзывает в работе Ф. Хана [Khan, 1981, p. 18].

Прослеживается и культурная преемственность между памятниками вышеназванного хронологического горизонта (его некоторые исследователи предлагают по первому открытому памятнику именовать кот-диджинским) и комплексами развитой хараппской культуры. Эта преемственность касается и отдельных керамических форм, и мотивов расписи, и (в какой-то мере) архитектурных традиций [Khan, 1981, p. 21; Allchin B., Allchin R., 1982, p. 145].

Однако развитая хараппская культура на большинстве памятников как комплекс появляется уже в готовом, сложившемся виде, и нередко между предхараппскими и собственно хараппскими слоями того или иного поселения наблюдается перерыв. Скорее всего, в данном случае действовал механизм культурной мутации, когда в условиях формирующегося, качественно нового культурного феномена получили утверждение новые модели, нашедшие воплощение в типах артефактов. Разумеется, при выработке новых стереотипов могло иметь место и селекционное заимствование, подобно тому как некоторые исследователи (с моей точки зрения, малоубедительно) предлагают возводить протоиндийскую письменность к протоэламской. Но в целом облик Хараппы как новой великой цивилизации Древнего Востока глубоко своеобразен. Аналогично другим случаям общие социологические и культурологические закономерности, прослеживаемые в первых цивилизациях Старого и Нового Света, отнюдь не заслоняют индивидуального облика каждой конкретной цивилизации. Этот облик во многом был определен и местными культурными традициями, и местным этносом, и социальной психологией местных племен. Изучение общего и особенного в этом процессе — задача историков и археологов.

Л и т е р а т у р а

- Арутюнов С. А. Этнографическая наука и изучение культурной динамики. — В кн.: Исследование по общей этнографии. М., 1979, с. 24—60.
Аскарлов А. Сапаллитепе. Ташкент, 1973. 171 с.
Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977. 230 с.

- Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. 389 с.
- Кирчо Л. Б. Культура ранней бронзы Южной Туркмении: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980. 20 с.
- Кнорозов Ю. В. Классификация протоиндийских надписей. — В кн.: Сообщение об исследовании протоиндийских текстов. М., 1975, с. 4—15.
- Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции. — СЭ, 1981, № 2, с. 78—96.
- Масимов И. С. Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба. — СА, 1979, № 1, с. 111—131.
- (Массон В. М.) *Masson V. M. The first farmers in Turkmenia.* — *Antiquity*, 1961, N 139, p. 203—213.
- Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.: Л., 1964. 467 с.
- (Массон В. М.) *Masson V. M. The urban revolution in South Turkmenia.* — *Antiquity*, 1968, N 167, p. 178—187.
- Массон В. М. Поселение Джейтун: (Пробл. становления производящей экон.). Л., 1971. 208 с. (МИА; № 180).
- (Массон В. М.) *Masson V. M. The art of Altin-Depe.* — In: *To illustrate the monuments.* L., 1975, p. 254—262.
- Массон В. М. Алтын-Депе. Л., 1981. 175 с. (ТЮТАКЭ; Т. 18).
- Массон В. М. Становление цивилизации как социально-экономический и культурный процесс. — МАИКЦА, Информ. бюл., 1982, вып. 2, с. 62—65.
- Медоу Р. Г. Доисторические и протосторические средства существования в Белуджистане и Восточном Иране. — МАИКЦА, Информ. бюл., 1982, вып. 2, с. 56—61.
- Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977. 169 с.
- Atchin B., Atchin R. The rise of civilization in India and Pakistan.* Cambridge etc., 1982. 379 p.
- The Bronze Age civilization of Central Asia.* N. Y., 1981. 397 p.
- Dates G. F. Balakot project.* — In: *South Asian archaeology, 1977.* Naples, 1979, vol. 1, p. 241—274.
- Fairservis W. A. The roots of ancient India.* L.; N. Y., 1971. 482 p.
- Jarrige J.-F., Lechevallier M. Excavations at Mehrgarh, Baluchistan.* — In: *South Asian archaeology, 1977.* Naples, 1979, vol. 1, p. 463—535.
- Khan F. A. Kot Diji culture—its greatness.* — In: *Indus civilization: New perspectives.* Islamabad, 1981, p. 15—24.
- Lal B. B. Seminar on the Indus civilization.* — ME, 1978, vol. 2, p. 120—123.
- Mughal R. M. New evidence of the early Harappan culture.* — *Archaeology*, 1974, vol. 37, N 2, p. 106—113.
- Mughal R. M. Present state of research on the Indus Valley civilization.* — In: *Ancient cities of the Indus.* New Delhi, 1979, p. 90—98.
- Piggott S. Prehistoric India to 1000 B. C.* Harmondsworth, 1952. 293 p.
- Proto-Indica*, 1973 Moscow, 1975. 75 p.
- Redman Ch. L. The rise of civilization.* San Francisco, 1978. 367 p.
- Sharma G. R. et al. Beginnings of agriculture.* Allahabad, 1980. 237 p.
- Thapar B. K. Synthesis of the multiple data as obtained from Kalibangan.* — RIA, 1973, p. 264—271.

АРИЙСКОЕ И НЕАРИЙСКОЕ В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Древнеиндийская цивилизация на протяжении огромного исторического периода предстает перед нами как синтез различных этнокультурных компонентов и традиций, как сложный социокультурный организм. Выявить истоки этих компонентов чрезвычайно сложно, и прежде всего из-за характера сохранившихся источников. Богатейшая санскритская литература начиная с эпохи первых ведийских самхит рисует уже как бы готовую, сформировавшуюся картину (и при этом с явно индоарийской позицией). Отделить в ней арийское и неарийское весьма затруднительно, а чаще всего и невозможно. Вместе с тем эта задача крайне важна для понимания истоков древнеиндийской цивилизации и ее судеб, для решения многих кардинальных проблем историко-культурного развития народов Индии, в том числе вопроса о вкладе различных этнокультурных традиций в общий фонд материальной и духовной культуры страны [Бонгард-Левин, 1979, 1981а, 1981б].

Среди проблем, ждущих своего скорейшего рассмотрения, следует отметить следующие: этническая и лингвистическая атрибуция хараппской цивилизации [Массон, 1977; Бонгард-Левин, Гуров, 1981]; пути и время движения индоариев в Индию и корреляция конкретной послехараппской археологической культуры с создателями ведийских самхит [Бонгард-Левин, Грантовский, 1983; см. также: Lal, 1981]; выявление всего фонда неарийских слоев в санскрите начиная с эпохи «Ригведы» [Kisfel, 1953; Kuiper, 1955]; вычленение арийского (и шире — индоевропейского и индоиранского) и неарийского в социальной (прежде всего в сословно-кастовой структуре) и религиозно-философской сферах [Gonda, 1971; Gopal, 1981]; составление свода свидетельств письменных источников о различных этнокультурных феноменах, проявляемых в самых разных областях материальной и духовной жизни.

Основными группами источников, анализ которых предопределяет и разный подход к рассмотрению указанных вопросов, являются археологические, лингвистические, исторические и палеоантропологические.

За последние годы в Индии, Пакистане, Афганистане и Средней Азии сделаны интереснейшие археологические открытия, прослежена смена культур от до- и раннехараппской до поздней и послехараппской эпох; расширились представления об ареале хараппской и позднехараппской культур; подробнее стали знания о материальной и духовной структуре хараппского населения. Раскопки в Центральной Индии выявили различные варианты позднехараппских культур, развивавшихся здесь без ощутимого влияния пришедших элементов [Бонгард-Левин, 1981б].

Особую важность представляют результаты работ экспедиции под руководством Д. П. Джоши в Восточном Пенджабе, Харьяне,

Джамму и Кашмире; четко прослежена взаимосвязь хараппской культуры с культурами более позднего времени (в том числе с культурой серой расписной керамики; далее — СРК) [Joshi, 1978].

Археологические работы последних десятилетий заставляют отказать от прежних точек зрения, выдвигаемых некоторыми индийскими, английскими и американскими учеными, о непосредственной связи одной из послехараппских культур долины Инда с индоариями. Требуется решительного пересмотра позиция М. Уилера, считавшего ариев виновниками разрушения цветущих хараппских городов и резни местного населения (особое значение имеют работы американского археолога Д. Ф. Дейлса). В результате полученного археологического материала можно прийти к выводу, что ни одну из ныне известных послехараппских культур бассейна Инда и Центральной Индии нельзя непосредственно увязывать с индоариями (по крайней мере вплоть до эпохи «Ригведы» и других ранних самхит).

В настоящее время ученые предлагают различные причины упадка древних центров хараппской культуры (засоление почв, изменение климата, наводнения, тектонические толчки и т. д.); несомненно лишь, что в поздний период заметны явная «варваризация» культуры и ее модификация. Внешний фактор, если и имел значение, не являлся решающим, сказался лишь на конкретных поселениях и не был связан с приходом в эти районы индоарийских племен (речь идет о позднихараппском периоде). Определяющими были причины внутреннего характера [Бонгард-Левин, 1981а].

Новые раскопки в Индии, Афганистане и Пакистане (экспедиции Д. П. Джоши, А.-П. Франкфорта, Ж.-Ф. Жаррижа, А. Х. Дани, ряда итальянских археологов) позволили проследить связь хараппской культуры с культурами более позднего времени: выявлены различные типы послехараппских культур, резко отличных от хараппской по материалному облику и традициям. Предлагаемые отождествления этих послехараппских культур с индоариями не могут быть с надежностью приняты, хотя материалы говорят о смене культур (в самом общем виде совпадают и хронологические рамки, что свидетельствует о миграционном процессе).

Высказанная еще в 50-х гг. Б. Б. Лалом точка зрения о возможности соотнесения культуры СРК с индоариями эпохи «Ригведы», хотя и подвергается критике со стороны многих археологов и историков, заслуживает пристального внимания. Она хорошо согласуется с хронологией «Ригведы» и ранней историей расселения индоариев в Индии [Lal, 1954—1955, 1981].

«Материальное лицо» создателей культуры СРК хорошо увязывается с письменными данными ранневедийской литературы [Tripathi, 1976].

Исследования экспедиции Д. П. Джоши позволили выявить два этапа в истории сложения культуры СРК: первый (до X в. до н. э.), относящийся к периоду, когда индоарии занимали более северные

районы, и второй (X—VI вв. до н. э.), связанный с областями к югу от Пенджаба. Первый этап можно условно сопоставлять с эпохой «Ригведы», второй — с эпохой поздних самхит, брахман и упанишад [Sharma, 1978].

Чрезвычайно существенно, что индийским археологам удалось проследить в Восточном Пенджабе и Харьяне, т. е. в восточной периферии хараппской культуры, прямые контакты хараппских жителей с создателями культуры СРК и влияние первых на последующее развитие пришедших сюда племен [Joshi, Madhu Bala, 1978].

Создатели культуры СРК (первый этап) не были еще знакомы с железом, основной металл у них — медь; они жили в хижинах с тростниковыми крышами; земледелие, хотя и являлось одним из форм хозяйственной деятельности, еще не играло ведущей роли; преимущественное значение имело скотоводство, особая роль отводилась лошади (существовал и культ коня). Керамика первоначально не расписывалась, многие ее образцы изготовлялись вручную; роспись, как показывают раскопки, стала распространяться под влиянием местных традиций. Большие здания и храмовые комплексы, характерные для хараппской культуры, отсутствовали. В целом такой облик присущ культуре и на ее втором этапе, хотя уже произошли заметные инновации. Прежде всего ее создатели перешли к употреблению железа, развивается земледелие (наряду с ячменем и пшеницей стали выращивать рис), наметился прогресс и в строительстве. Однако поселения все еще носят скорее временный характер, процесс урбанизации был впереди.

Серая расписная керамика обнаружена в последние годы и в Синде (Пакистан), но она найдена как подъемный материал [Mughal, 1980]. Планомерные раскопки смогут, очевидно, решить некоторые спорные вопросы, связанные с ареалом и временем распространения культуры СРК в этом районе.

Археологические исследования позволили выявить наряду с хараппской еще одну культуру эпохи бронзы, непосредственно предшествующую культуре СРК. Речь идет об открытии культуры медных кладов и желтой (охристой) керамики [Lal, 1972; Gaug, 1974]. Нижняя граница этой культуры датируется 2000—1600 гг. до н. э. Основным занятием населения было земледелие, хотя заметную роль продолжала играть охота.

Вопрос об этнической принадлежности носителей этой культуры еще очень далек от разрешения и остро дискутируется в научной литературе, но наиболее приемлемой представляется точка зрения об их соотношении с предками народов мунда (протомундами) [Бонгард-Левин, Деоник, 1957].

В целом материалы археологии рисуют сложную картину, говорящую о расселении на территории Индии в III—II тыс. до н. э. различных культур, принадлежавших к иному, чем индоарии, этнокультурному кругу.

Исключительный интерес для рассматриваемой проблемы представляют лингвистические материалы [Emeneau, 1954, 1956;

Southworth, 1974]. Современные дравидологи считают, что создатели хараппской цивилизации говорили на протодравидийском языке. Это мнение было высказано до результатов исследования хараппских надписей (работы советских, финляндских и индийских ученых), которые подтвердили точку зрения о дравидоязычности населения хараппской культуры [Бонгард-Левин, Гуров, 1981; см. также: Андронов, 1964].

С помощью глоттохронологических расчетов дравидологи датируют распад протодравидийской общности IV тыс. до н. э., а появление протодравидов в долине Инда — III тыс. до н. э. [Андронов, 1964, 1971].

Большие перспективы открывает новое направление в дравидологии — дравидийская «лингвистическая археология». Ученые выделили в составе дравидийской лексики группу слов и терминов, связанных с материальной и духовной культурой, и расположили их в хронологической последовательности. Засвидетельствованные во всех дравидийских языках термины удалось соотнести с периодом протодравидийской общности и нарисовать, таким образом, облик культуры протодравидов в IV тыс. до н. э., т. е. накануне их распада и движения к долине Инда. Вместе с тем можно условно вычленить и лексику, отражающую следующий этап в истории протодравидов, и попытаться соотнести восстанавливаемую на основе лингвистического материала картину культуры протодравидов с данными археологии. В настоящее время представляется вполне достоверным считать, что эта лингвистическая картина в целом соответствует картине археологической, хотя реконструируемый лингвистический материал невозможно непосредственно наложить на карту археологических находок и конкретных археологических культур.

Результаты последних работ советских ученых по дешифровке хараппской письменности определенно указывают на дравидийскую основу хараппской цивилизации и позволяют более рельефно представить дравидийский вклад в общий фонд древнеиндийской культуры (и материальной, и духовной).

Влияние дравидийского субстрата на индоариев прослеживается и по материалам древнеиндийских (прежде всего санскритских) сочинений. Начиная уже с «Ригведы» выявляется фонд дравидийских слов в ведийских и послеведийских текстах. Этот фонд намечает характер контактов: прежде всего различные сферы материальной культуры, фауна и флора, а также некоторые термины, связанные с религиозными представлениями. Дравидологи стараются определить и географические зоны этих взаимосвязей. Анализ дравидийского пласта в санскритских источниках позволяет также установить интенсивность дравидийско-индоарийских связей: наиболее тесными контакты предстают на ранней стадии классического периода развития санскритской литературы. Небольшое число дравидийских слов в более поздних памятниках санскритской словесности может свидетельствовать о том, что период

активного заимствования из дравидийских языков в основном был завершен к началу нашей эры, хотя влияние дравидийской культуры на культуру индоариев продолжалось [Biggou, 1947, 1968].

Материалы лингвистики дают возможность представить уровень развития материальной культуры протомундских племен: земледелие было главным занятием, культивировались различные злаки (рис, просо, сорго), бобовые, овощи, фрукты, хотя немалую роль играли скотоводство и охота [Zide, 1973]. Перед учеными стоит задача соотнесения этих лингвистических свидетельств с материалами археологии (культура медных кладов и желтой керамики). Особое значение приобретает вопрос о времени и путях появления риса в Индии (новые открытия индийских археологов в Восточной Индии указывают на знакомство индийцев с рисом еще в неолите) [Ghosh Tuk-Tuk, 1980].

Специального внимания заслуживает вопрос о мундских (протомундских) заимствованиях в памятниках санскритской словесности. Представленный в «Ригведе» протомундский лексический пласт незначителен, хотя и свидетельствует о контактах индоариев с племенами этой этнокультурной общности уже в ранний период. Более весомый мундский вклад относится к концу I тыс. до н. э., что отражает движение индоариев на восток страны. Основной фонд заимствований включает названия местных животных и растений, хозяйственную и бытовую терминологию [Kuiper, 1948].

В целом на основании лингвистических данных можно говорить о значительном влиянии местных субстратов на культуру индоариев начиная уже с эпохи «Ригведы» (вопрос о доригведийских контактах индоариев с протодравидами также затрагивается в научной литературе, но имеющиеся материалы крайне скудны и недостаточно показательны). Перед исследователями стоит задача более четкой этимологизации всего фонда неарийских слов в санскритских сочинениях и их хронологический и статистический анализ.

Влияние доарийских субстратов на индоариев прослеживается в различных сферах: социальной, материальной, духовной, — прежде всего в сложении сословно-кастовой структуры, формировании таких религиозных систем, как индуизм (включение доарийских культов), появлении монументальной культовой архитектуры (храмы, крупные алтари и т. д.).

По данным индоевропеистики, сословное (варновое) деление на три основные группы свободного населения существовало у ряда индоевропейских народов уже в глубокой древности (особенно отчетливо оно зафиксировано у древних иранцев). Таким оно было и у индоариев к моменту прихода в Индию. Создание же четырехварнового деления и системы каст — явление, возникшее уже в Индии, и в оформлении этих нововведений, очевидно, немалую роль сыграли местные неарийские этнокультурные субстраты. Некоторые ученые указывают на целый ряд факторов, повлиявших на общий процесс оформления сословно-кастовой структуры (в част-

ности, на этнические различия пришельцев и местного населения, на воздействие ритуальной практики и особого статуса местных жрецов), но ни одна из предложенных трактовок пока не может считаться вполне убедительной.

Заслуживает более углубленного внимания вопрос о политических контактах первых государственных образований в долине Ганга с доарийскими племенами, о характере и формах их вхождения в государства Нандов, Маурьев, Гуптов.

Собственно исторический материал индийских источников, к сожалению, не подвергался серьезному исследованию для установления неарийских элементов в историко-культурном развитии Древней Индии, хотя неарийские субстраты представлены во многих памятниках и светской, и религиозной литературы. Некоторые статьи о роли неарийских племен в истории Древней Индии, принадлежащие перу индийских ученых, имеются, но число таких работ явно недостаточно — нужны дальнейшие изыскания в этом направлении. Остается неясным вопрос об этнической принадлежности вратьев, киратов, личчхавов, ряда других племенных объединений; заслуживает внимания вопрос о связи некоторых неарийских этнокультурных групп с так называемыми республиками и шире — об их вкладе в политическую систему Древней Индии.

Материалы палеоантропологии крайне немногочисленны, их использование при решении указанных проблем очень затруднено и должно вестись с большой осторожностью [Чебоксаров, 1973].

Приведенные данные и высказанные соображения имеют своей целью не столько дать ответы на спорные и сложные вопросы, связанные с происхождением и ранними этапами развития древнеиндийской цивилизации, сколько привлечь внимание специалистов к необходимости их скорейшего решения.

Л и т е р а т у р а

- (Андронов М.) *Andronov M.* Lexicostatistic analysis of the chronology of disintegration of proto-dravidian. — *Indo-Iranian J.*, 1964, vol. 7, N 2—3, p. 170—186.
- Андронов М. С. Язык брагун. М., 1971. 151 с.
- Бонгард-Левин Г. М. К проблеме генезиса древнеиндийской цивилизации: (Индари и местные субстраты). — ВДИ, 1979, № 3, с. 3—36.
- Бонгард-Левин Г. М. Этнические процессы в Индостане, III—I тыс. до н. э. — В кн.: Этнические проблемы Центральной Азии в древности. М., 1981а, с. 301—310.
- Бонгард-Левин Г. М. Некоторые проблемы этнокультурной истории народов Индостана в III—I тыс. до н. э. — В кн.: Узловые проблемы истории Индии. М., 1981б, с. 9—31.
- Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии: Древ. арии. Мифы и история. М., 1983. 206 с.
- Бонгард-Левин Г. М., Гуров Н. В. Дешифровка протоиндийской письменности: Основ. направления и итоги работ. — ВАН, 1981, № 3, с. 126—138.
- Бонгард-Левин Г. М., Деоник Д. В. К проблеме происхождения народов мунда. — СЭ, 1957, № 1, с. 46—56.
- Васильков Я. В. Мифы Древней Индии. — В кн.: Индия 1980: Ежегодник. М., 1982, с. 281—296.
- Массон В. М. Печати протоиндийского типа из Алтын-Деле: (К пробл. этн. атрибуции культур распис. керамики Ближ. Востока). — ВДИ, 1977, № 4, с. 147—155.

- Первобытная периферия классовых обществ до начала географических открытий.* М., 1978. 301 с.
- Чебоксаров Н. Н.* Новые данные по этнической антропологии Индии. — В кн.: *Очерки экономической и социальной истории Индии.* М., 1973, с. 3—19.
- Aryan and Non-aryan in India / Ed. by M. Madhav et al.* Ann Arbor, 1979. 315 p.
- Burrow T.* Some loanwords in Sanskrit. — In: *Transactions of the Philological society.* L., 1946, p. 1—30.
- Burrow T.* Further dravidian Words in Sanskrit. — *Bull. of the School of Oriental and African Studies,* 1947, vol. 12, p. 365—396.
- Burrow T.* Collected papers of dravidian linguistics. Annamalainagar, 1968. 340 p.
- Dandekar R. N.* Some aspects of the history of Hinduism. Poona, 1967. 142 p.
- Emeneau M. B.* Linguistic prehistory of India. — In: *Proc. Amer. Philol. Soc.,* 1954, vol. 98, p. 282—292.
- Emeneau M. B.* India as a linguistic area. — *Language,* 1956, vol. 32, p. 3—16.
- Gaur R. C.* The Ochre Coloured Pottery: A reassessment of the evidence. — In: *South Asian archaeology,* 1973. Leiden, 1974, p. 53—62.
- Gaur R. C.* The Painted Grey Ware and the aryan problem. — В кн.: *Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности.* М., 1981, с. 326—335.
- Chosh Tuk-Tuk, Chakrabarti D. P.* Preliminary notes on the early history of rice in India. — *ME,* 1980, N 4, p. 56—64.
- Gonda J.* Die indischen Sprachen: (Old Indian). — In: *Handbuch der Orientalistik.* Leiden, 1971, Bd 1, S. 1—230.
- Gopal L.* Non-aryan contribution to Indian culture. — В кн.: *Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности.* М., 1981, с. 350—368.
- Hock H. H.* Substratum influence on (Rig-Vedic) Sanskrit? — *Studies in the Linguistic Studies,* 1975, vol. 5, N 2, p. 76—125.
- Joshi J. P.* Interlocking of late Harappa culture and Painted Grey Ware culture in the light of recent excavations. — *ME,* 1978, N 2, p. 98—101.
- Joshi J. P., Madhu Bala.* Life during the period of overlap of Late Harappa and PGW culture. — *J. Indian Soc. of Oriental Art,* 1978, vol. 9, p. 20—29.
- Kirfel W.* Die Lehnworte des Sanskrit aus den Substrat-Sprachen und ihre Bedeutung für die Entwicklung der indischen Kultur. — *Lexis,* 1953, Bd 3, N 2, S. 267—285.
- Kuiper F. B. J.* Proto-munda words in Sanskrit. Amsterdam, 1948.
- Kuiper F. B. J.* Rigvedic loanwords. — In: *Festschrift für W. Kirfel.* Bonn, 1955, S. 137—185.
- Kuiper F. B. J.* The genesis of a linguistic area. — *Indo-Iranian J.,* 1967, vol. 10, p. 81—102.
- Lal B. B.* Excavations at Hastinapura and other explorations in the upper Ganga and Sutlej basins, 1950—1952. — *AI,* 1954—1955, vol. 10—11, p. 4—151.
- Lal B. B.* The Copper Hoard culture of the Ganga Valley. — *Antiquity,* 1972, vol. 46, p. 282—287.
- Lal B. B.* The indo-aryan hypothesis vis-a-vis Indian archaeology. — В кн.: *Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности.* М., 1981, с. 280—284.
- Levi S.* Préaryan and prédravidien dans l'Inde. — *JA,* 1923, vol. 203, p. 1—57.
- Mayrhofer M.* Arische Landnahme und indische Bevölkerung im Spiegel der alt-indischen Sprache. — *Seaculum,* 1951, N 2, S. 54—64.
- Mughal M. R.* New archaeological evidence from Bahawalpur. — *ME,* 1980, N 4, p. 93—98.
- Sharma R. S.* The late vedic phase and the Painted Grey Ware culture. — In: *History and culture.* Calcutta, 1978, p. 133—141.
- Southworth F. C.* Linguistic stratigraphy of North India. — *Intern. J. Dravidian Linguistics,* 1974, vol. 3, N 2, p. 201—223.
- Tripathi V.* The Painted Grey Ware: An Iron Age culture of Northern India. New Delhi, 1976.
- Zide A. K., Zide N. H.* Semantic reconstruction in proto-munda cultural vocabulary, 1. — *Indian Linguistics,* 1973, vol. 34, p. 1—24.
- Zide A. K., Zide N. H.* Proto-munda cultural vocabulary: Evidence for early agriculture. — In: *Proc. of the First intern. austroasiatic conf.* Honolulu, 1973, p. 1295—1334.

НЕКОТОРЫЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ЭНЕОЛИТОМ ИНАМГАОНА В МАХАРАШТРЕ И АЛТЫН-ДЕПЕ В ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ

В течение 10 лет индийские археологи раскапывали поселение Инамгаон (округ Ахмаднагар), материалы которого находят некоторые параллели в Алтын-Депе на юге Туркмении.

По данным В. М. Массона [1981], Алтын-Депе является, возможно, основным или одним из важнейших очагов культуры Богини-матери и изображений женского божества плодородия, как и культа быка, в Средней Азии, Иране, Афганистане, Пакистане, и Индии.

Поселение Алтын-Депе возникло в V тыс. до н. э., и его жители занимались главным образом ирригационным земледелием и скотоводством. В конце IV тыс. до н. э. Алтын-Депе стало крупным центром. Для культуры данного времени характерны расписная керамика своеобразного стиля и изящные статуэтки [Массон, 1981, табл. IV, XXV, XXVI]. У некоторых из них, даже поврежденных, сохранилась часть от тали до изогнутых ног. Эти статуэтки аналогичны таким же из Шахри-Сохте в Систане. Керамика, особенно миски с резким перегибом тулова и расписанной снаружи верхней частью, напоминает сходную, но не идентичную посуду из Джорве (Махараштра), Невасы, Инамгаона. Культурные традиции продолжают развиваться в середине III тыс. до н. э., когда расписную керамику изготовляли на примитивном гончарном круге и был построен культовый центр. Эти изменения постепенно превращают Алтын-Депе в городское поселение, что приводит к социальному расслоению с выделением кварталов ремесленников и знати. В культовом центре открыты гробница жрецов и культовые предметы, включающие золотые головы волка и быка [там же, табл. XXIII, 1, 2]. Широко были распространены женские статуэтки плоскостного стиля, отличающегося от стиля предшествующего периода [там же, табл. VIII—XII]. Статуэтки близки фигурами из Шахри-Сохте, но многие имеют длинные косы, спускающиеся вдоль лица до выпуклых грудей. На некоторых фигурках, как и в Шахри-Сохте, очень реалистично показаны половые признаки [там же, табл. IX, 4, 6, 7; X, 1, 2]. В целом статуэтки из Алтын-Депе очень разнообразны, хотя совершенно не представлены сидящие фигурки с вытянутыми ногами. Интересна единственная печать с надписью протондийского типа, найденная в квартале знати [там же, табл. XXII, 1a]. Цивилизация Алтын-Депе является частью культурного мира Древнего Востока. Она находилась в тесных контактах с цивилизациями Месопотамии и Древней Индии. В. М. Массон предполагает, что жители Алтын-Депе говорили на языке дравидийской группы. Это, возможно, подтверждается наличием печати с надписью хараппского типа. Ир-

ригационное земледелие Алтын-Депе относится к подтипу, связанному с использованием ограниченных водных ресурсов. Поселение Алтын-Депе постепенно забрасывается жителями в начале II тыс. до н. э. Миграция южнотуркменистанских племен с высокоразвитой культурой привела к расцвету оазисов бронзового века на территории Бактрии.

Рассмотрим теперь итоги раскопок индийского памятника. Инамгаон расположен на правом берегу Гхода, крупного притока Бхимы. Хотя поселение находится на берегу реки, этот район составляет часть полупустынных регионов Индии. В то время, когда он был центром многочисленных энеолитических поселений культуры Джорве—Невасы, наиболее важными из них являлись Неваса и Даймабад на Праваре, притоке Годавари.

Инамгаон — единственное поселение, раскопки которого велись Деканским колледжем для получения по возможности более полного объема информации о жизни людей в данной части Индии примерно 3500 лет тому назад. С этой целью раскопки осуществлялись широкими площадями на уровне одного строительного горизонта, а не только с помощью вертикальных разрезов, как многие другие раскопки в Индии после 1947 г. Кроме того, старались зафиксировать местоположение любой находки. Такой подход дал возможность установить количество посуды в каждом раскопанном доме, что предположительно позволяет определить количество обитателей в нем. Тщательное изучение микролитов привело к выводу о наличии определенной специализации ремесел. Так, например, в одном жилище среди отходов производства было обнаружено более 1000 сегментов. Удалось идентифицировать дома гончара, изготовителя извести, а также, видимо, мастера по изготовлению бус.

Однако для выяснения сходства между Алтын-Депе и Инамгаоном важнейшим является тот факт, что экономика Инамгаона, подобно экономике Алтын-Депе, базировалась на ирригационном земледелии, возможно, уже около 1200 г. до н. э. В это время в толще скалы был пробит канал, куда отводилась вода Гхода скорее всего в зимние и летние месяцы. Это позволило населению выращивать ячмень, пшеницу, различные виды проса, бобовые (горох, чечевица и др.), масличные культуры (сезам), в то время как многие фрукты (юбба, финик, индийская вишня и пр.) произрастали в диком состоянии. Все найденные семена растений были определены палеоботаником М. Д. Каджалем с помощью применения флотационной техники и последующих интенсивных лабораторных исследований.

Раскопки выявили остатки оснований более ста жилищ, относящихся к трем периодам, которые, согласно нескольким радиоуглеродным датам, любезно предоставленным в наше распоряжение Ахмедабадской лабораторией физических исследований, охватывают время с 1600 до 700 г. до н. э. Большинство зданий I периода — круглые, хотя встречаются также квадратные и

прямоугольные. Во II периоде появляются большие прямоугольные дома, принадлежавшие, по-видимому, группам людей, не занимавшихся ремесленным трудом, — элите; они располагались в центре поселения, в то время как дома ремесленников — по его периферии. Некоторые ученые могут усмотреть в этом следы классового расслоения, однако такое расположение жилищ можно объяснить и тем, что, например, гончар и изготовитель извести загрязняют атмосферу удушающим дымом, а мясник — неприятным запахом убитых животных.

Дома, как круглые, так и прямоугольные, имели тщательно обмазанный глиной пол и глинобитные стены на каркасе из круглых деревянных столбов. Крыши обычно были тростниковыми. Точно такие же дома и сейчас можно видеть в деревнях вокруг Инамгаона и во многих поселках Саураштры. Наружная поверхность глиняных стен была защищена от сильных дождей цинковками из бамбука и травы. Внутри хижин имелись один или два открытых очага, каменные плиты для растирания зерна или приправ с плоскими либо круглыми каменными пестами, несколько кубков и сосудов для питья, иногда с длинным уплощенным носиком. Там были и сосуды для хранения масла и т. п. Зерно держали в больших глиняных кувшинах, стоявших на земле, нередко вкопанных в землю. В некоторых, в основном крупных, домах большая бамбуковая корзина была вмазана в круглую глинобитную платформу, и зерно хранили в ней. Такие корзины используются и теперь.

Покойников обычно хоронили в доме: детей — в двойных урнах в сопровождении маленького кубка, а взрослых — в больших урнах или иногда в вытянутом положении в неглубоких ямах в сопровождении горшков и кубков. В нескольких случаях человек был захоронен в большом глиняном сосуде на четырех ножках, стоявшем вертикально. Очевидно, эти сосуды изготавливали на месте. Поскольку два-три таких захоронения были обнаружены в большом доме (в центре холма), возможно, что они содержали погребение глав общины.

Среди различной кухонной утвари до сих пор не было найдено, однако, ни одного плоскодонного или с округлым дном расписного сосуда. Это — одна из характерных черт культуры Джорве—Невасы.

Между полами домов было обнаружено несколько терракотовых статуэток с расставленными руками, грубо оформленной головой и вислыми грудями. В 1970—1971 гг. была найдена небольшая глиняная коробка, содержавшая терракотовую статуэтку женщины без головы. Другая статуэтка, почти идентичная, но с головой, и фигурка быка лежали на футляре коробки. Эта нерядовая находка — бесспорное свидетельство существования своего рода частного святилища. Такие святилища до сих пор распространены по всей Индии. Совершаемые в них культовые церемонии заключаются в следующем. После утреннего омовения божество

(вставленная в рамку картина или медная статуэтка) вынимают из коробки (которая может быть плетеной, деревянной, иногда — серебряной или золотой), сажают на специальное сиденье поверх коробки или рядом с ней. Ему «бьют» поклоны, и затем с определенными церемониями его кладут обратно в коробку. Автор ругается за достоверность сведений, ибо на протяжении 20 лет наблюдал такой обряд повсюду. В свете настоящего сообщения наиболее важным является тот факт, что фигурка богини могла быть помещена и на спину быка. Таким образом, богиня, сидящая на спине быка, может рассматриваться как первый случай появления культа божеств с «ваханой» (ездовое животное под седлом), ставшего очень распространенным в Индии в исторический период и существующего по сей день.

Ни в Туркмении, ни в Месопотамии, ни в Иране, ни в Пакистане, где имеются богатые доказательства существования культов быка и Богини-матери, не найдено таких ясных доказательств связи этих божеств. Следовательно, мы не можем с уверенностью сказать, почитались ли они там совокупно, как в Индии, чему Инамгаон дает самое раннее свидетельство.

Как мы уже говорили, в Алтын-Депе были найдены прекрасная золотая голова быка и очень много женских статуэток. Алтын-Депе можно рассматривать в качестве первичного или одного из первичных очагов культов Богини-матери и быка. Вполне возможно, что в данном случае связь между Алтын-Депе и Инамгаоном случайна. Однако если нанести на карту пункты находок быков и терракотовых женских фигурок, протянувшиеся от Туркмении до Индии, то можно проследить последовательное распространение или миграцию культов из Средней Азии в Индию через Иран.

Л и т е р а т у р а

Массон В. М. Алтын-Депе. Л., 1981. 175 с. (ТЮТАКЭ; Т. 18).

И. Д. Шарма

ПРЕХАРАППСКАЯ КУЛЬТУРА В ИНДИИ

Становление цивилизации Хараппы с ее четким урбанистическим характером стимулировало многих исследователей к определению и перечислению этапов, предшествовавших или наследовавших цивилизации на Индо-Пакистанском субконтиненте и в ближайшем окружении. В. Ферсервис разделил период развития цивилизации и период ее упадка на пять стадий [Fairservis, 1967]. Еще ранее, в 1965 г., Д. Дейлс также предложил пять фаз развития — от А до Е, однако моделью при этом послужила эволю-

ция древних культур в Северной Сирии и Северной Месопотамии. В докладе, прочитанном на симпозиуме, организованном ЮНЕСКО (30 декабря 1978—3 января 1979 г.), Д. Шеффер выделил в материалах, найденных в Индии на индо-пакистанской границе и относящихся к доисторическому периоду, предшествующему культуре серой расписной керамики (далее — СРК), четыре последовательные фазы (Сисвал А—D). Мы же культурные проявления в бассейне р. Сатледж, связанные с цивилизацией долины Инда, делим на шесть фаз [Sharma, 1982].

Данная работа не претендует на установление взаимосвязей культурных фаз, предложенных разными учеными. Однако мы считаем, что выделение Д. Шеффером различных фаз культур, связанных с древнеиндийской цивилизацией, в Харьяне и Пенджабе на основании закладки шурфа (2 × 2 м) на маленьком поселении с культурным слоем толщиной 1.25 м является наивным. Культура характеризуется значительно большим числом факторов, нежели одни лишь особенности керамики, хотя керамика играет очень важную роль в идентификации культуры. В Сисвале не найдено ни архитектурных остатков, ни следов каких-либо производств, — ничего, кроме керамики. Более того, так называемые Сисвал С и D в собственно Сисвале не представлены.

В Северной Индии имеется пять основных доведийских археологических фаз: Хакра (описываемая ниже), пре-Хараппа, собственно Хараппа, поздняя Хараппа (Бара) и культура СРК. Мы предлагаем называть их фазами I—V. Комплексы, сочетающие различные хронологические фазы культуры, можно выделять, добавляя букву латинского алфавита. Например, если встречается частичное наложение или соединение прехараппских и собственно хараппских элементов, характеризуемая ими фаза может быть обозначена IA. Мы не собираемся, однако, давать здесь детальное описание различных культурных комплексов, которое явилось бы следствием подобных комбинаций.

С 1974 по 1977 г. Р. Мугал из Департамента археологии Пакистана изучал территорию бывшего княжества Бахавалпур. Эта пустынная местность известна как Чолистан (или Рохи). Мугал сосредоточил исследования вдоль сухого русла р. Гхаггар (Хакра) и выделил пять культурных комплексов, относящихся к доведийскому периоду [Mughal, 1981]. Среди обнаруженных им местонахождений 32 представляли собой низкие глиняные холмы на песчаных дюнах. По характерной керамике и другим сопутствующим находкам эти поселения получили название «местонахождения керамики Хакра».

Комплекс керамики Хакра включает в себя лепные сосуды с орнаментом из многочисленных, прочерченных по наружной поверхности горизонтальных, вертикальных, волнистых и косых линий. Другой вид керамики — сосуды, ниже шейки либо по всей поверхности тулова покрытые глиной, смешанной с мельчайшими кусочками керамики. Р. Мугал назвал этот вид «керамика Хакра».

с глиняным покрытием», хотя К. Далал [Dalal, 1980, 1981] описывает ее как «дендритовую» керамику. Плечики горшка часто полностью окрашены в черный цвет, хотя иногда окраска идет по шейке или чуть ниже нее. Маленькие горшки с шероховатой поверхностью имеют короткую шейку и отогнутый венчик. В комплексе встречается также небольшое количество гончарной светлоглиняной керамики с черной росписью. Сосуды с шероховатой поверхностью представлены и в комплексе Джалилпур-I. Покрытие глиной наблюдается на характерных горшках с раздутым туловом в Кот-Диджи и Анджире. Фигурки животных с невыделенными ногами, терракотовые и раковинные браслеты, прямоугольные или треугольные в сечении, ножевидные пластины, микропластины, сверла, листовидные наконечники стрел, скребки и нуклеусы из камня — вот продукция других производств. Типологически каменный инвентарь сходен с материалами памятников Джалилпур-I и II [Mughal, 1972], Сарай-Кхола-I [Halim, 1970—1971, 1972], Гумла-I [Dani, 1970—1971] и Рехман-Дхери-I [Duggani, 1981]. Это, видимо, означает, что культура Хакра относится к неолитическому пласту.

До сих пор пока еще не раскапывали ни одного поселения с керамикой Хакра, и поэтому приходится быть осторожными в оценке культурной принадлежности приведенных Р. Мугалом данных. О наличии меди или бронзы в комплексе ничего не сообщается.

Интересен вопрос, насколько культура Хакра распространена в индийском приграничном районе. Комплекс культуры Хакра в целом пока неизвестен на индийской стороне. Обусловлено это, возможно, недостаточными полевыми исследованиями. Калибанган в Раджастхане [Lal, 1979], расположенный в сухом русле Гхаггара и, следовательно, находящийся в той же геоморфологической зоне, что и поселения Чолистана, обнаруживает некоторые традиции культуры керамики Хакра. Ножевидные пластины из халцедона и агата, покрытые глиной нижние части сосудов типа В и светлая поверхность сосудов типа Е дают продолжение традиций керамики культуры Хакра, хотя Калибанган относится к энеолиту.

Некоторые особенности, характерные для керамики Хакра, представлены и на других поселениях Раджастхана. К. Далал приводит образцы кувшинов с раздутым туловом из Бинджора-3, Рехман-Дхери-89 (сосуды последнего окрашены выше плечиков в черный цвет [Dalal, 1980, fig. 7, 8; 1981, fig. 2]) и покрытые глиной шероховатые черепки из Согхи [Dalal, 1980, pl. IV], которые, однако, имеют углубленный орнамент на внутренней поверхности. Далал считает, что керамика из Рехман-Дхери-89 аналогична керамике Хакра из Бахавалпура и сравнима с керамикой Джалилпура-I [Dalal, 1981, p. 77]. Из иллюстраций, однако, ясно, что большая часть собранных фрагментов близко напоминает керамику Калибангана.

Наличие прочерченных мотивов на части гончарной керамики из Банавали-1 (Харьяна) указывает на переживание традиций керамики Хакра. По словам Р. Бишта, «некоторые сосуды имеют прочерченный орнамент, состоящий из многочисленных мелких волнистых или вертикальных линий, глубоко прорезанных мотивов типа „сигма“ или образующих перекрещивающийся узор (сетку) на наружной поверхности, в добавление к керамике с углубленным орнаментом типа D» [Bisht, 1982].

Культура поздней Хараппы в Чолистане обычно связывается с могильником Н. В Индии нет доказательств существования комплекса, аналогичного таковому из могильника Н. Небольшое количество сосудов, подобных обнаруженным в могильнике Н, известно из Митатхала и других поселений. Поздняя фаза Хараппы в Харьяне и Пенджабе представлена культурой Бара [Sharma, 1982], которая, видимо, вырастает из прехараппской культуры, а не из собственно хараппской.

Мы не будем останавливаться здесь на вопросе, нужно ли древности, лежащие ниже хараппских слоев в Кот-Диджи, Амри, Балакоте [Dales, 1979], Калибангане и некоторых других поселениях, называть раннехараппскими [Mughal, 1971, 1977—1978] или прехараппскими. Исследования в Чолистане и раскопки повсюду в Пакистане показывают наличие фазы, которая предшествует прехараппской культуре. Для территории Чолистана эта фаза может быть названа культурой керамики Хакра. В Мергархе и Северном Белуджистане целая колонка культур лежит ниже прехараппской фазы культуры Кот-Диджи [Jaggige, 1982]. Начало поселения в Мергархе, однако, относится к докерамической неолитической эпохе, приблизительно к VII тыс. до н. э., а в самых верхних слоях появляется керамика, близкая культуре Кот-Диджи. Аналогично материалы поселения Рехман-Дхери имели три периода и дали этап, предшествующий культуре Кот-Диджи. Исследователь поселения Ф. Дуррани пишет: «Самый нижний слой (RHDI) дал керамический комплекс, который, видимо, будет предшествовать прото-Кот-Диджи» [Durrani, 1981, p. 135]. К. Дикшит предлагал называть эту фазу прапрехараппской [Dikshit, 1980, p. 41].

Калибанган полностью охватывает дохараппскую культуру, имеющуюся на территории Индии [Lal, 1979]. Кот-Диджи и Калибанган часто объединяют, чтобы показать культуру, предшествовавшую собственно хараппской. Однако в некоторых отношениях они сильно различаются. К. Дикшит, видимо, прав, считая, что Калибанган-1 был частично одновременен собственно хараппской фазе в нижнем течении Инда [Dikshit, 1980, p. 42]. Иными словами в Кот-Диджи и Амри прослеживается постепенное превращение прехараппской культуры в зрелую хараппскую, а Калибанган и другие раскопанные в пределах Индии поселения не обнаруживают следов такого процесса. Здесь мы встречаемся с полностью развитой прехараппской культурой, как и со зрелой хараппской.

Общая толщина дохарапского слоя в Кот-Диджи 5.15 м. В отличие от Кот-Диджи прехарапские слои в Калибангане составляют 1.6 м, в Сисвале — 1.25 м, в Митатхале — 0.75 м, в Банавали — 3 м, в Ропаре — 0.6 м. Толщина прехарапских напластований в Рохире и Махоране в Пенджабе также не превышает 1 м (на этих поселениях еще ведутся раскопки).

Балу в округе Джинд, раскопки которого производила в 1978—1979 гг. экспедиция университета Курукшетры, очень отличается от остальных прехарапских памятников. Здесь во всем четырехметровом культурном слое заметны прехарапские следы. Нижний слой — Балу-IA (1 м) — содержит неперемешанный прехарапский материал. На данном этапе появляются некоторые собственно харапские сосуды и другие предметы. Следующий этап (от 1 до 3 м выше материка) назван Балу-IB. В верхнем слое — Балу-IC (1 м) — найдено несколько сосудов, характерных для культуры Бара. Мы не знаем, как автор раскопок интерпретирует эти сведения. Как нам кажется, собственно Харappa и поселения типа Бара имели лишь случайные контакты с прехарапским населением в Балу, которое, видимо, проживало здесь в течение 500 лет. Ясно также, что прехарапская культура преобладала в одних регионах гораздо дольше, чем в других.

В Банавали контакты харапцев и носителей культуры Бара были более интенсивными. К. Дикшит предполагал, что «фортификационные сооружения простого прямоугольного типа должны скорее происходить из собственно харапских, чем из каких-либо прехарапских поселений типа Кот-Диджи или связанных с Амри или Кхотрас-Бутхи, хронологически более раннего» [Dikshit, 1980, p. 42]. Действительно, вся планировка укрепленного города, а не только прямоугольные очертания заимствована прехарапцами Индии у современников-харапцев. Так, Р. Бишт пишет о харапской оборонительной стене в Банавали, что ее можно считать прехарапской, навеянной оборонительной архитектурой собственно Харappa [Bisht, 1982].

Медные предметы довольно редки на исследованных прехарапских поселениях Индии. В Ропаре прехарапцы, видимо, использовали орудия и сосуды из меди, изготовленные харапцами [Sharma, 1982]. Кроме Калибангана, в других прехарапских поселениях каменные орудия очень редки. Отдельные микропластины из халцедона известны из Банавали. Бусы из золота, стеатита и фаянса также имеют харапское происхождение. Каменная гиря массой 87 кг 855 г не совсем вписывается в бинарную харапскую систему, но приближается к числу, представляющему собой стократное увеличение предполагаемой меры веса цивилизаций долины Инда — 857 г. Более того, Р. Бишт подзревает, что появление керамики долины Инда в прехарапских слоях имело маргинальный характер, указывая тем самым на период энергичного культурного взаимодействия [Bisht, 1982].

Обычно роль прехарапской культуры принижается; все видят ее значение лишь в том, что из нее предстояло развиться зрелой Харappe. В действительности, однако, прехарапцы обладали своим собственным, особым статусом. Они занимали в Индии обширную территорию от грани Раджастана до р. Сатледж и далее почти до Сиваликских гор, причем в некоторых районах их керамика, по-видимому, просуществовала дольше, чем харапская.

В Чолистане Р. Мугал насчитывает 32 прехарапских поселения [Mughal, 1981]. Более 12 таких известно в Раджастане и столько же — в Харьяне вдоль Сарасвати и Дришадвати, включая крупный нераскопанный холм Ракхигархи [Suraj Bhan, 1975]. В Пенджабе несколько поселений отмечено в округе Бхатинда [Madhu Bala, 1981]. В округе Сангур поселение Бхудан было успешно изучено Сурай Бханом в 1975—1976 гг. [Suraj Bhan, Shaffer, 1978], а два других — Махорана и Рохира — исследуются в настоящее время. Я считаю, что некоторые поселения в Сангуре, учтенные как позднехарапские, имеют прехарапские слои. Другими прехарапскими поселениями в Пенджабе являются Сарангур [Suraj Bhan, 1967] и Раджа-Сиркай [Sharma, 1982]. Домели в округе Капуртхала к северу от Сатледжа и близкое к Сивалику, возможно, содержит неолитические слои и ждет будущих исследователей. Очевидно, прехарапцы двигались на север и северо-восток из Раджастана вдоль Гхаггара—Сарасвати и других водотоков, ныне пересохших, достигая в итоге подножия Сивалика.

То, что прехарапцы не были полностью вытеснены собственно харапцами, видно по материалам Балу. На последнем этапе, продвигаясь, очевидно, по одной из рек, протекавших к югу от Дришадвати, они достигли р. Сахиби к северо-западу от Дели. На этой территории прехарапцы, вероятно, были полностью оторваны от собственно Харappy, что, возможно, объясняет наличие на поселении Дханса керамики, которая описана Сурай Бханом и Д. Шеффером как керамика типа позднего Сисвала [Suraj Bhan, Shaffer, 1978, p. 67]. Дальнейшие исследования вдоль Сахиби дали образцы керамики, связанной с Харappой [Mangabandhu, Sharma, 1981].

Наши представления о прехарапцах остаются весьма приблизительными. Необходимы раскопки на широкой площади одного или нескольких сельских поселений.

Литература

- Bisht R. S. Excavations at Banawali, 1974—1977. — In: The Harappan civilization: A contemporary perspective. New Delhi, 1982, p. 10—19.
Datal K. F. A short history of archaeological explorations in Bikaner and Bahawalpur along the „lost“ Sarasvati river. — Indica, 1980, vol. 17, N 1, p. 3—40.
Datal K. F. RD-89: A new Hakra ware site. — ME, 1981, vol. 5, p. 77—86.
Dales G. F. A suggested chronology for Afghanistan, Baluchistan and Indus val-

ley. — In: *Chronologies in Old World archaeology*. Chicago, 1965, p. 257—284.

- Dales G. F.* The Balakot project: Summary of four years of excavations in Pakistan. — *ME*, 1979, vol. 3, p. 45—54.
- Dani A. H.* Excavations in the Gomal Valley. — *AP*, 1970—1971, vol. 5, p. 2—30.
- Dikshii K. N.* A critical review of the Pre-Harappan cultures. — *ME*, 1980, vol. 4, p. 32—43.
- Durrani F. A.* Indus civilization: Evidence West of Indus. — In: *Indus civilization: New perspectives*. Islamabad, 1981, p. 133—137.
- Fairserius W. A.* The origin, character and decline of an early civilization. — *Novitates*, Amer. Museum of Natural Hist., 1967, N 2302, p. 1—48.
- Halim M. A.* Excavations at Sarai Khola, pt 1. — *PA*, 1970—1971, N 7.
- Halim M. A.* Excavations at Sarai Khola, pt 2. — *PA*, 1972, N 8.
- Jarrige J. F.* Excavations at Mehrgarh (Baluchistan): Their significance for understanding the background of the Harappan civilization. — In: *The Harappan civilization: A contemporary perspective*. New Delhi, 1982, p. 20—45.
- Lal B. B.* Kalibangan and Indus civilization. — In: *Essays in Indian protohistory*. New Delhi, 1979, p. 65—97.
- Madhu Bala.* Recently-explored sites in Punjab. — *ME*, 1981, vol. 5, p. 67—69.
- Margabandhu C., Sharma R. P.* Exploration along the Sahibi river. — *Puratattva*, New Delhi, 1981, N 10, p. 14—19.
- Mughal R. M.* The early Harappan period in the greater Indus Valley and Northern Baluchistan: Xerox. Ann Arbor, Michigan, 1971. 15 p. (Univ. Microfilms).
- Mughal R. M.* A summary of explorations and excavations in Pakistan. — *PA*, 1972, N 8.
- Mughal R. M.* The early Harappan cultural phase: A reply. — *Puratattva*, New Delhi, 1977—1978, N 9, p. 84—88.
- Mughal R. M.* New archaeological evidence from Bahawalpur. — In: *Indus civilization: New perspectives*. Islamabad, 1981, p. 33—42.
- Shaffer J. C.* The protohistoric period in the Eastern Punjab: A preliminary assessment. — In: *Indus civilization: New perspectives*. Islamabad, 1981, p. 65—102.
- Sharma Y. D.* The Harappan complex on the Sutlej (India). — In: *The Harappan civilization: A contemporary perspective*. New Delhi, 1982, p. 40—51.
- Sharma Y. D., Sharma G. B., Nijjar B. S.* A new Pre-Harappan site in Punjab, with a likely neolithic stratum. — In: *Archaeological congress, 1980*. Bhopal, 1982, p. 4—25.
- Suraj Bhan.* New light on the Ochre Coloured Ware culture. — *Research Bull. (Arts)*, Panjab Univ., Chandigarh, 1967, N 52 (3), p. 1—9.
- Suraj Bhan.* Excavation at Mitathal (1968) and other explorations in the Sutlej-Yamuna divide. Kurukshetra, 1975. 45 p.
- Suraj Bhan, Shaffer J. C.* New discoveries in Northern Haryana. — *ME*, 1978, vol. 2, p. 59—69.

А. А. Аскарлов

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ РАНЕГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЮГЕ УЗБЕКИСТАНА И ЕЕ СВЯЗИ С ИНДОСТАНОМ

Широкие археологические исследования последних лет позволяют изучать становление раннегородской культуры на юге Узбекистана и соседней с ним территории Северного Афганистана не с ахеменидского времени, как это делалось раньше, а с эпохи поздней бронзы. Открытие и исследование здесь ряда памятников

эпохи бронзы типа Сапалли [Аскарлов, 1977] и Дашли [Сарианиди, 1977] довольно четко показало, что в Бактрии существовала целая система достаточно высокоразвитых и взаимосвязанных культур протогородской цивилизации древневосточного типа, что во II тыс. до н. э. в зоне между Шумером и долиной Инда шел интенсивный процесс формирования местных цивилизаций второго порядка [Массон, 1970].

Известно, что для цивилизаций древневосточного типа первого порядка особенно показательны монументальная архитектура, высокоразвитое ремесленное производство, наличие клинописной или пиктографической письменности и крупных общественно-культурных центров. На территории указанной зоны, в частности на юге Узбекистана и в Северном Афганистане, отмечены пока не все признаки, что свидетельствует скорее всего о начальном периоде в развитии местных цивилизаций.

Наши исследования показали, что Южный Узбекистан и сопредельные районы Северного Афганистана в эпоху бронзы представляли собой один из локальных очагов древневосточной цивилизации. На этой площади позднее, где-то во второй четверти I тыс. до н. э., было образовано древнейшее бактрийское царство. Исследованиями прежних лет было установлено, что северная часть этого раннегосударственного образования занимала южные территории Узбекской ССР и юго-западные — Таджикистана [Дьяконов, 1954; Массон, 1959; Гафуров, 1972]. Благодаря накоплению нового археологического материала истоки социально-экономических процессов, приведших к его слоению, можно отнести к эпохе бронзы. Указанные явления досконально изучены на примере памятников Сапалли-Тепе и Джаркутан на юге Узбекистана, Дашли-1,3 в Северном Афганистане.

Наши исследования памятников эпохи бронзы позволили проследить несколько этапов протогородской культуры, именуемой сапаллинской. Поселение Сапалли-Тепе имеет площадь около 4 га, в центре его находилась квадратная в плане крепость [Аскарлов, 1977]. Система оборонительных сооружений была создана так, что снаружи вдоль каждой из четырех обводных стен размещалось по два длинных коридорообразных обводных помещения со входами со стороны крепости. Свободное пространство между обводными помещениями и стенами было разделено поперечными перегородками, в результате чего образовались проходные комнаты со входами из крепости, а между ними — восемь внутренних коридоров, в которые попадали с наружной стороны крепости. Они условно названы нами Т-образными коридорами. Четыре из них угловые, а остальные располагались по одному на каждой из четырех сторон. Семь из них выполняли роль ложных входов в крепость, а южный, центральный, служил подлинным входом. Все это составляло как бы единую систему фортификации.

Центральная часть укрепления была незастроенной, а все жилые постройки располагались вдоль стен и группировались

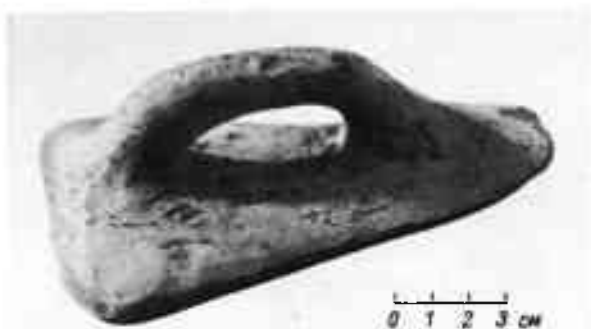

Рис. 1. Поселение Джаркутан. Малка — штукатурный инструмент.

в восемь кварталов. Дома разделялись узкими улицами, ведущими к обводным помещениям.

В фортификационной планировке поселения гармонически сочетаются обводные помещения с Т-образными коридорами — ложными входами-ловушками. Их расположение строго продумано, и они первоначально выполняли чисто фортификационную роль. В целом такая система укреплений обеспечивала хорошую обороноспособность поселения.

О высоком уровне домостроительства свидетельствует не только отделка интерьеров жилых помещений (сохранившиеся остатки стен с хорошей гладкой штукатуркой), но и находки самих инструментов. Например, при раскопке поселения Джаркутан был найден мастерок из хорошо обожженной глины с затертой рабочей поверхностью и ручкой. Это первый наиболее ранний образец инструмента строителя-штукатура (рис. 1).

Сапаллинская культура хронологически разделена на четыре последовательных этапа: сапаллинский, джаркутанский, кузалинский и молалинский. Два наиболее ранних этапа с явными чертами протогородской культуры по уровню во многом близки и характеризуют стадию формирующейся цивилизации. Весьма важны результаты исследований на Джаркутане (рис. 2). Они показали, что перед нами большое (более 100 га) рассредоточенное поселение с цитаделью и отдельно расположенным значительным грунтовым могильником (рис. 3). Примыкающие к крепости жилые массивы включали несколько крупных домов с единым культовым центром. Раскопками одного из жилых комплексов выявлено, что древние земледельцы Джаркутана возводили свои многокомнатные дома на высоких (от 1 до 2 м) кирпичных платформах. Открыт и придомный культовый центр с алтарем, находящийся рядом с большой комнатой и двором. В последнем был обнаружен общест-

Рис. 2. Поселение Джаркутан. Остатки каменной вымостки.

венный колодец того же времени. Под полом вышеназванной комнаты около центрального очага вскрыто богатое захоронение мужчины зрелого возраста (рис. 4) с погребальным инвентарем, состоящим примерно из 50 предметов (керамика, изделия из камня и бронзы, в том числе жезл — символ власти). Это свидетельствует о социальной дифференциации общества Джаркутана. В данном плане особенно примечательно открытие целой системы фортификационных элементов стен и платформы на поселении Джаркутан. Возведение платформ ранее связывалось с появлением цитаделей на памятниках эпохи раннего железа и считалось важным социальным явлением раннеклассового общества.

При раскопках поселений Сапалли-Тепе и Джаркутан получено много материалов, свидетельствующих о высоком уровне земледелия. Видимо, уже на сапаллинском этапе существовало пахотное и многоразовое поливное земледелие. На это указывает находка на поселении Джаркутан каменного наконечника сохи с втулкой для крепления на деревянной основе. Исследование под бинокулярным микроскопом показало, что на рабочем лезвии его имеются строго параллельные линейные следы изнашивания, сопровождающиеся блеском. Стертая поверхность местами заходит на 5 см от рабочего лезвия. Следы работы в основном расположены на выпуклой плоскости изделия. Судя по форме и характеру следов износа, этот наконечник использовался в одноручных пахотных орудиях.

Полученный при раскопках памятников Южного Узбекистана археологический материал позволил характеризовать в общих

Рис. 3. Поселение Джаркутан. Могилы.

Рис. 4. Поселение Джаркутан. Могила родового вождя.

чертах целый ряд ремесел носителей культуры Сапалли, таких как производство орудий труда и оружия, предметов украшения, керамики и др. Среди них особое значение приобретает керамическое производство, характеризующее профессиональную специализацией. На сапаллинском этапе изготовление керамики было децентрализовано и как бы находилось в рамках домашнего производства. Однако ее ассортимент, мастерство изготовления, многообразие форм, совершенный технологический процесс свидетельствуют о высоком уровне гончарного дела, о профессионализме и специализации.

Первоначально каждая большая патриархальная семья (данные исследования позволяют общину сапаллинцев считать патриархальной) имела отдельный участок, где изготавливалась глиняная посуда и размещались печи для ее обжига. Эти производственные площадки на поселении Сапалли-Тепе находились в пределах каждого квартала. Ремесленники данного поселка, учитывая ограниченные рамки производства, строили небольшие печи, обжигательные камеры которых имели полезную площадь не более 1 м², иногда даже меньше. Видимо, именно этим обуславливается простая конструкция печей Сапалли-Тепе. Они представлены однокамерными подземными (для обжига крупных сосудов), двухкамерными с каменной облицовкой пода обжигательной камеры (для обжига мелких сосудов) и двухъярусными горнами.

На джаркутанском этапе картина меняется. Во время обследования левого берега русла Бустаная (древней приток Шерабадарьи) в районе Джаркутана нами открыто поселение Бустан-3. Рядом с ним на одной из естественных береговых возвышенностей было исследовано шесть керамических печей двухъярусной конструкции, круглых в плане, с полезной площадью обжигательной камеры не менее 4—6 м² [Рахманов, 1979]. Эти обжигательные горны по своей конструкции отличны от двухъярусных миниатюрных печей Сапалли-Тепе. Здесь во всех печах уцелели топки с жаропроходящими в верхнюю камеру каналами, а в трех — прекрасно сохранились поды со значительной высотой стен обжигательных камер. Скорее всего, все шесть печей работали неодновременно; видимо, соблюдалась какая-то очередность с учетом направления ветра, ибо устья печей направлены в разные стороны.

Согласно материалу, обнаруженному в отвалах производственного брака, все печи хронологически одновременны и относятся к джаркутанскому этапу. Сосредоточение большого числа печей в одном месте, за пределами поселения, указывает на специализацию гончарного производства и на приобретение его продукцией товарного характера. При раскопках Сапалли-Тепе и Джаркутана исследованы участки с остатками на дне расплавленного металла. Многочисленны и находки бронзовых орудий труда, украшений и предметов женского туалета (рис. 5). В комплексах культуры Сапалли, особенно в материалах равных ее этапам, имеется

Рис. 5. Бронзовые изделия.

1 — шпильки из Джаркутана; 2 — бронзовая печать с изображением беркута из Сапалли-Тепе.

большое количество бус из полудрагоценных камней (агата, лазурита, сердолика, бирюзы), отличающихся высоким техническим исполнением.

На могильнике Джаркутана в одном случае было обнаружено захоронение, сопровождаемое тиглями, а в другом — даже захоронение ювелира. В погребальной камере последнего около лицевой части мужского скелета зрелого возраста лежали лазуритовые заготовки и инструменты для сверления и шлифовки. Отдельные куски полудрагоценных камней — частая находка на поселениях Джаркутан и Сапалли-Тепе.

Изложенные данные свидетельствуют о том, что на ранних этапах сапаллинской культуры наблюдается высокая специализация некоторых видов ремесленного производства, что является важным фактором в процессе становления раннегородской цивилизации. Этот процесс особенно ярко представлен в материалах кузалинского и молалинского этапов культуры Сапалли [Абдулаев, 1980].

Раскопки строений на поселении Джаркутан находятся еще на начальной стадии. Но зато на юге Узбекистана исследовано более 400 захоронений кузалинского и молалинского этапов: более 160 могил относятся к кузалинскому этапу, остальные — к молалинскому.

Изучение бронзовых изделий этого времени показывает, что по сравнению с предыдущими этапами значительных изменений не произошло, лишь в захоронениях поздних периодов культуры Сапалли металлические изделия заменены в основном вотивными. Сохраняются традиции и в области ювелирного дела.

Не может быть сомнений в генетической преемственности между ранними и поздними этапами культуры Сапалли. Наряду с этим керамические комплексы поздних этапов характеризуются рядом специфических особенностей. Так, во-первых, несколько сокращается количество основных типов керамики, характерных для предыдущих этапов; во-вторых, исчезают из употребления сосуды конической формы, кубки на высоких ножках, чаши со сливами, вазообразные миски на поддоне, чайники; в-третьих, появляются совершенно новые варианты ваз, горшков и кувшинов, распространяются отсутствовавшие ранее биконические горшки, цилиндрические сосуды, миски разного профиля; в-четвертых, на сосуды наносится густой белый ангоб с красноватым оттенком и темно-красный, иногда с полосчатым лощением.

Совокупность указанных признаков позволяет говорить о появлении нового керамического комплекса.

К следующему за культурой Сапалли периоду относятся на юге Узбекистана поселения Кучук-Тепе [Аскарлов, Альбаум, 1979] и Бандыхан-2 [Сагдуллаев, 1978] с мощными платформами и стенами. В Северном Афганистане эпохально близки поселения Алтын-Диляп с высокой цитаделью и оборонительной линией с выносными башнями, Алтын-Тепе-1 с цитаделью, Алтын-Тепе-10 с летним и зимним дворцами [Сарианиди, 1977]. Эти памятники являются важным свидетельством интенсификации процесса становления раннегородской культуры и соответственно раннеклассовых отношений на территории Бактрии. Исследованиями доказано, что истоки сложения сапаллинской культуры восходят к намазгинской культуре подгорной полосы Копетдага. Линия генетических связей сапаллинской культуры с культурами юго-запада Средней Азии отчетливо прослеживается на материалах Сапалли-Тепе и раннего Джаркутана.

Рассмотрение позднесапаллинской керамики особенно кузалинского этапа показывает появление черт, не связанных генетически с более ранними комплексами Бактрии. Нам кажется, что на сложении комплекса Кузали сказалось воздействие со стороны высокоразвитых раннегородских цивилизаций сопредельных регионов, в первую очередь Индостана.

Установить степень влияния этих цивилизаций позволяет анализ форм керамики. Так, в керамическом комплексе кузалинского

Рис. 6. Могильник Джаркутан. Ваза кузалинского этапа.

этапа господствуют разнопрофильные, строго стандартизированные вазы на высоких баясинообразных ножках с мелкими мискообразными резервуарами коническо-округлого профиля (рис. 6). Аналогии им имеются в комплексах Центральной и Северо-Западной Индии. В керамике харап্পской культуры много таких ваз, есть там и кувшины с широким высоким горлом, горшки и миски на поддоне, вытянутые кувшинообразные горшки на поддоне — почти точные прототипы форм кузалинских сосудов. Большие аналогии кузалинскому комплексу отмечены в керамике культуры Джжукар и в могильнике *H* Хараппы [Маскау, 1943, р. LX, 14, 28; LXI, 15, 16, 20, 24, 25, 42].

Индийские археологи установили, что часть населения харап্পской культуры после ее упадка продвинулась на юг и освоила Катхиаварский полуостров [Sankalia, 1962, р. 50]. Это произошло в середине II тыс. до н. э., что совпадает с концом городской цивилизации долины Инда [Маскау, 1948, р. 10; Струве, 1951, с. 12—14; Piggot, 1952, р. 214—242; Деоник, Мерперт, 1957, с. 211; Щетенко, 1964, с. 32]. Не исключена возможность, что еще какая-то группа носителей харап্পской культуры направилась по верхнему течению р. Инда и оттуда добралась до плодородных оазисов Бактрии. Это подтверждается совершенно новыми данными, полученными

А.-П. Франкфортом на памятнике Шортугай, расположенном в низовьях Кокчадарьи в Северном Афганистане [Francfort, 1979].

О сложном характере происходивших процессов также говорят и данные антропологии [Ходжайов, 1977]. Черепа Джаркутана прежде всего имеют сходство с черепами Сапалли-Тепе. Исключительное сходство наблюдается и между черепами из погребений джаркутанского и молалинского этапов. Однако кузалинские черепа (измерение проведено только по мужским черепам) хотя и образуют с черепами всех этапов культуры Сапалли единый восточно-средиземноморский тип, но вместе с тем значительно отличаются от черепов джаркутанского и молалинского этапов. Так, например, лицевая и лобная части черепов кузалинского периода более широкие и более высокие. Наружный рельеф черепных коробок по сравнению с таковым джаркутанских и молалинских более развит. Чувствуется, что у мужчин кузалинского этапа было более крупное телосложение. Черепа джаркутанского и молалинского этапов грацильнее, с узким средневысоким лицом и с низким сводом черепной коробки, что было характерно и для черепов Сапалли-Тепе.

Таким образом, приведенные факты в какой-то мере свидетельствуют о тесных связях и контактах носителей культуры Сапалли и цивилизации долины Инда. Возможно, следует говорить и о этнокультурных связях между населением этих областей, и об участии индийского компонента в сложении комплекса кузалинского этапа.

Л и т е р а т у р а

- Абдуллаев Б. Н. Культура древнеземледельческих племен эпохи поздней бронзы Северной Бактрии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1980. 22 с.
- Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977. 232 с.
- Аскарлов А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979. 112 с.
- Гафуров Б. Г. Таджики. М., 1972. 664 с.
- Деоник Д. В., Мерперт Н. Я. К вопросу о конце цивилизации Хараппы. — СА, 1957, № 4, с. 198—211.
- Дьяконов М. М. Сложение классового общества в Северной Бактрии. — СА, 1954, т. 19, с. 121—140.
- Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л., 1959. 216 с. (МИА; № 73).
- Массон В. М. Зона раннегородских цивилизаций между Шумером и Индией. — В кн.: Тез. докл. на засед., посвящ. итогам археол. исслед. 1969 г. М., 1970, с. 63—67.
- Рахманов У. Раскопки керамических горнов Сапалли на Бустан-4. — ИМКУ, 1979, вып. 15, с. 35—43.
- Сагдуллаев А. С. Культура Северной Бактрии в эпоху поздней бронзы и раннего железа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1978. 17 с.
- Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977. [71 с.
- Струве В. В. Предисловие. — В кн.: Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951, с. 5—26.

Ходжайов Т. К. Антропологический состав населения эпохи бронзы Саваллитепе. Ташкент, 1977. 111 с.

Щетинко А. Я. К проблеме происхождения энеолита Центральной Индии. — В кн.: Индия в древности. М., 1964, с. 31—48.

Francfort H. P. The late periods of Shortughai and the problem of the Bishkent culture: (Middle and late Bronze Age in Bactria). Berlin, 1979.

Mackay E. Chanhy-Daro excavations 1935—1936. New Haven, 1943. 338 p.

Mackay E. Early Indus civilizations. L., 1948. 169 p.

Piggot S. Prehistoric India to 1000 B. C. Harmondsworth, 1952. 293 p.

Sakkalia N. D. Indian archaeology today. L., 1962. 144 p.

Р. К. Агравала

МЕДНЫЕ КЛАДЫ ИЗ РАДЖАСТХАНА, ХАРЬЯНЫ И УТТАР-ПРАДЕША — ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Керамика цвета охры (далее — КЦО) обычно связывается с медными кладами междуречья Ганга и Ямуны. Это положение основывалось на косвенных данных, полученных в Бахадурабаде, Раджпур-Парасу и т. д. Раскопки в Сапаи (округ Этавах) дали наконечник копья с крючком, гарпун и КЦО из хорошо стратифицированных напластований. Такая же керамика была найдена и в Лал-Киле (Буландшар) вместе с медными наконечником копья, кельтом и т. п. В Лаборатории археологии и истории искусств в Оксфорде провели термолюминесцентный анализ фрагментов КЦО из Лал-Килы, Джхинджханы, Насирпура и Атранджикхеры (Западный Уттар-Прадеш). Даты для исследованных образцов — 2650—1180 гг. до н. э.; они заставили некоторых ученых придерживаться средних определений — 2000—1500 гг. до н. э. — для КЦО в этой части страны.

Во всяком случае термин КЦО абсолютно неправилен; это просто красноангобированная керамика, которая выглядит охристой после отшелушивания ангоба в результате климатических воздействий; довольно большое количество таких черепков имеет снаружи углубленный орнамент. Отметим, что нами открыты десятки поселений с КЦО вдоль рек Саби, Сота, Дохан, Касаунти и Кантли в Северо-Восточном Раджастхане, расположенных в центре знаменитых рудников медного пояса Кхетри. Радиоуглеродные анализы образцов из поздней фазы культуры КЦО в Джодхпуре (округ Джайпур в 100 км от одноименного города), расположенном на правом берегу р. Саби (приток Ямуны), дали 2500—2000 гг. до н. э. Р. Гаур справедливо относил КЦО ко времени ранее 2300 г. до н. э., хотя мы не можем согласиться с ним в том, что это культура дохаралпского населения долины Инда

[Gaug, 1974, p. 62]. По нашему мнению, она была культурой населения района Сикар—Джайпур в Северо-Восточном Раджастхане в дохарапский период. В свете имеющихся материалов неправильно также рассматривать культуру КЦО как упадочную фазу харапской культуры. Основываясь на радиоуглеродных датировках, появление этой керамики в Джодхпуре можно опустить до 3000 г. до н. э. Д. П. Агравал правильно считал КЦО Джодхпуры дохарапской культурой данного района. Это определение получило дальнейшее подтверждение во время наших работ на поселении Ганешвар (округ Сикар), расположенном в 40 км по прямой от Джодхпуры. При регулярных раскопках мы открыли здесь культуру КЦО (или керамику Джодхпуры—Ганешвара) в сочетании с десятками медных кельтов, рыболовных крючков, наконечников стрел, вырезанных из тонких листов (около 400), зубил, жезлов, кинжалов, ножей, булавок и т. д. (общее количество медных предметов — более 1000) — все относятся к кругу индской цивилизации. Эти находки уникальны для индийской археологии. Местные жители исследуемого района развивали металлургию меди в самом начале III тыс. до н. э., и их поселения были распространены на 30 км от Ганешвара. Кангли — река, берущая начало недалеко от Ганешвара и текущая на север, сливается с р. Дришадвати (Чаутанг) между Сотхи и Сисвалом, известными своей дохарапской культурой. Эта река делает возможным передвижение на запад, что важно для объяснения наличия в Калибангане, расположенном всего в 250 км от Ганешвара, столь значительного количества медных предметов. Ближайшим источником запасов меди даже и в дохарапское время был пояс Ганешвар—Кхетри, хотя некоторые предметы могли быть изготовлены в самом Калибангане. Дохарапские медные предметы на этом поселении представлены 50 образцами, в то время как харапские насчитывают более 1200 экз. Далее на запад в поселения Чолистана (Пакистан), лишенные собственных медных рудников, транспортировка меди по р. Сарасвати (Хакра) трудностей не представляла.

Поселение Ганешвар расположено в 60 км от рудников Кхетри, в 150 км от Джайпура и в 200 км от Дели. Медный пояс включает близкорасположенные рудники Нарнаул, Махендрагарх, Кходан и Тошам в Харьяне и находится на северо-восточной границе Раджастхана. Эта зона медных месторождений была важным центром древнего металлургического производства; она служила источником меди для культуры медных кладов междуречья Ганга и Ямуны. Изучение 58 медных кельтов из Ганешвара показало, что большая их часть имеет круглые пуансонные углубления на верхнем крае. Такие углубления (от 2 до 16) были выявлены автором и на десятках медных кельтов, тщательно исследованных недавно в музее Гурукул в Нареле (Харьяна). Они были приобретены музеем на рынках Нарнаула и Навари вместе с очень большим количеством типичных мечей с антенновидными навершиями, кинжалов и гарпунов из междуречья Ганга и Ямуны. Нарнаул находится

в 40 км от Ганешвара. Находка медного гарпуна в Митатхале (округ Бхивани) около рудника Тошам представляет особый интерес, так же как и находка медных кольца и кельта. Наличие круглых углублений на верхней части характерно и для медных кельтов междуречья Ганга и Ямуны, где они представлены в двух вариантах: находятся на верхнем, тупом конце кельта, как и в Ганешваре (такие кельты известны также из округов Хардой и Ситапур; четыре точки имеются на верхнем конце небольшого медного кельта из Ангаикхеды около Шахбада в Уттар-Прадеше, ныне находящегося в Национальном музее Нью-Дели); расположены несколько ниже верхнего края, как на халколитических кельтах из Каятхи, Навдатол и с поселений западной части Уттар-Прадеша (округа Уннао, Канпур, Балундшахр и т. д.). Второй вариант появляется около 2000 г. до н. э. на кельтах из Каятхи.

На некоторых медных кельтах из музея Гурукул отмечено сочетание обеих традиций. Кроме того, медный кельт из Киратпуры (округ Балундшахр) имеет мотив в виде звезды, шесть параллельных линий прочерчено на кельте из Париара, линейный узор есть на четырех тяжелых кельтах, недавно обнаруженных в Ханси недалеко от рудников Махендрагарх и Тошам. В. Н. Мишра нашел в Маднапуре (Хардой) несколько медных кельтов с выступающими и гравированными изображениями быков, напоминающими аналогичные мотивы на двух кельтах хараппской культуры в музее Раджкот в Гуджарате. На плоском кельте из Насирпура (Рурки), находящемся ныне в музее Гурукул, имеется узор из углубленных волнистых линий того же типа, что и на некоторых длинных и узких медных кельтах из Нарнаула, находящихся ныне в музее Гурукул. Все это подтверждает близкие связи между меднымикладами Харьяны и Западного Уттар-Прадеша.

Изучение медных рудников Харьяны должно дать хорошие результаты. Неудивительно, что этот регион стал основным для производства медных гарпунов, кинжалов и мечей, столь характерных для культуры медных кладов, датируемой более поздним временем, чем культура Ганешвара. Распространение традиций культуры КЦО происходило, видимо, из Северо-Восточного Раджастхана в междуречье Ганга и Ямуны через Харьяну по р. Саби, которая еще сто лет назад единым потоком вместе с рр. Дохан и Касаунти впадала в Ямуну. Волна носителей культуры КЦО могла двигаться вверх по Ямуне и колонизовать десятки поселений в округах Сахаранпур и Музафарнагар. Другая группа пересекла Ямуну около Дели (древняя Индрапрастха) и заселила районы вокруг Ганга, ныне входящие в округа Балундшахр, Эта, Бадаун, Бардон, Сахаджаханпур и т. д., в то время как третья группа передвигалась вниз по течению Ямуны. Находки десятков предметов культуры медных кладов в трех названных областях Западного Уттар-Прадеша подтверждают нашу гипотезу.

Помимо того, можно отметить, что ни одной медной антропоморфной фигурки до сих пор не найдено ни в Харьяне, ни в Раджа-

стхане Следовательно, предстоит еще выявить область, бывшую центром производства таких статуэток, столь характерных для культуры медных кладов Западного Уттар-Прадеша. Ни одной медной фигурки не встречено восточнее Шеораджпура в округе Канпур; они полностью отсутствуют в Восточном Уттар-Прадеше и Бихаре. Экземпляр из Манбхума совершенно отличен от фигурок из Уттар-Прадеша. По типам орудий ясно, что носители культуры медных кладов Западного Уттар-Прадеша не зависели от медных рудников Сингбхум в Бихаре, так как полностью были обеспечены медью из Северо-Восточного Раджастхана и Харьяны. Это подтверждается и анализом состава предметов культуры медных кладов и Хараппы [Agrawal, 1971, p. 175]. Нужно уделить должное внимание и тому факту, что ганешварская традиция нанесения на орудия круглых углублений проявляется на медных кельтах из Каятхи (2000 г. до н. э.) и Навдатоли (1500 г. до н. э.) в Мадхья-Прадеше. Последние, возможно, были изготовлены из местной медной руды. Медный рудник Тамкхан в округе Девас нуждается в дальнейшем исследовании. Важна для изучения техники литья медных кельтов в халколите и находка терракотовой литейной формы в Дангаваде на р. Чамбал.

Отметим, кроме того, что нижние слои Джодхпуры, Лал-Килы и т. д., связанные с культурой КЦО, содержат остатки жилых сооружений. Это подтверждает, что данные местонахождения нельзя связывать с бродячим населением. Литейщики и кузнецы по меди из района Ганешвара—Нарнаула не были странствующими мастерами, как современные *гадиа-лохарт* (каста бродячих медников и кузнецов). Древние мастера были специалистами самых разных отраслей металлообработки и металлургии: разведки запасов меди, отбора месторождений, добычи руды, плавки и изготовления полуфабриката — медного листа — и, наконец, были создателями различных изделий. Мастера знали также, как сделать медь более твердой без добавки олова, которое не встречается в окрестных районах. Все это свидетельствует о высокой квалификации и знании технологии металлообработки мастерами Раджастхана в весьма раннее время, уже в самом начале III тыс. до н. э. И Раджастхан, и Харьяна дают первоклассные медные изделия и тем самым заполняют большую лауну на карте медной металлургии Индии, опубликованной Б. Б. Лалом [Lal, 1951]. Важен для протонсторической археологии Индии и медный клад из Кхурди (правильнее — Курада, округ Нагаур, Раджастхан). Несомненный интерес представляет и недавнее открытие десятков поселений медного века культуры Ахар в Южном Раджастхане (округ Дунгарпур). Особенно отметим значение находки тонких, с изогнутым лезвием медных топоров в Ахаре, Митатхале, Даулатпуре, Кураде и даже в дохараппском комплексе Калибангана, хотя такие топоры и отсутствуют в медных кладах Западного Уттар-Прадеша и Мадхья-Прадеша. Однако как расценивать терракотовые бусины или пряслица ахарского типа с углубленным

орнаментом, имеющиеся в слоях культуры КЦО в Лал-Киле? В Ахаре такие бусины датируются по импорту из Западной Азии примерно 2000 г до н. э.

Таким образом, основа культуры медных кладов, связанных с КЦО, может быть прослежена в ранних комплексах Ганешвара—Джодхпуры в Северо-Восточном Раджастхане и прилегающих районах Харьяны.

Л и т е р а т у р а

- Agrawal D. P.* The copper Bronze Age in India. New Delhi, 1971. 270 p.
Gaur R. C. The Ochre Colored Pottery: A reassessment of the evidence. — In: South Asian archaeology, 1973. Leiden, 1974, p. 53—62.
Lal B. B. Further copper hoards from the Gangetic basin and a review of the problem. — AI, 1951, N 7, p. 20—39.

Б. Б. Лал

КУЛЬТУРА СЕРОЙ РАСПИСНОЙ КЕРАМИКИ

Веды — самые ранние литературные памятники Индо-Пакистанского субконтинента. Связь ариев — народа, их создавшего, — с известными археологическими культурами в прошлом вызвала немало споров. Давая в настоящей работе общую характеристику культуры, известной под названием «культура серой расписной керамики» (по типичной для нее глиняной посуде; далее — культура СРК) и существовавшей в Пенджабе, Северном Раджастхане, Харьяне, Западном Уттар-Прадеше в период между 1000 и 700 гг. до н. э., мы предполагаем, что носителей этой культуры можно с большим основанием связать по меньшей мере с поздневедийскими ариями, а может быть, в какой-то степени — и с ранневедийскими.

Археологический материал Хастинапуры, памятника культуры СРК, некогда столицы Кауравов, а также находки из Каушамби показывают, что «Махабхарата» может в основе своей иметь события, происходившие где-то в IX в. до н. э., хотя сохранившиеся тексты безусловно подвергались искажениям.

Культура СРК характеризовалась использованием железа, которое сделало возможной широкомасштабную колонизацию лесистой области между Гангом и Ямуной и подъем земледелия, явившегося прочной основой для урбанизации долины Верхнего Ганга, происходившей приблизительно в VI в. до н. э. — во время, отмеченное возвышением 16 «великих государств» — махаджа-напад.

Еще в конце 1940-х гг. период между концом харалпской цивилизации (примерно 1500 г. до н. э.) и началом исторического

времени (около 600 г. до н. э.) считался «темными веками» индийской истории, хотя на самом деле ничего «темного» в нем не было, ибо именно тогда и была создана основная часть ведийской литературы. Едва ли кто в то время осознавал значение культуры СРК, хотя она и была уже открыта раскопками в Ахичхатре в 1940—1944 гг. Считали, что был найден новый вид керамики, который датировали «ранее 300 г. до н. э.» [Ghosh, Panigrahi, 1946, p. 38]. На том уровне археологических исследований в Индии ученые не решались говорить о находках что-либо более определенное, чем то, что данная вещь домаурийская.

И только после получения Индией независимости началось изучение так называемых темных веков. Инициативу в этом взял на себя автор данной работы, начав раскопки в местах, на которые имеется указание в древних индийских текстах, — в Хастинапуре, Матхуре, на Курукшетре, в Индрапрастхе и т. д. Воодушевленный результатами, он опубликовал статью, освещающую значение СРК [Lal, 1950]. Далее последовали систематические раскопки в Хастинапуре (1950—1952 гг.), выявившие характерные особенности культуры СРК [Lal, 1954—1955]. На основании сравнительной стратиграфии поселение СРК в Хастинапуре было датировано 1100—800 гг. до н. э.

За раскопками в Хастинапуре последовали работы в Рупаре (Рупнагар) в Пенджабе [Sharma, 1955—1956]. Затем начались интенсивные исследования в долине Гхаггара [Ghosh, 1952], потом — раскопки в Атранджикхере (округ Эта, штат Уттар-Прадеш) [Gaur, 1982]. С тех пор было проведено еще много важных исследований и раскопок. Из последних особенно выделяются работы в долине Среднего Ганга в Уттар-Прадеше [Lal, 1978], Северной Харьяне [Suraj Bhan, Shaffer, 1978], Северо-Восточном Раджастхане [Agrawala, Kumar, 1976] и в области Бахавалпур в Пакистане [Mughal, 1980]. Особо интересными были раскопки в Аламгирпуре, Аллахпуре [Dikshit, 1973], Джакхере [Sahi, 1978], Матхуре, Сонкхе и Хулсе [Dikshit, 1981] в Уттар-Прадеше; Джодхпуре [Agrawala, Kumar, 1976] и Нокхе [Haertel, 1976] в Раджастхане; Бхагванпуре [Joshi, 1978], Дадхери, Даулатпуре и Раджа-Карна-Ка-Киле в Харьяне; Санголе в Пенджабе. Но поскольку раскопки эти велись малыми площадями, их результаты не осветили жизнь народа — носителя культуры СРК так, как было бы желательно. Остается надеяться, что в ближайшем будущем крупномасштабные раскопки по крайней мере на нескольких памятниках культуры СРК, если они будут предприняты, расширят те сведения, которые даются в настоящей работе.

В результате научного поиска на сегодняшний день обнаружено не менее 650 памятников культуры СРК. Большая часть их сконцентрирована в индийском Пенджабе, Харьяне, Северо-Восточном Раджастхане и в бассейне Ганга—Ямуны в Уттар-Прадеше, находки СРК отмечены на западе вплоть до Лакхнѳж-Пира в Синде и Хараппы [Allchin B., Allchin R., 1968, p. 210] в Южном.

Пенджабе (оба местонахождения расположены в Пакистане). Памятники, находящиеся вдоль сухого русла р. Гхаггар в Бахавалпуре, уже упоминались нами, и вполне вероятно, что эту керамику обнаружат и в долинах рек Рави и Джелам пакистанского Пенджаба, потому что в Гхаринде [Joshi, 1977] около индо-пакистанской границы она уже была найдена. Самый восточный памятник, давший СРК, — это Шравасты в Уттар-Прадеше [Singh, 1967], где она, однако, встречается попеременно с северной чернолощеной керамикой (далее — СЧК). Удджайн [Banerji, 1965, р. 20] в Мадхья-Прадеше — самый южный памятник, но и здесь у СРК нет чистого слоя. Наиболее интересной можно считать недавнюю находку СРК в Тхапли [Nautiyal, 1981] на берегу Алайхананды в округе Тери. Она свидетельствует о распространении культуры СРК в Гималаях, значение чего будет обсуждаться ниже. Чтобы лучше представить себе распространение керамики этого типа, можно указать на то, что от Лакхнѳж-Пира до Шравасты приблизительно 1400 км, а от Гхаринды до Удджайна почти 900 км.

Местонахождения СРК располагаются по берегам рек. В среднем расстояние от одного памятника до другого достигает 10—12 км, однако при благоприятном экологическом окружении оно может быть много меньше — до 5 км [Agrawala, Kumar, 1976, р. 240]. Эти поселения представляли собой, как правило, маленькие деревни. В Северной Харьяне, где велась интенсивная археологическая разведка, каждая из них занимала площадь от 1570 до 96 139 м² [Sugaj Bhan, Shaffer, 1978, р. 62].

Другая очень интересная особенность была отмечена Р. Мугалом в Бахавалпуре [Mughal, 1980]. Из 14 обнаруженных им поселений семь занимали площадь от 1.1 до 2.1 га, что нужно признать нормальным для данной культуры; три — менее 1 га каждое; еще три — 3—4 га. Однако самое ценное открытие заключалось в том, что только одно из этих поселений было большим — 13.7 га. Это ясно указывает на появление среди маленьких деревень крупных центров — с течением времени так начнут складываться местные столицы.

Сначала мы рассмотрим материалы о строительстве жилищ, земледелии, обработке железа, меди и т. д., а затем исходя из этого попытаемся реконструировать образ жизни народа — носителя культуры СРК.

Имеется лишь один памятник, где раскопками на большой площади была вскрыта значительная часть поселения, — Бхагванпур, поэтому мы рассмотрим его детально, дополняя полученные данные сведениями с других поселений.

И. Джоши сообщает о существовании в Бхагванпуре сооружений трех типов. Одно из них — круглая хижина, о форме которой свидетельствуют следы ям для 23 столбов. Ее площадь 4.25 × 6.85 м. На полу хижины лежали три ручные мельницы и набор пестиков. Джоши склонен полагать, что жилище принадлежало

мельнику [Joshi, 1977]. Если это действительно так, то, значит, не каждая семья сама молола свое зерно.

Хотя о конструкции стен Й. Джоши не приводит больше никаких деталей, такие памятники, как Хастинапура, Атранджикхера и др., проливают свет на эту проблему. В ямы для столбов ставились деревянные брусья или же, что более вероятно, толстые стволы бамбука; обугленные волокна последнего обнаружены на нескольких поселениях. На большинстве стоянок найдены остатки глиняной обмазки, сохранившей отпечатки материала, на который она наносилась. Исследование образцов показало наличие в них дикорастущего тростника, стебли которого, очевидно, закреплялись в горизонтальном и вертикальном положении между столбами. Каркасы из тростника и бамбука должны были крепиться веревками, чьи не очень отчетливые отпечатки также были обнаружены. Эта основа обмазывалась затем изнутри и снаружи глиной, куда для крепости добавлялась рисовая шелуха. Р. Гаур утверждает, что он нашел в некоторых из столбовых ям мелкий песок, который насыпался туда намеренно, чтобы предохранить столбы от порчи белыми муравьями [Gaur, 1982, p. 127]. На основании расположения ям для столбов Гаур высказывает предположение, что некоторые плетеные мазанки в плане представляли собой прямоугольник или квадрат.

В Атранджикхере было установлено наличие домашних очагов (*чулха*). В плане они имели дугообразную форму: стенки слегка сходились на конус, а наверху загибались. Величина очагов, достигавших по временам 50 см в длину и 25—30 см в высоту, указывает, что на них ставили крупные сосуды для приготовления пищи, а это в свою очередь предполагает существование больших семей, очевидно кровнородственных, во все времена бытовавших в Индии. Внимание может привлечь и тот факт, что в Атранджикхере в слоях, относящихся к ранней и средней фазам периода бытования культуры СРК, были обнаружены округлые в плане ямы. В их заполнении находились зола, древесный уголь, зерна и небольшие фрагменты костей животных. Гаур предполагает, что это могли быть ямы-жертвенники, где сжигались приношения [Gaur, 1982, p. 127].

Сооружения второго типа имели глиняные стены. Встречены отдельные глиняные кирпичи, но размеры их неизвестны. В Бхаванпуре зачисткой были обнаружены остатки дома. Находки на полу дома блюд и чаш, относящихся к СРК, не оставляют сомнений в том, что тут жили носители культуры СРК. В доме было 13 комнат размерами от 1.6×1.6 до 3.35×4.2 м [Joshi, 1978, p. 98]. Меньшие комнаты служили кладовыми, большие же, очевидно, предназначались для жилья. Между двумя группами комнат проходил коридор, на восточной стороне располагался двор. Возможно, владельцем этого большого дома, построенного в центральной части поселения, был деревенский вождь.

Еще одним видом строительного материала, встреченного

И. Джоши в Бхагванпуре, были обожженные в специальной печи кирпичи. Исследователь отмечает, что из-за распухлости места поселения идентифицируемых остатков зданий не сохранилось, но находки кирпичей были часты. Размеры кирпичей (см): $20 \times 20 \times 8$; $12 \times 12 \times 8$; $20 \times 30 \times 8$; $16 \times 12 \times 4$; 29×12.5 — 22×7 . Первые две разновидности кирпичей — квадратные, последняя — клиновидные. Известно, что кирпичи, используемые для кладки стен, как правило, делаются прямоугольными, а не квадратными. На этом основании можно предположить, что квадратные кирпичи применялись для чего-то другого, может быть для возведения квадратных алтарей или других подобных конструкций. Клиновидные кирпичи могли использоваться при постройке круглых в плане сооружений, для чего они больше подходят. Обожженные кирпичи встречены также и в Дадхери; там они достигали $12 \times 12 \times 7$ и $25 \times 20 \times 5$ см [Joshi, 1978, p. 99, 100]. Применение обожженных кирпичей отмечено также в Хастинапуре, Атранджикхере, Ахичхатре, Нокхе и т. д., но находки сохранились во фрагментах, что не дает возможности определить их первоначальную величину.

Несмотря на то что имеющиеся скудные данные не позволяют установить планы поселений культуры СРК, интерес вызывает земляная насыпь, возведенная для того, чтобы защитить деревню в Атранджикхере от разливов реки. Ее теперешние высота и протяженность, сократившиеся в результате эрозии, составляют соответственно 1.45 и 35 м [Gaug, 1982, p. 126, 127]. В Джакхере тоже был обнаружен земляной вал шириной основания 4.8 м и высотой 1.2 м. М. Сахи считает, что он мог окаймлять поселение [Sahi, 1978, p. 102]. Возведение подобных сооружений несомненно требовало использования труда всей общины.

Заслуга широкомасштабной колонизации долины Верхнего Ганга—Ямуны безусловно принадлежит народу — носителю культуры СРК. Он смог осуществить ее прежде всего благодаря освоению технологии выплавки и обработки железа (см. ниже). С помощью железных топоров люди расчистили густые джунгли. В слоях СРК пока не было обнаружено ни одного лемеха, хотя в перекрывающих их слоях культуры СЧК подобные находки отмечались. Тем не менее в Джакхере встречена мотыга [Sahi, 1978, p. 103].

Очень мало известно об ирригации. Р. Гаур говорит о необлицованных колодцах (*кучча*) в окрестностях Атранджикхеры, которые, по его мнению, использовались для ирригации [Gaug, 1982, p. 123]. Серпы, обнаруженные в Джакхере, могли употребляться для жатвы.

Раскопками в Хастинапуре в горизонтах культуры СРК были обнаружены остатки стеблей и зерен риса. То же произошло в Нокхе. Вследствие этого какое-то время полагали, что народ — носитель культуры СРК не выращивал пшеницы. Однако Атранджикхера не оставила в этом сомнений. На поселении помимо риса

найлены пшеница и очищенный шестирядный ячмень [Chowdhury et al., 1977, p. 99]. Присутствие и риса, и пшеницы, соответственно летней и зимней культуры, указывает на то, что люди начали выращивать по два урожая в год, — практика, сохранившаяся и по сей день.

Говоря о рисе в Атранджикхере, К. Чоудхури сообщает, что он был обнаружен в кучах и по большей части без шелухи. Отсюда делается вывод: «Исходя из этих фактов можно предположить, что производство зерновых было не только достаточным для того, чтобы удовлетворить в них потребности общины, но и для того, чтобы остался известный запас» [Chowdhury et al., 1977, p. 63]. Вывод о наличии избытка продовольствия примечателен, и к этому вопросу мы еще вернемся.

Хотя пыльца сосны и была обнаружена в Хастинаपुरе, древесина ее не найдена. К. Чоудхури на поселении Атранджикхера установил наличие в слоях культуры СРК древесины чира [Chowdhury et al., 1977, p. 66]. Ее присутствие показывает, что поскольку названное дерево растет не на равнинах Ганга, а только в районе Гималаев, то народ — носитель культуры СРК, и прежде всего жители Атранджикхеры, должен был поддерживать контакты с указанным регионом. И это безусловно подтвердилось теперь с открытием стоянки культуры СРК в Тхапли, в округе Тери, который входит в состав гималайского района Уттар-Прадеша. Стоянка в Тхапли имеет довольно толстый слой, относящийся к культуре СРК, что говорит не просто о контактах с последней, но и о том, что ее носители жили здесь сами, проникнув в ходе своей экспансии в данный район Гималаев, передвигаясь либо по долине Ганга вверх от Хардвара, либо же через какой-нибудь удобный перевал на юге.

Часть угля из Хастинапуры, как выяснилось, своим происхождением обязана древесине сиссу. Это дерево является одним из главных видов, образующих леса, периодически сбрасывающие листву; оно встречается в южной части Гималаев недалеко от Хастинапуры и произрастает даже и по более крупным рекам на северо-западе Уттар-Прадеша, дает хорошую строительную древесину, которую, вероятно, использовали для изготовления мебели и т. д., хотя из-за климатических условий ни один образчик последней не сохранился. Интересна также находка дикорастущего тростника [Chowdhury, Ghosh, 1954—1955, p. 134], который, как уже упоминалось выше, использовался при строительстве плетеных мазанок.

Вторым по значению (после земледелия) источником существования людей было животноводство. Крупный рогатый скот (*Bos indicus* L.) преобладал среди домашних животных. Коровы давали молоко, из которого готовились творог, сыр и масло, а быки и буйволы использовались в качестве тягловой силы и на пахоте. Другими животными, остатки которых обнаружены в Хастинаपुरе, были овцы, свиньи, а также лошади [Lal, 1954—1955,

р. 107—120]. Большое количество костей крупного рогатого скота, овец и свиней носило следы порезов, сделанных острыми инструментами, было обуглено — указание на то, что эти животные забивались для употребления в пищу. В Атранджикхере получено свидетельство одомашнивания собаки и козы; мясо последней разнообразило рацион питания человека. Кроме того, в пищу шли рыбы, речные черепахи, двухстворчатые моллюски и птицы [Gaug, 1982, p. 124].

Особый интерес представляет одомашнивание лошади, подтверждение чему мы находим не только в Хастинапуре, но и в Атранджикхере [Gaug, 1982, p. 124], а также Бхагванпуре [Joshi, 1977].

Существует достаточно свидетельств того, что носители культуры СРК занимались рыбной ловлей и охотой. Окружающая среда этому благоприятствовала: большинство поселений данной культуры располагалось по берегам рек. Осваивались новые земли, но и тогда джунгли по соседству оставались нетронутыми. Рыбу ловили на крючки, медные и бронзовые образцы которых были найдены при раскопках. Кроме того, применяли сети из волокон рами с привязывавшимися терракотовыми грузилами.

Если в Хастинапуре нашли костные остатки оленя барасингха, то в Атранджикхере — нилгаи и леопарда. Наконечники копий (из железа) и стрел (из железа, меди и оленьего рога; каждый тип представлен в изобилии) должны были использоваться для охоты на этих животных.

Наиболее характерным элементом рассматриваемой культуры была керамика. Как показывает ее название, это керамика серого цвета с узором, нанесенным обычно черной краской, из хорошо отмученной глины с мелкозернистыми примесями, однако встречаются и более грубые, толстостенные горшки. Как правило, они делались на круге, хотя найдены экземпляры, изготовленные вручную. По ободку в нижней части доньшек у некоторых горшков идут ряды зазубрин. Их происхождение до сих пор окончательно не установлено. Орнамент наносили на изделия, высушенные на солнце. К. Хедж, который в лабораторных условиях вылепил несколько образцов данной керамики, утверждает, что красителем была красная охра, разведенная в воде. Орнамент мог быть самым разнообразным: от простой полоски по венчику и узора из косых или перекрещивающихся линий по тулову до весьма характерного, такого как ряд сигм, пояски из коротких спиралей, концентрические и пересекающиеся окружности, полуокружности, мальтийские квадраты, свастики и т. д. Изображения человека или животных тем не менее отсутствуют. Что же касается обжига горшков, то интересно следующее высказывание Хеджа: «После нанесения росписи горшки помещались в сагар. Промежутки между горшками, возможно, заполнялись козьим навозом или же другим материалом, богатым углеродом (в наших опытах по репродукции керамики СЧК мы пришли к выводу о том, что

для этих целей больше всего пригоден козий навоз); затем сагар залечивался и ставился в печь для обжига, где температура постепенно поднималась до 800 °С и поддерживалась на этом уровне в течение какого-то времени, но не меньше 12 ч. Так красный охряной пигмент превращается в магнетит, а керамика СРК получает ровный обжиг» [Negde, 1975, p. 188].

Наиболее распространенными формами для СРК считаются блюдо, которое обычно имеет выпуклые стенки и полукруглое основание, и чаша с прямыми или выпуклыми стенками и полукруглым или даже плоским основанием. Есть и кувшины для хранения питьевой воды (*дота*). Наличие этих трех видов посуды знаменательно, поскольку они составляют обеденный «сервиз» и в сегодняшней Индии. Обнаружены, однако, и менее известные формы: рифленные ножи, — нижняя часть блюд или чашек на подставке (к сожалению, полного образца все еще не найдено) — из Хастиналуры, Ахичхатры и других поселений, ручка в виде скобы с рисованным орнаментом из Сардаргарха, которая (по аналогии с горшком, имеющим ручку и относящимся к тускло-красной керамике) скорее всего была частью вазы с отогнутым венчиком и довольно выпуклым туловом. Чашка из Бхаванпура имеет дисковидное основание, а чашка из Аллахпура — основание в виде пьедестала. Блюдо из Биканера выполнено с кольцевидным основанием [Tripathi, 1976, pl. V, A]. Из Нокха происходит крышка с фигуркой птицы.

Несмотря на мнение, что вся керамика данной категории была серой, нам известны экземпляры с коричневато-красной поверхностью (но с серой или темно-желтой основой), орнамент на которых был черным, шоколадным или разноцветным. Хотя культура получила свое название по СРК, нужно упомянуть, что последняя составляет лишь от 10 до 15% всех находок керамических изделий; она, очевидно, считалась «роскошной» посудой.

Наряду с СРК попадает чернолощенная керамика, более или менее идентичная по формам серой. Найдено также несколько экземпляров черно-красной посуды: внутренняя часть и венчик были черными, а внешняя поверхность — красной. Такой эффект достигался, по-видимому, при помощи «внутреннего обжига». Однако подавляющее большинство встреченной керамики имело красный цвет, какая-то часть была с ангобом, но в основном без него. В глину добавлялись чаще всего рисовая шелуха и слюда. Самой употребительной утварью в доме являлись именно красноглиняные горшки: в них носили и хранили воду, держали зерно и готовили пищу.

В Атранджикхере была обнаружена печь для обжига посуды [Gaur, 1982, p. 128]. Овальная в плане, глубиной около 1 м, она имела в длину по большей оси 2.35 м. Внутри ее помещались чередующиеся горизонты горшков и топлива, состоявшего в основном из лепешек навоза; ближе к верху клались тростник и сучья, и печь запечатывалась глиной.

Культуры, предшествовавшие СРК в долине Верхнего Ганга, не знали железа, его не было у жителей Хараппы на поселениях в Аламгирпуре и Хуласе, у носителей культуры керамики цвета охры (далее — КЦО) в Хастинапуре и Ахичхатре, у народа с черно-красной керамикой в Атранджикхере и Джакхере. Однако поскольку в долине Ганга имела твердая аллювиальная почва (которой нет в долине Инда) и в древности там, очевидно, росли густые леса, то широкое использование железа представляется естественной необходимостью для широкомасштабного заселения этого района оседлым населением. И в самом деле, жители Хараппы не смогли продвинуться к югу или востоку от междуречья, носители культуры КЦО не перешли к сколько-нибудь оседлому образу жизни (их поселения очень малы, а культурный слой там тонкий), а поселения носителей культуры черно-красной керамики все без исключения невелики. Таким образом, заслуга создания в долине Ганга первых больших поселений должна принадлежать народу — носителю культуры СРК, который владел технологией производства железа.

Находка 135 железных предметов во время сравнительно небольших по площади раскопок в Атранджикхере свидетельствует о том, что носители культуры СРК умели весьма неплохо обрабатывать железо. В Джодхпуре обнаружены остатки двух горнов, относящихся к раннему этапу культуры СРК. Это печи открытого типа с мехами, на что указывают соответствующие отверстия в стенках. В. Кумар в письме к автору сообщал: «Одна из этих двух печей использовалась для получения крицы, а другая — для нагревания металла во времяковки. Полагают, что металл сначала получали прямым отделением его от руды (без какой бы то ни было обработки флюсом). Затем полученная в небольшом количестве крица вынималась из горна, нагревалась докрасна в открытой печи, проковывалась на наковальне, стоявшей рядом».

Горн обнаружен также в Атранджикхере, где поблизости от печи были найдены железный шлак и обломки сосудов, в которых закаливался металл, а также клещи, которыми кузнец держал обрабатываемый предмет. О. П. Агравал исследовал четыре образца металла из Атранджикхеры и дал следующее заключение: «Создается впечатление, что эти предметы были сделаны из чистого железа, а потом науглерожены с помощью какого-то способа, когда поверхность предмета или область, близкая к поверхности, превращается в карбид. Это происходит, когда железный предмет долгое время выдерживается на древесных углях при высокой температуре» [см.: Гауг, 1982, р. 489].

Совсем мало было сделано для установления пунктов, где носители культуры СРК добывали железную руду. Месторождения ее тем не менее существуют в соседних гималайских районах Кангра, Манди, Алмора и др., на прилегающих к хребту Аравалли территориях Алвара, Джайпура, Бхаратпура и др., в районе Гвалиора непосредственно южнее Чамбала; месторождения эти

различаются по величине. Позднее же, с приходом носителей культуры СЧК, стали разрабатываться более богатые руды Бихара, что дало огромный импульс развитию черной металлургии с последовавшим изобилием железного инвентаря и появлением новых его типов.

Железные изделия, использовавшиеся людьми культуры СРК, можно разделить на четыре категории: домашняя утварь, сельскохозяйственный инвентарь, прочие инструменты, оружие. К первой категории относятся гвозди, булавки, крючки, иглы, ножи, находки которых отмечены на разных поселениях, а также клещи, обнаруженные только в Атранджикхере. Хотя последнее и не дало ярко выраженного сельскохозяйственного инвентаря, в Джакхере нашли серп и мотыгу [Sahi, 1978, p. 103]. Топоры были встречены на многих поселениях; ими могли пользоваться при расчистке джунглей для нужд земледелия, а также для того, чтобы заготовить дрова для домашнего очага и древесину для изготовления мебели. Стамески, буравы, скобы, гвозди, крючья находили применение в плотницком деле. Наконечники стрел, насаженные на тростниковые древки и выпускаемые деревянными луками, использовались, видимо, как на войне, так и на охоте. Попадают и простые, и зубчатые наконечники, есть наконечники с шипом, который иногда вставлялся в предназначенный для этого паз. Наконечники копий, достигавшие в длину 25 см, очевидно, насаживались на бамбуковые древки. В отличие от стрелы, применявшейся в стрельбе на большие расстояния как против неприятеля, так и по зверю, копье было оружием только ближнего боя. До сих пор нет никаких свидетельств существования защитного доспеха.

Говоря о применении железа, нельзя не упомянуть о том, что в Бхагванпуре, Дадхери и Нагаре не встречено железа в горизонтах, относящихся к культуре СРК, хотя всюду были найдены предметы из меди [Joshi, 1978]. Этот феномен влечет за собой предположение, что в жизни носителей культуры СРК имелся ранний этап, на котором применялась только медь, а железа еще не было. Однако, прежде чем принять эту точку зрения окончательно, желательно подтвердить ее на материале еще нескольких поселений.

Хотя железо получает распространение в период бытования культуры СРК, медь по-прежнему остается незаменимым металлом. Если три подвергшихся химическому анализу предмета из Хастинапуры не содержат следов сплава [Lal, 1954—1955, p. 13], то три артефакта из Атранджикхеры показывают включение олова, свинца и цинка (11,68, 9, 6,28% соответственно) в одном из них, олова с цинком — в другом; третий сплав не содержит. Далее, во всех образцах из Атранджикхеры присутствует железо в соотношении от 1,23 до 9,7%. Источником железа мог быть халкопирит, а то, что железо не отделилось, можно объяснить некачественной плавкой руды [Gaug, 1982, p. 490].

Культура СРК не знает медных мечей, подобных тем, которые

встречаются в медных кладах. Причину мы видим в том, что оружие для войны стало делаться теперь из железа, гораздо лучше подходящего для данной цели. Однако медные наконечники стрел представлены находками из Хастинапуры и Аллахпура. Очень вероятно, что они использовались преимущественно для охоты, хотя их боевое применение нельзя полностью исключить.

Среди режущих и рубящих инструментов, находивших применение в разных сферах производства, следует назвать топор, стамеску, бурав, пробойник и скобу. Туалетные принадлежности включали палочки сурьмы, ножницы, а также зубочистки. Из украшений заслуживают упоминания кольца и браслеты. То, что никакой нехватки меди не было, подтверждает находка в Атранджикхере блюда диаметром 17 см [Gaug, 1982, p. 231].

Значительной заслугой народа — носителя культуры СРК является разработка технологии производства стекла, ибо ни одна более ранняя культура на субконтиненте, ни хараппская, ни ахарская, ни культура медных кладов, не оставила стеклянных изделий. Таким образом, находка двух стеклянных браслетов в Хастинапуре в слоях, относящихся к культуре СРК, имела немалое значение для наших представлений о древнеиндийской технологии производства стекла.

Один из хастинапурских стеклянных браслетов коричневый, другой — черный; окраска обоих объясняется наличием железа. В каждом случае безусловно присутствие типичного для стекла раковистого излома. Твердость первого изделия — от 5 до 6 (по шкале Мооса), плотность 2.55. У второго браслета твердость порядка 6, плотность 2.56. Оба образца можно характеризовать как относящиеся к типу «мягкого стекла на натриево-щелочной основе». Они не подверглись выветриванию и разрушению, а поэтому «представляется вероятным, что после изготовления браслеты прошли отжиг» [Lal, 1954—1955, p. 13].

Помимо Хастинапуры стекло было встречено в Аллахпуре, Аламгирпуре и Атранджикхере; в последней найден кусок стекла темно-зеленого цвета, представляющий собой часть бутылки или какого-либо другого сосуда [Gaug, 1982, p. 490].

Подавляющее большинство костяных изделий, обнаруженных в слоях культуры СРК, выполнено из рогов оленя. Они были легкодоступны благодаря охоте на оленя барасингха в близлежащих джунглях. К. Дикшит, который нашел костяные изделия в Аллахпуре, исследованные позднее Б. Н. Тендоном, пишет на основании заключения, вынесенного этим экспертом: «Исследования под микроскопом дали ключ к решению нескольких загадок, связанных со способом изготовления костяных орудий. Рога оленя размягчались путем выдерживания их в течение определенного времени в горячей воде. В некоторых случаях для этой цели использовалось кокосовое масло. Поскольку кость по природе своей гигроскопична, она поглощает жидкость, в которую ее погрузили, и становится мягкой. В данном случае несколько кусков оленьего рога было

обожжено, о чем свидетельствует карбонизация внешнего слоя кости, а затем опущено в подходящую для этого размягчающую среду, и наконец, им придали требующую форму на примитивном токарном станке, возможно железном. На одном из инструментов видны регулярно повторяющиеся концентрические линии по всей его длине. Представляется вероятным, что они сделаны острым резцом какого-то приспособления типа токарного станка, а относительная регулярность, с которой идут эти линии, очевидно, говорит о том, что изделие из кости вращалось по определенной оси. После того как инструменты вчерне были готовы, их, очевидно, полировали с помощью гладких камней, а под конец терли мягкой кожей. Другим способом полировки было применение воска или масла» [Dikshit, 1973, p. 152].

Изделия из кости представлены наконечниками стрел как с зубцами, так и без них, как втульчатými, так и простыми. Некоторые зубчатые наконечники стрел из Атранджикхеры и Джакхеры имеют орнамент в виде круга с точкой внутри. Несколько изделий заострено с двух концов и могло употребляться при вязании или прядении. Длинная распорка с отверстиями на обоих концах, возможно, применялась в ткачестве. Ряд заостренных инструментов, как считают, использовался для письма в качестве стилей. Однако, поскольку до сих пор не найдено ни одной надписи, происходившей из слоев СРК, нет данных в пользу этой гипотезы.

Из кости делались также серьги-шпеньки, обычно цилиндрической формы, а также гребни (*кангли*) того же типа, который был распространен в Индии до недавнего времени. Из Джакхеры известна резная полая рукоятка, в которую вставлялся черенок полированного медного зеркала (?).

В Джакхере из земли были извлечены три статуэтки, изображающие человеческие фигуры. Хорошо отмученные, они вылеплены вручную. Тыльная часть статуэток плоская — свидетельство того, что глину во время работы клали на гладкую поверхность и так вылепливали только лицевую сторону. Черно-серый цвет — результат восстановительного обжига в печи. Из этих статуэток две, изображающие мужчину и женщину, были найдены вместе. У фигурок короткие и толстые руки, относительно тонкая талия и широкие бедра, вокруг головы — овальный, приближающийся к круглому, нимб (?). Ноги отсутствуют. Может быть, низ фигурок был скруглен, как у статуэток формы «скрипки». Характерная особенность описанных статуэток — украшение резьбой по всему корпусу; в одном случае орнамент идет довольно густо. Третья статуэтка, найденная в более раннем горизонте, несколько отличается от первых двух манерой исполнения. Лицо имеет заостренную форму и вытянуто кверху, расположение ноздрей заставляет предположить, что скульптурка изображала какое-то животное, однако тело фигурки человеческое, руки короткие и толстые, груди приподняты, соски обозначены булавочными проколами. А если это изображение какого-то женского божества со звериной

головой? Предположение, правда, остается условным, пока не будут найдены хорошо определяемые экземпляры скульптур данного типа.

Вручную сделаны и терракотовые статуэтки красного (от тусклого до яркого) цвета, изображающие животных. Среди них — горбатый бык, лошадь и баран. Если бык и лошадь ничем не украшены, то изображения барана имеют на туловище резные линии. Фигурки баранов найдены не только в Аламгирपुरе и Бхагванपुरе, где еще можно заподозрить влияние Хараппы, но и в Джакхере, где нет не только хараппского, но и позднихараппского слоя. Терракотовые изображения лошади наряду с находками ее костных остатков подкрепляют уверенность, что у носителей культуры СРК это было очень популярное животное.

То, что носители культуры СРК были весьма сведущими в ряде отраслей материального производства (в технологии обработки железа, меди, кости, в изготовлении стекла и керамики), должно уже стать ясным из вышенаписанного. Существуют, однако, артефакты, проливающие свет и на знание ими геометрии. В Джакхере найдены четыре плоских куска терракоты, которые можно классифицировать как относящиеся к двум категориям. В одном случае мы имеем пластину, у которой две стороны ровные, сходящиеся под прямым углом, тогда как третья (гипотенуза) представляет собой дугу окружности. Во втором случае три стороны фигуры прямые с углами в 90° , а четвертая — дуга окружности. Все это свидетельствует о знакомстве с положениями о круге, квадрате, прямоугольнике и т. д. На применение точных инструментов, таких как циркуль, указывают пересекающиеся круги, вычерченные на поверхности черепка горшка из Джакхеры. Точки, в которые упиралась ножка циркуля, имеют вид проколов.

Поселения, относящиеся к культуре СРК, располагались обычно по берегам рек. Первоначально они были маленькими, с течением времени становились крупнее, но никогда не достигали той стадии, когда можно говорить о появлении города. Так как раскопки большими площадями пока не проводились, неизвестно, выделялись ли для ремесленников отдельных специальностей (гончары, кузнецы и т. д.) особые кварталы, хотя такую возможность и нельзя игнорировать.

Сельское хозяйство являлось опорой существования людей, выращивавших пшеницу, ячмень и рис. Железные топоры помогали валить лес и расчищать землю для посевов; пахота должна была вестись плугом, в который впрягали быков. Земледельцы дополнялись животноводством, обеспечивавшим людей молоком и молочными продуктами. Помимо коровы домашними животными были также буйвол, собака, свинья, овца, лошадь и др. Собака стерегла поля, фермы и сам дом, свинья поедала объедки, а лошадь использовалась для верховой езды и для запряжки в колесный экипаж, хотя до сих пор не найдено ни одного экземпляра последнего.

Жилища не были однотипными. Если низы общества обитали в круглых или прямоугольных хижинах весьма скромных размеров, строительным материалом для которых являлись преимущественно камыш и глина, то более зажиточные имели просторные дома с глинобитными стенами; иногда в таких домах бывало до 12 комнат. Обожженный кирпич, видимо, не применялся в строительстве жилых зданий, хотя находки его зафиксированы. Приближающийся по форме к квадрату, он мог использоваться в культовых постройках, таких как алтари и т. д.

Пища была как вегетарианской, так и животного происхождения. Рис перед употреблением в пищу варили, а пшеницу и ячмень толкли в ступе пестом. Из полученной таким способом муки, очевидно, на подковообразном очаге выпекали пресные лепешки (*чапати*), как это делается и сегодня. Стол разнообразили баранина, свинина, говядина и оленина. Птицы, речные черепахи и двухстворчатые моллюски тоже шли в пищу. Столовая посуда была «высшего качества» — блюда и чаши СРК.

Очень мало мы знаем об одежде. То, что ткань была в обиходе, подтверждается ее отпечатками на керамике. Но как ее использовали, остается загадкой. Однако находки иголок свидетельствуют в пользу того, что некоторые виды одежды были шитыми.

Женщины украшали себя ювелирными изделиями, которые, видимо, включали ожерелья из бусин, сделанных из разнообразных полудрагоценных камней, таких как агат, яшма, травленый сердолик и т. д. Из Атранджикхеры мы имеем формочку, вырезанную из мыльного камня, в которой, возможно, отливались золотые украшения. Есть свидетельства того, что носились браслеты, кольца и серьги-шпеньки. Волосы причесывались, веки подкрашивались. Ногти время от времени подстригались; мужчины, вероятно, брили бороду.

Охотой и рыбной ловлей могли заниматься частью для пропитания, частью для развлечения. Но одним из видов времяпрепровождения взрослых были, по-видимому, азартные игры. Об этом говорят находки игровой кости в Аламгириуре, фишек в Нокхе и Матхуре. Первая сделана из кости (или из дерева — материал не был соответствующим образом исследован), по форме она продолговатая, в сечении четырехугольная. На гранях нанесены круглые лунки: от одной до четырех. Фишка из Нокха в основании плоская, выше несколько изогнутая по параболе; материал тот же, что и у СРК. На нее даже нанесен орнамент черного цвета. Экземпляры из Матхуры различаются по цвету — они серые и красные. Вышеназванные находки аналогичны тем, которыми пользуются и по сей день в игре *чаупар*. Еще одним развлечением могли быть конские бега.

Дети играли в классы с помощью подработанных округлых черепков битой керамики. На некоторых из них сохранились отверстия (одно или два). Вероятно, дети продевали сквозь отверстие нитку и играли, натягивая ее то в одну, то в другую сторону.

У терракотовой статуэтки барана из Аламгирпура есть отверстия в нижней части ног — указание на то, что у детей были игрушки на колесиках.

Те из очагов Атранджикхеры, в которых найдены обожженные зерна риса и кости, могут свидетельствовать о своего рода жертвоприношениях. На большинстве поселений, кроме того, были найдены терракотовые диски с резными знаками разных видов. Р. Гаур полагает, что они могли иметь какое-то культовое назначение.

Сколько-нибудь весомых доказательств существования торговли нет. Тем не менее руды, из которых были изготовлены на местах различные орудия, попадали туда в результате торговли. Полудрагоценные камни для бус также говорят о ее существовании. Однако единственным способом торговли являлся обмен, ибо никакой денежной системы еще не было. Можно отметить, что даже и в начале нынешнего столетия в большинстве индийских деревень товары приобретались путем обмена на пшеницу или ячмень (для этого имелись деревянные мерки).

Из вышесказанного ясно, что деревенская жизнь давала достаточно времени для философских дум и размышлений, а это, как нам кажется, было главным вкладом народа — носителя СРК в сокровищницу индийской цивилизации.

Когда в 1952 г. писался отчет о раскопках в Хастинапуре, радиоуглеродный метод датировки был еще недоступен, по крайней мере в Индии. Датировка периода СРК на материале Хастинапуры должна была, следовательно, основываться на данных стратиграфии поселения. С одной стороны, горизонт СРК перекрывал слой культуры КЦО, с другой — сам перекрывался слоем культуры СЧК. Между тремя периодами обитания человека здесь имелись определенные перерывы. Хронология горизонта СЧК была до этого установлена для Таксилы, где чернолощенная керамика находилась в основном в слое, который перекрывал слой с монетами Александра Македонского (около 300 г. до н. э.) и уходил на глубину до отметки 2.15 м. По приблизительным подсчетам получалось, следовательно, что культура СЧК появилась в Таксиле где-то в VI в. до н. э. Поскольку в Хастинапуре между периодами СРК и СЧК наблюдался временной перерыв, а в материальной культуре произошли значительные перемены (в период СЧК появляются, например, постройки из обожженного кирпича, монетное производство, система мер и весов и т. д.), считалось, что конец периода СРК в Хастинапуре следует датировать примерно 800 г. до н. э. Учитывая толщину слоя с СРК (2.5 м), полагали, что поселение этой культуры было основано приблизительно в 1100 г. до н. э. Делалось также предположение, что СРК могла бытовать на других поселениях до более позднего времени и что слой этой культуры, возможно, даже чередуются со слоями культуры СЧК.

Позднее, когда радиоуглеродный метод датировки стал популярен, подвергся анализу материал с поселений Рупар, Атранд-

жикхера, Нокх и т. д. Мы можем привести здесь суммарные результаты этих исследований [Lal, 1977—1978].

На северо-западном поселении, в Рупаре, между периодами СРК и СЧК существовала лакуна. Поскольку нижний (но не самый нижний) горизонт СЧК датируется (470 ± 100) г. до н. э.,¹ конец бытования СРК на этом поселении едва ли мог наступить позднее 600 г. до н. э., принимая во внимание упомянутую паузу. Для всего периода СРК датировки по ^{14}C здесь не были установлены. В Хастинапуре же позднейшие слои СРК датируются периодом от (400 ± 115) до ($720 - 660 \pm 125$) г. до н. э. Правда, как отмечено специалистами, материал для анализов был перемешан с корнями современных растений, что неизбежно «омолаживает» даты. В Ахичхатре культуры СРК и СЧК какое-то время — ($470 - 440 \pm 105$) гг. до н. э. — сосуществовали. Для самого слоя СРК, однако, даты не определены. Далее к востоку, на поселении в Каушамби, средняя фаза СЧК датируется (480 ± 105) г. до н. э. Следовательно, начало СЧК можно отнести примерно к 600 г. до н. э., если не к более раннему. Поскольку СРК предшествует СЧК, культура СРК, вероятно, достигла Каушамби где-то в VIII в. до н. э. На другом восточном поселении, которое в настоящее время раскапывается археологами, а именно в Шрингаверапуре, несколько черепков СРК было найдено в верхних горизонтах, содержащих остатки чернолощенной и черно-красной керамики. Эти верхние горизонты также датируются VIII в. до н. э. на основании термолюминесцентного, а также радиоуглеродного анализов [Lal, Dikshit, 1978—1979; Agrawal et al., 1981].

Для Матхуры имеется несколько дат по ^{14}C . Хотя между некоторыми из них возникает несоответствие, в целом же датировка, по-видимому, указывает на то, что носители культуры СЧК приходят сюда не позднее 700 г. до н. э. Таким образом, слои СРК в Матхуре датируются более ранним временем. Для Нокха есть три даты (гг. до н. э.): 745 ± 260 , 805 ± 150 и 900 ± 225 — и относятся они к среднему слою СРК. Можно не без основания предположить, что ранние слои СРК в Нокхе датируются 1000 г. до н. э., если не более ранним. Что же касается Атранджикхеры, то для нее определены две даты, дающие временную привязку для периода сосуществования на этом поселении СРК и СЧК: $640 - 500 \pm 150$ и $660 - 510 \pm 150$. Для самого слоя СРК здесь есть только одна дата — 1155 ± 110 , полученная благодаря исследованию нижнего слоя среднего этапа СРК. Начало бытования СРК в Атранджикхере, следовательно, можно отнести к XII в. до н. э.

На основании всего вышеизложенного реально утверждение, что появление СРК на поселениях, где применялся железный инвентарь, таких как Нокх и Атранджикхера, а по ассоциации с ними — Хастинапура и Матхура, ни в коем случае нельзя отно-

¹ Все датировки, приводимые здесь, скорректированы.

сильно ко времени позднее 1000 г. до н. э. Возможно, дата этого события много старше.

У нас нет радиоуглеродных дат для Бхагванпура и Дадхери, где СРК сосуществовала с отложениями, представляющими собой синтез позднихараппского комплекса с финальными элементами дохараппской традиции. Об этих поселениях следует сказать еще следующее. Если в Нокхе, Атранджикхере, Хастинапуре и т. п. железо применялось параллельно с медью, то раскопками в Бхагванпуре и Дадхери установлено отсутствие железа, хотя медь была широко распространена. Благодаря этому можно предположить, что Бхагванпур, Дадхери и ряд других поселений относятся к более раннему времени. Однако хотелось бы иметь больше фактов по данному вопросу.

Суммируем сказанное. Слои СРК на поселениях, где распространен железный инвентарь, могут датироваться в интервале между примерно 1100 и 700 гг. до н. э. для междуречья Верхнего Ганга и Ямуны; слои, в которых СРК сосуществует с СЧК, относятся к 700—500 гг. «Дожелезная фаза» культуры СРК, еще нуждающаяся в окончательном вычленении, вполне может датироваться временем до 1100 г. до н. э.

Обсудив технологический уровень и хронологию культуры СРК, хотелось бы установить, не имеет ли эта культура какого-нибудь отражения в древнеиндийской литературе. «Ригведа» представляет собой древнейший из дошедших до нас древнеиндийских текстов. За ней следуют три другие веды: «Самаведа», «Яджурведа» и «Атхарваведа»; потом — брахманы и, наконец, упанишады. Это не значит, что веды, брахманы и упанишады были полностью обособлены друг от друга во времени. Напротив, каждая последующая группа книг какое-то время сосуществовала с более ранней. Будучи в основе своей религиозными и философскими трактатами, эти тексты не представляют собой писаной истории. По той же причине от них нельзя ожидать детального изображения всех сторон материальной жизни народа, их создавшего. Тем не менее тут содержится достаточная информация, которая может помочь нам в попытках установить искомую корреляцию.

Мы рассмотрим проблему под тремя различными углами, а именно: «время», «пространство», «содержание».

Возьмем для начала «время». Имеются разные точки зрения на то, когда были созданы веды. Некоторые относят появление вед к 4000 г. до н. э., тогда как другие считают их «апаурушей», т. е. не созданными человеком, подразумевая тем самым, что они лежат вне координаты «время». Здесь не место для подробного обсуждения хронологии вед. Достаточно сказать, что большинство ученых сходятся на том, что период «Ригведы» охватывает примерно 1500—1200 гг. до н. э.,² идущий за ним ведийско-брахманский —

² Р. Н. Дандекар склонен отнести ранний рубеж примерно к 2000 г. до н. э., когда мантры не были еще зафиксированы в форме самхит, а арии все еще обитали в районе между Балхом и Саптасиндху. Мы, однако, в виде отправной точки взяли период колонизации Саптасиндху.

1200—800, а позднейший период брахманско-упанишадский — 800—500 гг. до н. э.

Переходим к фактору «пространство». Сведения, сообщаемые этими текстами, дают основание полагать, что «Ригведа» локализуется прежде всего в районе Саптасиндху, т. е. рек системы Инда, таких как Сарасвати и Дришадвати, хотя Ямуна и Ганг также упоминаются. В рамках современного политического деления район этот включает север Пакистана, Пенджаб, а также относящиеся к Индии Северо-Восточный Раджастхан и сопредельные части Харьяны. В наступивший потом ведийско-раннебрахманский период географический фокус перемещается в район, известный тогда под названием Мадхьядеша, соответствующий долине Верхнего Ганга и Ямуны, куда можно добавить некоторые области к западу от Ямуны. Наконец, во времена брахман и упанишад место действия передвинулось в Восточный Уттар-Прадеш и даже в Северный Бихар.

Теперь возьмем «содержание». Народ «Ригведы» находился в основном на догородской стадии, что характерно и для ведийско-брахманской эпохи. Только к началу периода упанишад ремесла и торговля начали играть сколько-нибудь заметную роль. «Ригведа» не упоминает городов, их нет даже в позднейших ведах. Термин *nağara* в значении «город» появляется не раньше «Тайттирийя-араньяки» (I, 11, 18) [Macdonell, Keith, 1958]. В период «Ригведы» и в более поздние ведийские времена дома строились в основном из тростника, обмазанного глиной. В «Атхарваведе» (IX, 3, 1—24) в отрывке, где говорится о даре жрецу, подробно сообщается о материале, из которого было построено жилище. Он включал в себя деревянные или бамбуковые столбы и бревна, камыш, циновки, веревки, плетеные детали, траву и т. д. Обожженный в печи кирпич в этой связи не упоминается. Слово *иштака*, означающее «кирпич», употребляется в более поздней ведийской литературе (например, в «Шатапатха-брахмане», X, 1, 3), но использование кирпичей было ограничено, видимо, сооружением алтарей для жертвоприношений; жилые помещения из них не строили.

Из злаковых, которые выращивал народ вед, на первом месте стоит, по-видимому, ячмень (*ява*). Рис (*врихи*) в «Ригведе» не упоминается, но о нем часто говорится в «Атхарваведе» (VI, 140, 2; VIII, 7, 20, и т. д.). Пшеница (*годхума*) также не встречается в «Ригведе», но на ее существование указывают «Майтрайни-самхита» (I, 2, 8), «Ваджасанейи-самхита» (XVIII, 12 и др.) и «Шатапатха-брахмана» (XI, 7, 1, 2). Интересно отметить и то, что рис в ритуальных действиях предпочитался пшенице.

Из животных, прирученных народом вед, особого упоминания заслуживает лошадь. В самом деле, трудно представить себе этих людей без лошади, которая мчала их колесницы и благодаря своей быстрой давала им преимущество над неприятелем.

Что же касается сферы технологии, упомянем особо два

фактора: использование железа и стекла. Слово *айас* в «Ригведе», по-видимому, служит общим обозначением понятия «металл». Сомнительно, чтобы оно значило «железо». Однако в ведийской литературе встречаются два отдельных термина: *кришнайаса* и *шьямайяса*, с одной стороны; *лохитайас* и *лохайас* — с другой. Например, «Джайминия-упанишад-брахмана» (III, 17, 3) и «Тайттирийя-брахмана» (III, 12, 6, 5) проводят различие между терминами *кришнайаса* и *лохитайас*. Слова *кришна* и *шьяма*, обозначающие «черное», очевидно, подразумевают черный металл — железо, тогда как слова *лохита* и *лоха* обозначают красный или красноватый цвет и предполагают медь [Banerji, 1965].

Для производства железных изделий в поздневедийские времена, по-видимому, использовали печи с мехами — *бхастра*, хотя некоторые ученые склонны переводить этот термин как «кожаное вместилище» [Macdonell, Keith, 1958, p. 99]. То, что термин означает «мехи», становится ясным из буквальных на то указаний.

На санскрите стекло обозначается словом *кача*. Если оно не встречается в «Ригведе», то получает широкое распространение в поздней ведийской литературе (например, в «Шатапатха-брахмане», XIII, 2, 6, 8; «Капиштха-Катха-самхите», XXXI, 9) [Dikshit, 1969, p. 162, 212].

Сомнительно, чтобы народ в эпоху «Ригведы» знал письменность, да и в поздневедийские времена положение, вероятно, не изменилось. Слово, обозначающее «письмо» (*липи* или *либи*), впервые встречается в «Аштадхьяйи» Панини (III, 2, 21), которую можно датировать приблизительно V в. до н. э.

Азартные игры были одним из способов времяпрепровождения народа вед, что становится ясным из детальных их описаний в «Ригведе» (II, 29, 5; X, 34). В поздневедийской литературе есть термины *двапара*, *трета*, *крита* и т. п., интерпретируемые учеными как обозначения цифр 2, 3, 4 и т. д., наносимых на игральную кость.

Способ захоронения умерших всегда является характерной особенностью культуры каждого народа. Использование таких терминов, как *агни-дагдха* — «поглощенный огнем» и *анагни-дагдха* — «недопоглощенный огнем», встречающихся в «Ригведе» (X, 15, 14), свидетельствует, что и на этом этапе практиковалось и кремление, и захоронение. Позднее, однако, кремация, по-видимому, полностью вытесняет захоронения.

Стремясь к краткости, мы можем назвать три фазы ведийской литературы, т. е., ригведийский, ведийско-раннебрахманский и последующий брахманско-упанишадский, как соответственно велит-I—III (велит вместо «велитийская литература»).

Теперь попытаемся выяснить, есть ли какие-нибудь параллели между велит-I—III, с одной стороны, и различными стадиями культуры СРК — с другой.

Как отмечалось выше, культуру СРК также можно разделить на три стадии. К средней (обозначаемой здесь СРК-II) относятся

поселения типа Хастинапуры, Атранджикхеры и др., расположенные в бассейне Верхнего Ганга—Ямуны и бытовавшие примерно в 1100—700 гг. до н. э. Стадия III культуры СРК (СРК-III) может служить определением периода, когда СРК сосуществовала с СЧК. Ее датируют приблизительно 700—500 гг. до н. э. К ней будут относиться ранние горизонты поселений типа Шравасты в восточной части Уттар-Прадеша. К стадии I культуры СРК относятся поселения типа Бхагванпура, Дадхери и др., лежавшие к востоку от междуречья Ганга и Ямуны, и те, что были расположены в долине Сарасвати. Эти поселения, возможно, датируются временем до 1100 г. до н. э., хотя последнее положение еще нуждается в дальнейших подтверждениях.

Взятые вместе, факторы «время» и «пространство», по-видимому, указывают на значительную степень совпадаемости между велит-I—III, с одной стороны, и СРК-I—III — с другой. Разумеется, было бы слишком смелым ожидать нечто еще большее, ибо изменения, фиксируемые в литературе, необязательно должны полностью совпадать с переменами, происходящими в материальной культуре, и наоборот.

Мы можем теперь дать несколько более детальное описание фактора «содержание». Подчеркнем вновь, что народ как велит-I, так и велит-II в основном находился на догородской стадии цивилизации, то же справедливо для носителей культуры СРК-I и II. Только к концу велит-III появляются различные признаки урбанизации, и подобная же ситуация складывается к концу СРК-III. В течение велит-I и II дома представляли собой плетеные мазанки, как и дома СРК-I и II. Если у нас нет данных о распространенности злаковых в СРК-I, то рис, пшеница и ячмень на этапе СРК-II дают хорошую параллель злаковым велит-II. Лошадь, появляющаяся в велит-I, встречается в СРК-I (Бхагванпур) и II (Хастинапура и Атранджикхера). Знание железа в велит-I представляется сомнительным; культура СРК-I тоже не дала до сих пор находок железа (Бхагванпур, Дадхери и др.). Железо встречается в велит-II, как и в СРК-II. О стекле упоминается в велит-II, его же обнаруживают в СРК-II.

Письменность, по-видимому, была неизвестна в велит-I и II, так же как в СРК-I и II. Указания на владение письменностью появляются лишь к концу велит-III. В той или иной степени аналогичной представляется картина и для конца СРК-III. Имеющиеся начиная с велит-I данные о игре в кости получают аналогии в находках на поселениях СРК-II (см., например, с. 114 — игральная кость из Аламгирпура).

И наконец, вопрос о захоронении мертвых. Хотя негативные данные никогда не следует переоценивать, вполне может статься, что кремация практиковалась уже в СРК-II, как это было в велит-II. Погребение в Бхагванпуре могло относиться к харапцам, так же как и к носителям культуры СРК, потому что здесь фиксируется период существования указанных культур. Таким образом,

трудно сказать что-либо определенное о том, как поступали с умершими на этапе СРК-I, и совсем нет данных для сопоставления соответствующего обряда с *анагни-дагдха* велит-I.

Из сказанного выше становится ясным, что существует полное совпадение между велит-II и СРК-II, или, иными словами, между поздневедийско-раннебрахманским периодом, с одной стороны, и характерным для междуречья Верхнего Ганга и Ямуны этапом культуры СРК — с другой [Agtawal, Kusumgar, 1974; Sharma, 1975—1976]. Аналогичным образом новые черты — урбанизация, письменность и т. д., — ясно обозначившиеся к концу велит-III (брахманско-упанишадский период), также проявляются к концу СРК-III (т. е. к концу периода сосуществования СРК и СЧК). Хотя по сей день не обнаружено ни одной надписи, относящейся к домаурийскому времени, есть достаточно оснований предполагать, что письменность начинается в несколько более раннее время.

Ставить знак равенства между велит-I, т. е. ригведийским периодом, и СРК-I, т. е. распространенной от Северного Пакистана до Северного Раджастхана фазой культуры СРК, следует, однако, чрезвычайно осторожно. Требуется больше фактов, относящихся к дожелезной стадии культуры СРК в этом ареале. В данном контексте можно определенные надежды связать с тем, что говорит А. Дани, обсуждая арийскую проблему в связи с культурой СРК и «культурой погребений Гандхары»: «... мы уже видели в нашем регионе, как проходило здесь вторжение этого народа серой керамики, распадающееся на два периода. Если ранняя дата из предположенных Лалом соответствует первому вторжению в наш регион, то пока у нас нет доказательств, на основании которых мы могли бы это вторжение распространить на Восточный Пенджаб и долину Верхнего Ганга. Но время второго вторжения совпадает примерно с периодом, когда культура СРК отмечается в Верхней Индии. Можем ли мы не видеть, что распространение данной культуры было результатом второго вторжения с запада? Определенный ответ на этот вопрос мы получим только тогда, когда нашими исследованиями будет охвачен и Пенджаб к востоку от Инда» [Dani, 1967, p. 54—55].

Это, разумеется, не означает, что культуре СРК принадлежат исключительные права на всю ригведийскую фазу. Могут быть и другие культуры-претенденты, потому что расстояние от Сарасвати в Раджастхане до Кубхи (Кабул) в Афганистане велико, а природные условия и рельеф самые различные.

«Махабхарата» — один из двух величайших индийских эпосов, второй эпос — «Рамаяна». Об их историчности велись долгие дебаты. Точка зрения одних сводится к тому, что события, описанные в этих источниках, соответствуют действительным, другие впадают в противоположную крайность и расценивают их как плод воображения. Трудность состоит в том, что эти эпосы даже приблизительно несовременны событиям, в них описываемым. Так, «Махабхарата» в той форме, в которой она дошла до нас,

очевидно, была завершена не ранее V—VI вв. н. э., потому что помимо *явана* (ионийские греки) и *ромака* (римляне) в ней называются *хуна* (гунны), которые вышли на подможку индийской истории где-то в упомянутое нами время. С другой стороны, Кришна, который столь часто фигурирует в «Махабхарате», едва ли жил позднее Будды (около VI в. до н. э.), ибо история Индии в последующие времена весьма хорошо известна. Таким образом, возникает явная лакуна между событием и доступным для нас текстом. Во-вторых, сам текст со времени своего создания подвергся широкомасштабным интерполяциям. Начать с того, что первоначально он назывался «Джая» и насчитывал всего 8800 стихов. Затем он стал известен как «Бхарата» с 24 000 стихов, и наконец, разросся до 100 000 стихов, более чем в 11 раз превзойдя по объему оригинал.

Оказавшись в ловушке между двумя вышеназванными, весьма отличными точками зрения (безусловным принятием текста или его полным отрицанием), автор захотел все же разрешить проблему.

Он задумал изучить и (или) раскопать поселения, ассоциирующиеся с упомянутыми в «Махабхарате», и выяснить, не прольют ли они свет на интересующий нас вопрос.

Вкратце сюжет «Махабхараты» сводится к следующему. Некогда жили две группы царевичей, двоюродных братьев: Кауравы и Пандавы. Кауравы, чьей столицей была Хастинапура, решили сжечь Пандавов заживо в специально для этого приготовленном доме в близлежащем поселении Варнавата (совр. Барнава в округе Мирут, штат Уттар-Прадеш). Пандавы почувствовали неладное, и каким-то образом им удалось бежать. Они направились на запад через Ямуну и неузнанные остановились при дворе правителя Виратанагары (Байрат в Раджастхане). Затем Пандавы выдвинули свои притязания на часть королевства, отправив Кауравам послание, в котором объявляли, что удовлетворятся уступкой им пяти деревень: Панипрастхи, Сонапрастхи, Тилапрастхи, Врикапрастхи и Индрапрастхи, в которых сегодня видят Панипат, Сонепат и Тилпат в Харьяне, Баглат в Уттар-Прадеше и Индрапат (Пурана-Кила) в Дели.³ Просьба эта выглядела невинной, поскольку касалась только пяти деревень. Однако в стратегическом отношении все названные пункты являлись ключевыми, ибо давали бы Пандавам полный контроль над районом к западу от Ямуны. К востоку от Ганга лежало королевство Панчала, правители которого уже были союзниками Пандавов, выдав за одного из них свою дочь. У Кауравов поэтому имелись все основания отклонить предложение. В результате последовала битва близ Курукшетры в Харьяне. Кришна, который поддерживал Пандавов, прибыл к ним на помощь из Матхуры.

³ Различные списки содержат небольшие разночтения в названиях поселений, местная традиция также дает несколько отличные их варианты.

Раскопки и исследования упомянутых выше и многих других поселений показали, что они были обитаемы одновременно с Хастинапурой, причем культура в них всюду одна и та же — СРК. Безусловно, одновременность существования поселений, названных в «Махабхарате», еще не подтверждает, что само повествование было основано на фактах. В этой связи очень интересный материал дали раскопки в Хастинапуре и Каушамби. В то время, когда народ — носитель культуры СРК — все еще обитал в Хастинапуре, произошел сильнейший разлив Ганга, на правом берегу которого стоит это поселение. Разлив снес значительную его часть, ясным свидетельством чего служат эрозионные шрамы, оставленные рекой на холме Хастинапуры. Часть смытого слоя осела у подножия холма в местах, прилегающих к эрозионным шрамам. Чтобы собрать данные об этом наводнении, были пробурены скважины в дне реки, и часть из них содержала смытые остатки, отложившиеся на отметке примерно 15 м ниже уровня почвенных вод. В результате бедствия поселение СРК в Хастинапуре было покинуто.

Здесь было бы уместным вспомнить следующее свидетельство пуран: «Когда город Хастинапуру унесет Ганг, Ничакшу покинет его и поселится в Каушамби» [Pargiter, 1913, p. 5, 65]. И как будто по заказу нижние горизонты в Каушамби дали поздний вариант СРК, что явно показывает преемственность Каушамби от Хастинапуры. И даже без подтверждения письменными источниками типа надписей (есть свидетельства, говорящие о том, что в те времена уже существовала письменность) имеющихся доказательств вполне достаточно, чтобы подтвердить вышеназванные сообщения литературы.

Мы уже говорили, что поселение СРК в Хастинапуре могло завершить свое существование где-то к 800 г. до н. э. В таком случае это совпадает со временем Ничакшу. Поскольку Ничакшу был пятым в ряду поколений, считая с Парикшита, занявшего трон после войны, которую описывает «Махабхарата», то саму войну можно отнести к IX в. до н. э.

Эта датировка, основанная на материалах археологии, находит подтверждение и в сообщениях литературных источников. После того как столицу перенесли в Каушамби, Ничакшу начал править в этом месте. Пураны приводят список его преемников, где Удаяна значится двадцатым после Парикшита. Как хорошо известно, Удаяна был современником Будды. Поскольку последний умер в 487 (или 483) г. до н. э., реально предположение, что Удаяна правил около 500 г. до н. э. Определение числа лет, прошедших между правлениями Парикшита и Удаяны, всегда будет иметь весьма субъективный характер. Но если следовать принципу объективизма, то можно обратиться к датировкам, сообщаемым самой индийской историей. От Кутбуддини Айбека, первого мусульманского правителя Дели, до Бахадур Шах Зафара, последнего могола, свергнутого англичанами, трон занимали 47 царей, правив-

ших в общей сложности 652 года. На каждого приходится примерно по 14 лет. На возможное возражение, что в средние века, дескать, были частыми перевороты и династические убийства, мы можем привести пример из более ранних времен, из периода древности, и обнаружим, что средняя продолжительность правления царей династии Канва составляла лишь 10.5 лет, а династии Шунга — 11.2 года. У Гуптов она, видимо, рекордная — 17.6 лет. Но если взять все хорошо известные династии древности (Маурья, Канва, Шунга, Шатавахана и Гупта), то продолжительность правления опять окажется равной 14 годам. Имея в распоряжении это среднее значение, обнаруживаем, что 24 поколения между Удаяной и Парикшитом занимали отрезок времени в 24×14 (336) лет. Суммировав данный результат с 500 г. до н. э., когда правил Удаяна, получим примерно 836 г. до н. э. Это, однако, не означает, что битва, описанная в «Махабхарате», имела место именно в 836 г. до н. э. Отнюдь нет. Тем не менее возникает представление, что указанное сражение разыгралось где-то в IX в. до н. э.

Таким образом, оказывается, и археология, и литература подтверждают, что в основе своей «Махабхарата» — не плод воображения [Fairervis, 1971, p. 349, 350; Buitenan, 1973, p. 9, 10]. В то же время дошедший до нас текст безусловно весьма превышает по объему первоначальный. И, кроме того, названный памятник никогда не претендовал на то, чтобы быть историческим документом. Это эпос, где воображение поэта всегда преобладает!

Выше мы описали характерные черты доисторической культуры, которая заложила подлинные и непреходящие основы индской цивилизации. Нет сомнений в том, что древнеиндийская цивилизация была великой во многих отношениях, но мало что сохранилось от нее в конечном счете. По причинам, все еще полностью для нас неясным, эта цивилизация увяла. Однако творцы культуры СРК, в которых видны поздневедийские арии (если не арии самой «Ригведы»), — это те люди, что дали Индии философскую мысль, прославившую ее по всему свету. И они передали потомству не одни лишь духовные ценности. Их вклад в материальную культуру был не менее значительным. Люди культуры СРК с их технологией обработки железа были первыми, кто привнес революционные новшества в строительное дело и изменил сам принцип постройки поселений в междуречье Верхнего Ганга и Ямуны. Их предшественники в этом регионе, т. е. народ культуры медных кладов, были не более чем случайными и временными поселенцами, едва ли оставившими какой-либо след в истории цивилизации. Далее, именно культура СРК подвела Северную Индию к рубежу того, что известно как вторая урбанизация. Слава, умершая с концом древнеиндийской цивилизации, возродилась спустя почти 1000 лет прямыми потомками народа культуры СРК — народом культуры СЧК. На прочном фундаменте, заложенном народом культуры СРК, было воздвигнуто здание, в котором на протяжении VI—V вв. до н. э. процветали не только легендарные

государства — махаджанапады, где правили такие цари, как Удаяна, Прасенаджит и Бимбисара, но и жили великие учителя, провозвестники религии — Махавира и Будда.

Л и т е р а т у р а

- Adrawal D. P., Kusumgar S.* Prehistoric chronology and radiocarbon dating in India. New Delhi, 1974, p. 1—170.
- Agrawal D. P., Bhandari N., Lal B. B., Singhu A. K.* Thermoluminescence dating of pottery from Sringaverapura: A Ramayana site. — PIAS, 1981, vol. 90, N 2, p. 161—172.
- Agrawala R. C., Kumar V.* The problem of PGW and iron in north-eastern Pajasthan. — In: Mahabharata: Myth and reality. New Delhi, 1976, p. 242—244.
- Allchin B., Allchin R.* The birth of Indian civilization. Harmondsworth, 1968. 365 p.
- Banerji N. R.* The Iron Age of India. New Delhi, 1965. 264 p.
- Buitenan J. A. B. van.* The Mahabharata. Chicago, 1973. 492 p.
- Chowdhury K. A., Ghosh S. S.* Plant remains. — In: Lal B. B. Excavations at Hastinapura and other explorations in the upper Ganga and Sutlej basins 1950—1952. — AI, 1954—1955, N 10—11, p. 120—135.
- Chowdhury K. A., Saraswat K. S., Buth G. M.* Ancient agriculture and forestry in North India. Bombay etc., 1977. 200 p.
- Dani A. H.* Timaragarh and Gandhara grave culture. — AP, 1967, vol. 3, p. 11—56.
- Dikshit K. N.* The Allahpur evidence and the Painted Grey Ware chronology. — RIA, 1973, p. 148—153.
- Dikshit K. N.* Excavations at Hulas and further exploration of the upper Ganga-Yamuna doab. — ME, 1981, vol. 5, p. 70—76.
- Dikshit M. G.* History of Indian glass, 1969. 400 p.
- Fairservis W. A.* The roots of ancient India, L.; N. Y., 1971. 482 p.
- Gaur R. C.* Excavations at Atranjikerā. Calcutta, 1982. 500 p.
- Chosh A.* The Rajputana desert — its archaeological aspects. — Bull. National Inst. of Sci. of India, 1952, N 1, p. 37—42.
- Ghosh A., Panigrahi K. C.* The pottery of Ahichchhatra, district Bareilly U. P. — AI, 1946, N 1, p. 37—59.
- Haertel H.* Some results of the excavations at Sonkh. — In: German Scholars on India. New Delhi, 1976, vol. 2, p. 69—99.
- Hegde K. T. M.* The Painted Grey Ware of India. — Antiquity, 1975, vol. 49, p. 187—190.
- Joshi J. P.* Overlap of late Harappan culture and Painted Grey Ware culture in the light of recent excavations in Haryana, Panjab and Jammu. — In: Paper presented at seminar on Indus civilization: Problems and issues, 2—7 nov. 1977. Simla, 1977. 120 p.
- Joshi J. P.* Interlocking of late Harappa culture and Painted Grey Ware culture in the light of recent excavations. — ME, 1978, vol. 2, p. 98—101.
- Lal B. B.* The Painted Grey Ware of the upper Gangetic basin: An approach to the problems of the Dark Age. — JASB, 1950, vol. 16, N 1, p. 89—102.
- Lal B. B.* Excavations at Hastinapura and other explorations in the upper Ganga and Sutlej basins 1950—1952. — AI, 1954—1955, N 10—11, p. 4—151.
- Lal B. B.* Did the Painted Grey Ware continue up to the Mauryan times? — Puratattva, New Delhi, 1977—1978, N 9, p. 64—80.
- Lal B. B., Dikshit K. N.* Sringaverapura: A key-site for the protohistory of the middle Ganga Valley. — Puratattva, New Delhi, 1978—1979, N 10, p. 1—7.
- Lal M.* Settlement patterns of Painted Grey Ware culture in the Ganga Valley. — In: Paper presented at intern. symp. on recent advances in Indo-Pacific prehist. Poona, 1978. 140 p.
- Macdonell A. N., Keith A. B.* Vedic index of names and subjects. New Delhi etc., 1958, vol. 1—2. 300 p.

- Mughal R. M.* New archaeological evidence from Bahawalpur. — ME, 1980, vol. 4, p. 93—98.
- Nautiyal K. P.* Pushing back the antiquity of Garhwal : Results of recent explorations and excavations. — In: Paper presented at seminar on regional historical writings in India with special reference to Western Himalayas, 22—25 oct. 1981. Simla, 1981. 200 p.
- Pargiler F. E.* The Purāna text of the dynasties of the Kali Age. Oxford, 1913. 140 p.
- Sahi M. D. N.* New light on the life of the Painted Grey Ware people as revealed from excavations at Jakhera (district Etah). — ME, 1978, vol. 2, p. 101—103.
- Sharma R. S.* The later Vedic phase and the Painted Grey Ware culture. — Puralitva, New Delhi, 1975—1976, N 8, p. 63—67.
- Sharma R. S.* Sudras in ancient India. New Delhi etc., 1980. 318 p.
- Sharma Y. D.* Past patterns in living as unfolded by excavations at Rupar. — Lalit Kala, New Delhi. 1955—1956, N 1—2, p. 121—129.
- Sinha K. K.* Excavations at Sravasti, 1959. Varanasi, 1967. 77 p.
- Suraj Bhan, Shaffer J. G.* New discoveries in Northern Haryana. — ME, 1978, vol. 2, p. 59—68.
- Tripathi V.* The Painted Grey Ware : An Iron Age culture of Northern India. New Delhi, 1976. 200 p.

Р. Н. Мехта

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДАТИРОВКЕ АТХАРВАВЕДЫ (по археологическим источникам)

Дискуссия по вопросам ведийской культуры имеет различные аспекты. Ее материальная сторона проявляется во многих мантрах. Примечательно, что ведийские риши, по крайней мере в «Атхарваведе», по-видимому, знали использование камней для срезания тростника и, возможно, травы. В соответствующей мантре имеется указание, что «...женщины срезают камнями тростник для пищи» (VI, 138, 5). Это указание предполагает знакомство с тростником нада и деятельностью по его сбору.

Тростник нада произрастает в болотистой местности. Его собирают для различных целей, срезая серпами или сходными орудиями, но не топорами. Инструмент из камня, использовавшийся женщинами времен «Атхарваведы», мог быть подобным орудием с длинным режущим краем.

«Атхарваведа» упоминает камни, заостренные Сомой, а также сообщает, что провидец видел каменные орудия (VIII, 4, 19). Мантры, в которых говорится об использовании каменных орудий и процессе их заострения, затрагивают ряд других важных вопросов.

Внимательное изучение индийских каменных орудий заставляет предполагать, что неолитические кельты, тесла и т. д. не могли быть использованы, так как они неудобны. Косы, которые происходят из Кашмира, удобные орудия. Однако их распространение ограни-

чено указанной долиной. Вследствие этого нельзя делать вывод о широком применении кос.

Выбор режущих камней следует ограничить областью ведийской культуры в Северном Раджастхане, Синде, Пенджабе и Харьяне, где сохранялись или собирались тексты вед. Если обратить внимание на этот район, то каменные орудия (пластины из кремнистого сланца, халцедона и т. д.) сосуществовали здесь с металлическими. Большими кремневыми пластинами можно было, вероятно, идеально выполнять названную в «Атхарваведе» работу. Другим вариантом были бы составные орудия из коротких пластин и микролитов. Они также в большом количестве найдены при раскопках в интересующем нас регионе. Более того, сообщение об их заостренности свидетельствует о трех процессах: об откалывании каменного орудия от ядрища, ретушировании и затачивании. Упоминания в «Атхарваведе» не проясняют, однако, вопроса о методе заострения.

Эти орудия и метод их заострения в области распространения ведийской культуры являются теми объектами, которые сохранились в традиции и памяти.

Примечательно, что мантра VI, 135, 5 употребляет настоящее время при описании действия. Настоящее время указывает на то, что провидец использовал сравнение, взятое из своего личного опыта. Этот аргумент, основывающийся на употребленном в высказывании времени, часто применяется для фиксации хронологии в санскритской литературе. Случай установления даты «Махабхашьи» Патанджали на основании фразы: «Яваны (греки) осаждали Мадхьямнику» — с глаголом, стоящим в имперфекте, предполагает, что сходный аргумент, связанный с использованием настоящего времени, был бы вполне уместным и обоснованным. Если аргумент, приведенный для установления даты «Махабхашьи», рассматривать как обоснованный, то следует допустить, что пророк из «Атхарваеды» действительно видел женщин, пользующихся режущими инструментами из камня. Отчетливое указание на использование каменных режущих орудий должно свидетельствовать, что во времена составления мантры такие орудия были известны жителям.

История каменных режущих орудий довольно продолжительна. Короткие пластины и негеометрические микролиты могли восходить к XIV тыс. до н. э. С этого времени они применялись по крайней мере до начала II тыс. до н. э. Поэтому интересно отметить, что риши — создатели мантр — могли видеть использование этих орудий в начале II тыс. до н. э., если не раньше.

Техника заострения ретушированием является очень древней и широко распространенной в области Брахмаварты. Техника затачивания сравнительно нова, но она была популярна около 1700 г. до н. э., а значит, какая бы техника ни использовалась, она была хорошо известна в начале II тыс. до н. э. Эти указания наводят на мысль, что провидцы «Атхарваеды», которых следует

считать более поздними, чем провидцы «Ригведы», действовали в начале II тыс. до н. э., и поэтому данное свидетельство должно предполагать, что поздневедийский период «Атхарваеды» относится к началу II тыс. до н. э.

Далее, рассмотрим ведийскую хронологию и отраженную в ведах материальную культуру. В ведийских самхитах имеются сообщения о металлах. Следовательно, упоминания металла в «Атхарваеде» указывают на период, когда режущие орудия из камня использовались наряду с металлическими. Археологически данная ситуация возможна только в период халколита. Сравнение в «Атхарваеде» (VI, 127) *dundubhi* с *indrasya musti* приводит к мысли, что *musti* является предметом из обожженной глины, напоминающим сжатый кулак. Он широко представлен в халколитических местонахождениях. Эта деталь должна дать дополнительное подтверждение тому факту, что в тексте «Атхарваеды» отражены культурные аспекты именно данного периода.

Таким образом, некоторые из мантр ведийских самхит были составлены в период халколита. Этот вывод должен объяснить засвидетельствованное жертвоприношение в Калибангане, Лотхале и, возможно, в Навдатоли, так же как и упоминание Харалпы (Хариупии) в текстах вед.

При внимательном чтении «Атхарваеды» обращает на себя внимание ссылка на письменную деятельность (VII, 50, 5). Исходя из нее следует предполагать наличие в эпоху халколита периода, когда была известна письменность. Примечательно, что этот период является периодом индской цивилизации.

В. Уитни, переводя указанную мантру, отмечает, что *samlīkhitam* и *samrddha* — это технические термины, непонятные нам. В период написания работы Уитни археологические открытия письменных материалов не были еще известны; следовательно, он назвал термин *samlīkhitam*, который обозначает некий тип письма, непонятным потому, что был убежден в более позднем появлении письменности в Индии.

Интересно отметить, что основой для понимания хронологии ведийского периода, предварительно принятой М. Мюллером, является предисловие «Катха-Сарит-сагары», художественного сборника, являющегося кратким изложением «Великого сказа», созданного Гунадхьей на языке пайшачи в период Сатаваханов. «Великий сказ» утерян, поэтому можно только гадать как о его форме, так и о его содержании. В произведении Сомадевы в XI в. отмечено, что Вараручи — это Катьяяна, упоминаемый в предисловии. Такое отождествление принято Мюллером, чтобы установить датировку ведийской литературы, и приводит к периоду от 600 до 200 г. до н. э. Указанная датировка, основанная на утверждении Сомадевы, которое не подкрепляется рассказом о рождении Вараручи, данным в самом тексте, является сомнительной.

В дальнейшем, прослеживая историю упанишад, араньяк

и брахман, М. Мюллер соглашается, что двухвековой период, предложенный им, слишком мал и не может быть принят по лингвистическим соображениям, однако арифметические подсчеты заставляют его относить создание памятников именно к данному периоду. В этом случае очевидно, что ученый руководствовался предубеждением, обусловленным, видимо, характером его научной подготовки.

Если бы период, предложенный им, продолжался три-четыре столетия, хронология больше бы соответствовала отдельным свидетельствам. Таким образом, упанишады датировались бы периодом от 1000 до 600 г. до н. э., араньяки и брахманы — 1400—1000 и 1800—1400 гг. до н. э. Такая хронология поздней ведийской литературы должна была бы отнести формирование самхит к периоду более раннему, чем 1800-е гг. до н. э., и наилучшим образом помочь в корреляции свидетельств из текста вед и археологических данных.

Изучение материальной культуры и увеличение населения в Харьяне, Курукшетре и Пенджабе также интересны в этом аспекте. Хастинапура, как принято считать, была основана Хастином. Ее самым нижним слоем является слой с халколитической керамикой; сходная ситуация существует в Раджа-Карна-Ка-Киле близ Курукшетры. Такие свидетельства наряду с упоминаниями Хариюпи тоже указывают на связи поселений и используются для того, чтобы скоррелировать аспекты ведийской культуры с культурой эпохи халколита и показать, что индийцы сохранили литературную традицию, пережившую многие стадии развития технологии. Тщательное изучение как литературной традиции, так и материальной культуры поможет нам лучше понять и интерпретировать древнеиндийское наследство.

В. С. Патхак

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЛОВА $\bar{a}rya$

В «Ригведе» целиком сохранился ряд слов, ведущих в конечном счете к образованию слова $\bar{a}rya$: $\bar{a}ga > \bar{a}gam$, $\bar{a}gi > \bar{a}rya > \bar{a}rya$. Там же мы встречаем $\bar{a}ga$ с родственными ему $\bar{a}ga$ и $\bar{a}gā$ и разными корнями, производными от \sqrt{ag} , $\bar{a}gam$ с большим количеством взаимосвязанных значений и в различных комбинациях — $\bar{a}gm\sqrt{ku}$, $\bar{a}gm\sqrt{gam}$, $\bar{a}gam\sqrt{gu}$, затем $\bar{a}gam-kriti$ / $\bar{a}lamkriti$, $\bar{a}ga-manasa\bar{m}$ и $\bar{a}gamiti$ (вед.), $\bar{a}gamaiti$ (авест.), а также $\bar{a}gi$ и $\bar{a}rya$ на различных стадиях семантического развития.

Некоторые из родственных элементов — $\bar{a}ga$, \sqrt{ag} и $\bar{a}ga$ — встречаются во многих европейских языках. В иранских диалек-

тах — осетинском, кучинском и других — $\sqrt{\text{аг}}$ означает «породить», а в авестийском и староперсидском есть слова агат и агуа. Тем не менее «Ригведа» является уникальным источником, содержащим свидетельства для реконструкции истории слова агуа, не только потому, что сохранила сведения в таком полном объеме и охватывает целый исторический цикл развития этого слова, но и потому, что содержит сведения о его первоначальном окружении, слова в их древнем контексте.

В начале этого ряда слов стоит ага, которое во многих европейских языках означает «плуг», от примитивной палки-копалки до современных форм пахотных орудий. Родственное ему ага и его варианты содержатся в финно-угорских, германских и кельтских языках в значении «шило»: финское ога, венгерское аг, древневерхненемецкое al, староанглийское al, литовское ule. В «Ригведе» ага (спица для колеса), ага — острая палка, использовавшаяся как стрекало или шило, и ага — «отверстие» встречаются в нескольких местах. В том же тексте ага попадает, хотя и редко, в значении примитивного плуга. «Приготовь (для плужения) орудие ага», — говорит провидец (X.101.2). Но действительно интересное свидетельство содержится в стихе из сукты, которая может быть названа гимном земледельческим работам. Несмотря на свою сложность, стих имеет необычайное значение для исследования раннеарийских слов, связанных с земледелием.

Gharmeva madhu jathare saneru
bhagevita turpharī phārivāram,
paṭareva chacharā chandra-nirṅg
mana-ringā mananya na jagmi.

(X.106.8)

Turpharī в данном стихе представляет собой слово сомнительного значения и происхождения. Turpharī, phāra-vaṅa, phārivās и pa-pharvī, очевидно, связаны с $\sqrt{\text{sphara}}$ (санскр.), spaizo (греч.) — «сеять», «развиваться». Греческое sperma (семя), армянское (S)-p'arat (разбрасывать, разделять), средневерхненемецкое sproējen (разбрызгивать) принадлежат к той же группе. $\sqrt{\text{Sphara}}$ в значении «пахать» сохранилось в su-para (плуг, перс.), spaṅ (плужный лемех, афг.) и spuṅ (плуг, памир.). Этот корень встречается в ведийской литературе (Ригведа, VI.61.14 и т. д.) и, возможно, связан с палийским phāreti «распространяется», «наполняет», «проникает».

Т. Барроу, следовательно, прав, когда интерпретирует phāra-vaṅa в смысле «засеянное поле», как и Г. Грассман, когда он предлагает значение «сеятель, сеющий человек». Это предположение приобретает силу благодаря слову pa-pharvī, которое означает «широкобедрую женщину, распутную женщину» при очевидном подразумевании процесса вложения семени. Свидетельство, заключенное в слове turpharī, подтверждает это. $\sqrt{\text{Tur}}$ в «Риг-

веде» — «истечение семени» — *retah turanyan* (X.61.11), а *turipa* означает сильного производителя, способного давать потомство (I. 142.10; III. 4.9, и т. д.). Следовательно, *turpaḥi* связывалось с идеей «вместилища животворного семени».

Pharivagam (*phāgīvās + agam*) — сложное слово, в котором *phāgīvās* является прилагательным от $\sqrt{\text{pṛhāṅ}}$ — «сеять» и означает «плуг» (*agam*), который сеет (семена). При таком определении значения слов стих становится вполне осмысленным. «Плуг, который сеет семена», уподобляется сосуду, содержащему мед. Следующая строка образно описывает сев. «Семена высыпаются из вместилища, как подвижные (*chachaga*) крылатые птицы (*patara*), но медленнее, что радует сердце». Это описание может быть сопоставлено со стихом-заклинанием (X.97.9), в котором растение (*ṣoshadhi*) определяется как *patatrini* (крылатая птица), и с этими словами сочетается *sira* (плуг). Совокупные свидетельства указывают на то, что сосуд с семенами прикреплялся к плугу.

В заключение можно сказать, что ага и его варианты первоначально означали палку с острым концом, которая развилась в различные орудия — спицу, стрекало, шило и плуг.

Ага — «господин», «породитель». В «Ригведе» ага иногда встречается в значении «господин» (V.58.5; VIII.20.14). А слово «господин» связано с «породитель», и процесс земледелия понимается на основе произведения потомства. Ага — «плуг» заключает в себе также понятие «отец» и часто ассоциируется с чревом и рождением. Позже добавилось значение «господин». «В первый раз, — как гласит гимн, — он (жрец) создает агам, таким же образом второй и третий раз; другие жрецы сотворили зародыш во чреве земли» (II.18.2). И ниже сказано, что тот, кто создает ага посредством гимнов, посвящен в таинство рождения, божественного и земного одновременно (I.70.3). Упоминается ага и как «пребывающий во чреве» (VIII.92.24). В другом стихе также «отец создает ага»: *agam yam pita akrinot* (II.17.6).

К счастью, корень ага — «деторождение» сохранился в некоторых иранских диалектах — осетинское ага-, кучинское ег и агни аг. Интересно отметить, что агам в значении «рождение» фигурирует в «Авесте». Стихи в гимне *Ustavaiti* содержат фразу «*Asa anhus agam vaidayai*». О. Барт считает агам наречием и переводит как «правильно». Г. Ломмель и Т. Тараповалева считают его существительным единственного числа винительного падежа и толкуют в значении «цель, или конечное назначение жизни».

Грамматическая конструкция, предложенная Г. Ломмелем, представляется верной, хотя ее смысловая интерпретация может быть ошибочной. Стихи «Авесты» содержат мысль, родственную гимну «Ригведы» (I.70. 3), которая ведет к пониманию таинства рождения в ведийских суктах. Указанное полустигшие может быть переведено так: «Для понимания (загадки) рождения (создания) жизни посредством Аса (священное знание)».

Агам — мистическая сила порождения и защиты. Значение слова агам в смысле способности производить и порождать развивалось в двух различных направлениях. Сначала из ага — «господин» появилось значение «служба господам»: «Как рабы мы несем службу (agam) для богатых» (VII.86.7), что можно сопоставить с «мы являемся последователями (charamah) господ (agamam)» (V.88.5; VIII.20.14).

Вторым значением, которое постепенно путем новообразований разрастается, было «действие, богослужебный акт или символ, обладающие способностью порождать и защищать». Мудрец создает для верующих или приносящих жертву агам (II.5.8), что первоначально заключалось в надении благом (svasti) и в одолении зла (X.63.6). В 29-м гимне седьмой мандалы agam-kriti отличается от brahma-kriti, причем последнее, как сказано, состоит в питье сомы и в произнесении мантр, содержащих призывы к богам и их восхваление. Agam-kriti, напротив, составлялось, по всей видимости, гимнами, посвященными мольбе о благополучии и защите от зла (X.63.6). В нескольких местах упоминается сотворение агам посредством гимнов: «Агни отдает богатство тому жертвователю, который создает агам с помощью гимнов» (I.70.3). Сообщается также, что Шрутакаша пел агам для того, чтобы получить корову и лошадь (X.92.5).

Агам создается также путем действия — aras (X.44.8). Ведийское aras, авестийское hvaras, латинское opus — слова, которые в основе обозначают действие, работу, употребляются в индийской традиции как эстетическая идиома с ведийских времен до средневековья. Это понятие включает в себя визуализацию объектов, а также создание изобразительных композиций, символов или образов.

Прилагательное agam-krita, обычно переводившееся как «украшенный», встречается несколько раз в «Ригведе» и может вариативно определять божество, жертвоприношение, жертвователя или жертвенный материал. Как было убедительно продемонстрировано С. А. Данге, украшение тела или материала на период хранения или на время ведийского обряда имело первоначально защитную функцию, служило для защиты от зла, а не для украшения. Agam-kriti явственно имеет три значения: в применении к божествам выступает в значении «добрая служба», причем агам в данном случае — «служба господам»; в применении к жертвоприношению, жертвователю или жертвенному материалу обозначает защиту от множества зол; в применении к жрецам или просителям имеет смысл надения желаемым.

Оставив в стороне развитие agamkṛiti в более позднее alamkāra, следует обратить внимание на ассоциацию agamkṛiti и агам с корнем man. В ведах Ману (ср. авест. Manus-chithra, пехлеви Manuchihg) и Манья, сын Митры-Варуны, описываются как «украшенные» (соответственно X.51.5; VIII.67.3). Далее, агам в некоторых стихах (VI. 16.43; VIII.82.3, и т. д.) встречается в словосо-

четании с ведийским *manu* (ср. авест. *ma'nuus*), означающим «дух», «сознание», «мысль». Наконец, скажем о сложных словах *aga-manas* (VI.17.10) и *agamati* (II.38.4; V.43.6, и т. д.), в которых *manas* и *mati* тоже произошли от корня *man*. Все слова этой группы имеют, по-видимому, значение «мысль», «дух», «сознание» или «пыл», «рвение» в связи с *aga*, которое в данном случае может означать «развитие», «приумножение».

Это предположение подтверждается примерами употребления в «Ригведе» слова *agamati*, которому в «Авесте» соответствует *agamaiti*. Мейрхоффер, Г. Грассман и К. Гелднер интерпретируют это слово как «благоговейный» или «благомыслящий». Однако интересно заметить, что *Agamaiti* «с самого начала имеет в „Авесте“ землю в качестве своей сферы деятельности», что *agamati* как прилагательное от *mati* (земля) фигурирует в различных ведийских стихах (V.43.6; VII.36.8; 42.3), что в разных стихах (VII.1.6; 34.21) *Agamati* описана как «подательница богатств» (*vasu*) и как «породительница» (*savita* — от корня *su* — «породить»). Следовательно, *Agamati*, по-видимому, является индоиранской богиней благосостояния и произрастания, заключавшей в себе основную идею созидания. Некоторый интерес представляет сравнение *aga-mati* и *agu-manas*, ибо, как мы увидим, *agu* является производным от *aga*; кроме того, и *mati*, и *man* произошли от корня *man*, а *Aguaman* и *Agamati* принадлежат к индоиранскому пантеону.

В заключение отметим, что корень *ag* и существительные *aga*, *agam* в различных словосочетаниях и в составе сложных слов образуют серию логически и генетически связанных понятий, и это приводит нас к мысли об их постепенном развитии: *плуг* > *создатель* > *господин* > *сила созидания и отвращения зла*. Многие из этих понятий имеются и в ведийской, и в иранской традициях.

От корня *ag* произошел другой — *agi*, который стал центральным объектом длительной дискуссии среди лингвистов-иранистов. Не делая обзора имеющихся исследований П. Тиме («*Der Fremdling*»), Ж. Дюмезиля («*Histoire des religions*»), Д. Чаттопадхьяи («*Indian linguistics*») и др., мы осмелимся утверждать следующее. Слово *agi* (как *aga*) отражает в различных стихах «Ригведы» общее представление о господине или предводителе группы — значение, которое поддерживают Яска (*isvaropi agih*) и Саяна (I.9.10). Подобно словам *krishti* и *charshini* и по тем же причинам слово *agi* породило благоприятные и неблагоприятные дополнительные значения — предводитель своей группы описывается как прекрасный и превосходный (ср. греч. *aristos* — «выдающийся»), тогда как лидер врагов — как злой и коварный. Один стих (X.28.1) ясно показывает, что образование групп и стратификация не основывались на этнической принадлежности.

Однако, *agi*, видимо, является, распространением понятия *aga* — «господин». *Agi* знает *uktha*, и боги одаривают верующих богатством по просьбе *agi* (I.186.3; VIII.2.14). *Aga* был лишь

лидером, Агі становится также и жрецом. Агі как певец участвует в жертвоприношениях и раздаче благ. Наконец, агі ассоциируется с вайшьями, сословием, занимавшимся земледелием и торговлей.

Это приводит нас к агуа, производному от агі, которое как *ap̄todatta* имеет значение «господин», но как *adyodaita* обозначает вайшью, и в этом отношении разделяет с агі свойство использования в двух различных смысловых аспектах. Так же как и агі, оно иногда употребляется в отрицательном смысле (IV.16.19; V.33.2; VI. 48.16; *aryah pasanta*, IX. 79.1), но обычно имеет положительное значение. Как и агі, слово агуа тоже переводится как «господин», «жрец» и «податель благ». В некоторых стихах идея слова агуа — определенно «производитель» или «отец» (VIII.1.34; IV.2.8). В древнеперсидских надписях оно обозначает также «высокородный человек». Следовательно, происходило дальнейшее развитие значений: *плуг* > *рождение* > *породитель-господин* (*предводитель группы, жрец, податель благ*) > *сила созидания и ограждения от зла*.

Наконец, агуа есть āguā с начальным долгим «а». С течением времени оно вобрало несколько дополнительных значений, однако данное исследование ряда слов показало, что весь комплекс происходит от ага — «плуг».

К. Р. Амур

НАХОДКИ КОСТЕЙ ЛОШАДИ В ДОАРИЙСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСАХ ИНДИИ

Временем расселения арийских племен на территории п-ова Индостан традиционно считается середина II тыс. до н. э. Полагают, что арии пришли из северной степной зоны с богатыми пастбищами, подобно тому как они распространились из той же зоны в Иран, Северную Месопотамию, Анатолию и Сирию. Столь же традиционно одним из свидетельств распространения арийских племен в Индии считается наличие остатков лошадей и колесниц. Боевые колесницы ариев Индии, известные по описаниям письменных источников, по своему устройству были в общих чертах такими же, как и в других частях древнего мира: в Китае, Иране, Месопотамии, Малой Азии и крито-микенской Греции. Однако до сих пор остается неизвестной порода древнейших лошадей Индии. На протяжении исторического периода лошади в Индии были завезены из разных стран: Ирана, Афганистана, северных степей, а позднее также из Аравии.

Предыстория лошади имеет много неясного, но, судя по всему, она появилась на земле задолго до человека. Известная нам исто-

рия лошади начинается в эоцене с появления зогиппуса (четырепалая лошадь). Несколько видов зогиппуса, имевшего величину от терьера до шотландского пони, обитало в Северной Америке. В последующую эпоху, в олигоцене, лошадь стала больше походить на современную, у нее на передних ногах исчез один палец. В плейстоцене процесс морфологических изменений продолжался: вместо двух боковых пальцев остались лишь костные образования, только средний палец, находясь в роговой оболочке, сохранил свою функцию. До недавнего времени *Equus caballus* был единственной известной живой разновидностью этого рода. Н. М. Пржевальский открыл и описал в пустынных районах Центральной Азии новый вид дикой лошади, которая позднее была названа его именем. Особи данного вида отличаются от *E. caballus* тем, что у них длинные волосы начинаются в нижней части хвоста, нет челки, а грива короткая и стоячая. В Новом Свете остатки дикой лошади не зафиксированы.

Миграцию лошадей из предполагаемой области их происхождения — степной зоны Азии — разделяют на три основных потока. Один — восточный — положил начало китайскому и монгольскому типам. Другой — западный — привел к появлению в Европе обширных стад первобытных лошадей, которые распространились по всему континенту. Наконец, третий поток направился на юго-запад в области Ирана, Малой Азии, Индии и Аравии. Именно от этого потока происходят предки почти всех современных пород лошадей.

Обратимся к индийским материалам. В отчетах С. Свелла и Б. Прасада [Prasad, 1936] об остатках животных из Мохенджодаро и Хараппы не содержится сведений о наличии лошади в долине Инда в эпоху бронзы. В коллекции из Мохенджодаро имеется часть нижней челюсти лошади, но указано, что она происходит из поверхностных слоев. В остеологических коллекциях Хараппы нет остатков лошади. С нашей точки зрения, странно, что в такой великой цивилизации отсутствовала лошадь в то время как, например, осел и кошка были одомашнены. Это тем более странно, что приручение доисторической лошади засвидетельствовано Дюрстом на юге Средней Азии (в Анау),¹ Гаррод и Бейтом в Палестине. Прасад в своем отчете отметил несколько пястных костей, принадлежавших, по его мнению, дикому ослу. К. Джордж (университет г. Бароды) сомневается в правильности подобной идентификации и считает, что это кости лошади. Изучение относительных размеров данных костей показало, что они принадлежали не домашнему ослу, а, возможно, небольшой лошади. Следовательно, реально заключение, что лошадь, сходная

¹ Новые работы на Анау, материалы которого в начале XX в. изучались Дюрстом, показали, что за кости домашней лошади были приняты остатки кулана. На юге Средней Азии домашняя лошадь появляется не раньше начала—середины II тыс. до н. э. (Примеч. ред.).

с обнаруженной в Анау, но меньшей величины, имелась и в Хараппе.

Гаррод и Бейт описывают древнюю лошадь, остатки которой найдены в ходе раскопок в Палестине, как животное средних размеров с крепкими ногами и тяжелой головой, сходное со степным типом лошади Экварты, которая, вероятно, является представителем лошадей Пржевальского. Считается, что лошади степного типа были распространены в Европе и Азии в эпоху верхнего палеолита, если не ранее. Поэтому возможно предположение, что указанные типы, включая и хараппскую лошадь, были близкородственными формами, возникшими из одного вида.

Новые данные по этому вопросу дали раскопки в Халлуре на левом берегу Тунгабахдры. Здесь в феврале—марте 1965 г. работал М. С. Нагараджа Рао, куратор музея университета в Карнатке. Раскопки показали, что древнейшие наслоения относятся к эпохе неолита (около 2000 г. до н. э.). Исследователь выделил два культурных периода. Период I, неолитический, по керамическим материалам подразделяется на две фазы: фаза 1, неолитическая, характеризуется лепной керамикой, найдено несколько шлифованных орудий; фаза 2, неолитическо-халколитическая, отличается лепной керамикой, большим количеством орудий из шлифованного камня, новой пластинчатой каменной индустрией и изделиями из меди. Период II отнесен к железному веку, хотя продолжает существовать ряд ранних черт; появляются и новые элементы — лощеная черно-красная керамика с белой росписью и орудия из железа. В ходе раскопок были обнаружены кости животных, в том числе лошади. Так, в слоях фазы 2 периода I встречены два моляра (№ 351, 496), край пясти (№ 467), вторая фаланга лошади (№ 517). Кости № 351 и 496 идентифицируются по эмалевым складкам и расположению ячеек. Суставные поверхности образца № 467 указывают на его принадлежность лошади. Кость № 517 имеет специфические особенности; по размеру определена ее принадлежность лошади средней величины, преобладавшей на раннем этапе приручения. В слоях периода II найдена маленькая боковая пястная кость лошади (№ 212). Массивность свидетельствует, что она принадлежала дикой особи (у современных домашних лошадей эта кость тонкая и изящная).

Находки костей лошади в Халлуре не соответствуют традиционному мнению, что лошадь и колесница были принесены в Индию арийскими племенами. Поэтому данное открытие не было признано некоторыми исследователями, хотя нет оснований отвергать его.

Свидетельства наличия лошади в Индии в период до переселения туда арийских племен побудили специалистов провести новые раскопки в Халлуре в надежде на то, что они помогут устранить возникшее замешательство. При повторных раскопках, осуществленных под руководством М. С. Нагараджа Рао, были найдены следующие кости лошадей: в слое 7 — резец, в слое 9 —

третья фаланга, резец, крестец; в слое 10 — шейный позвонок, четыре пясти. Мы не хотим в данном сообщении комментировать эти находки, однако считаем, что положение требует организации специального учреждения в Индии по исследованию фаунистических остатков, добываемых археологами.

Л и т е р а т у р а

Prasad B. Animal remains from Harappa. — MASI, 1936, N 51, p. 62.

Г. А. Кошеленко

ИССЛЕДОВАНИЕ БУДДИЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ В МЕРВЕ

Археологические исследования последних лет дали значительный новый материал для изучения проблем экономических, политических и культурных связей между народами Средней Азии и Индии в древности и средневековье. Особенно интересные данные получены в результате раскопок на Кара-Тепе, Фаяз-Тепе, в Дальверзине (Южный Узбекистан) и Аджина-Тепе (Южный Таджикистан) по одному из наиболее важных вопросов — истории распространения буддизма в Средней Азии [Литвинский, Зеймаль, 1971; Новые находки..., 1975; Пугаченкова, 1979].

Среди недавно открытых памятников буддизма в Средней Азии особое внимание привлекают две ступы Мерва, поскольку они представляют собой наиболее западные материальные свидетельства распространения буддизма вне пределов Индии. Одна из них была возведена в II—III вв. н. э. в юго-восточном углу городища Гяур-Кала [Кошеленко, 1966б, Усманова, 1975]. Ступа была построена на остатках здания более раннего времени. Первоначальное ее устройство было достаточно простым: в основе находилась монолитная, почти квадратная в плане (12,5 × 13 м) платформа, выполненная из сырцового кирпича. Стороны ее ориентированы почти строго по странам света. Центральная часть платформы занята монолитной (из сырцового кирпича) башней с купольным завершением (диаметр 4,8 м, высота 3,4 м). Внешняя поверхность башни покрыта слоем глиняной штукатурки и затем окрашена в красный цвет [Vagcau, 1962].

В северо-западном и северо-восточном углах платформы были обнаружены остатки двух симметрично расположенных колонн, сделанных из сырцового кирпича и покрытых глиняной штукатуркой. Подобное расположение колонн не совсем обычно, хотя и возможно [Benisti, 1960]. Чаше колонны располагались у входа и украшались изображениями священных животных, главным образом

слонов и львов [ibid., p. 41; Combaz, 1933, p. 212]. С северной стороны на платформу вела лестница, фланкированная двумя выступами. На поверхности их уцелели остатки красной и черной краски. Ступени лестницы сохранили следы окраски в белый и красный цвет.

Общая простота памятника и особенности плана (квадратная платформа) заставляют думать, что данная ступа относится к «переходному типу», согласно классификации А. Фуше [Foucher, 1905, p. 72]; этот тип в начале нашей эры заменяет «древний тип», для которого был характерен круглый план платформы. Большое число ступ такого типа построено в первые века нашей эры на территории Северо-Западной Индии и Афганистана [Marshall, 1951, p. 10, 23, 24, 27—30; Hackin et al., 1959, p. 120, 121].

Видимо, в конце III в. н. э. ступа была разрушена. Возможно, это было связано с гонениями на буддистов со стороны сасанидского правительтва и зороастрийской церкви. Однако вскоре ступа была «возвращена к жизни» и перестроена: несколько расширилась платформа, повысился ее уровень и был сделан новый «футляр», покрывший башню (диаметр башни теперь 6.8 м), вокруг башни создан обводной коридор.

Следующий этап существования ступы относится к IV в. н. э. В это время была заново перестроена башня (ее диаметр достигал теперь 10 м) и создан новый обводной коридор. Перестройке подверглась и парадная лестница. Перед платформой были построены две колонны и поставлена глиняная статуя Будды очень больших размеров. В ходе раскопок нашли, правда, только голову этой статуи (высота 75 см, ширина 45 см), довольно сильно пострадавшую. Имеются свидетельства нескольких подновлений скульптуры: первоначально она была окрашена в розовый, затем в желтый и, наконец, красный цвет. При всех перекрасках глаза всегда оставались голубыми, брови — коричневыми, губы — ярко-красными, а волосы — синими. Хотя пропорции головы довольно вытянутые, в целом она производит впечатление определенной тяжеловесности (из-за широкой нижней части).

Гигантские статуи Будды в общем иногда встречаются в буддийском искусстве. Достаточно упомянуть статуи в Бамиане (Афганистан) или в Аджина-Тепе. Голова статуи Будды, очень близкая по размерам, обнаружена в Таксиле [Marshall, 1951, p. 1056].

Для датировки мервской скульптуры довольно точным показателем является характер трактовки волос, однако в данном случае он не совпадает ни с одним из четырех выделенных А. Кумарасвами типов [Coomaraswamy, 1928, p. 815]. Некоторую помощь в этом отношении может оказать одна из особенностей буддийского искусства: в нем иконографические формы обычно сначала устанавливаются в литературной традиции и только затем переходят в изобразительное искусство. Поскольку канонизация системы окраски изображений Будды в его различных проявлениях создается

около 300 г. н. э. [Bhattacharyya, 1948, p. 32], вряд ли мервская статуя с ее неоднократным перекрашиванием лица Будды могла быть изготовлена намного позже этого года.

Рядом с головой статуи была открыта ваза, в которой находились буддийские рукописи. Эта ваза представляет собой почти уникальное явление в истории искусства Средней Азии. На ее поверхности изображены (в соответствии с традициями искусства Сасанидского Ирана) четыре сцены: охота героя, свадебный пир, болезнь героя, его погребение [Кошеленко, 1966а].

В момент перестройки ступы к югу от нее построили здание монастыря (общая площадь около 140 м²). Оно делилось на две части: жилую и культовую. Во время раскопок были обнаружены помимо некоторого количества бытовой утвари фрагменты глиняной штукатурки со следами росписи и глиняной же скульптуры.

Гибель и ступы, и сангарамы относится к VI в. н. э., возможно ко времени царствования Хосрова I (531—579 гг.). Однако, видимо, практически тогда же на очень небольшом расстоянии от первой, но уже за пределами городских стен была построена вторая ступа [Ртвеладзе, 1973]. По планировке она в сущности аналогична первой: в основе лежала монолитная платформа, сложенная из сырцового кирпича. Размеры ступы 15,4 × 15,6 м. Центральная часть платформы была занята монолитной, круглой в плане башней (диаметр 11 м). На северной стороне платформы располагалась лестница. При исследовании ступы найдены каменный сосуд, содержащий сасанидские монеты V—VI вв. н. э., несколько каменных статуэток гандхарского стиля и рукопись «Винаи» (письмо-брахми) [Воробьева-Десятовская, Темкин, 1966]. Эта ступа гибнет в VII в. н. э.

Открытие описанных выше памятников в Мерве позволяет по-новому взглянуть на данные письменной традиции относительно распространения буддизма в Парфии (Маргиана со II в. до н. э. и вплоть до конца существования Парфии входила в ее состав). Они, по-видимому, хорошо согласуются с данными цейлонской хроники, проанализированными Б. А. Литвинским [1967] и позволяющими считать, что в юго-восточных частях Парфии буддизм начал распространяться в I в. до н. э.—I в. н. э. Подтверждаются археологические наблюдения и сведениями, почерпнутыми из китайских источников, освещающих ход распространения буддизма в Китае [Zürcher, 1956; Кошеленко, 1966б; Литвинский, 1968]. Проникновение буддизма в Китай (начало его середина I в. до н. э.—середина I в. н. э.) связано с развитием торговли по Великому шелковому пути. Первыми миссионерами в Китае выступали жители Средней Азии, среди которых была заметной и роль парфян. Достаточно упомянуть купца Ань Сюна, поселившегося в Китае и ставшего очень активным пропагандистом буддийского вероучения [Maspero, 1934, p. 93; Zürcher, 1956, p. 23].

Еще более показательный пример — парфянский принц Ань Шигао. Прибыв в Лоян в 148 г. н. э., он стал руководителем буд-

дийской общины, уже ранее существовавшей здесь. Принц способствовал широкому распространению буддизма, организовав в Лояне школу переводчиков. Он и сам переводил некоторые сочинения на китайский язык; позднее некоторые его переводы считались образцовыми [Maspero, 1934, p. 93; Züchner, 1956, p. 32]. Роль парфян в распространении буддизма в Китае предполагает и значительное распространение этого вероучения в самой Парфии. А. Масперо, видимо, совершенно справедливо предполагал, что Ань Шигао являлся представителем какой-либо из местных династий, правивших в восточной части Парфии [Maspero, 1950, p. 189]. Вероятнее всего, что это была маргианская ветвь династии Аршакидов.

Таким образом, есть основания считать, что буддизм играл значительную роль в Мерве на протяжении позднепарфянского и всего сасанидского периодов. Это тем более показательно, что данный город был главной твердыней сасанидского владычества на Востоке и как таковой пользовался особым вниманием и центральной администрации, и официальной зороастрийской церкви. Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что разрушение «городской» ступы и возведение «загородной» происходит практически одновременно. Видимо, в этом можно видеть отражение политики местного сасанидского правителя: запрещение буддистам иметь места своего культа в пределах города, но (учитывая значение буддийской общины) разрешение их строительства вне городской черты.

Наконец, в заключение отметим, еще один важный момент. В последнее время был вновь поднят вопрос о существовании особой ветви буддизма — иранской, центром которой являлся монастырь Нав-Бахар возле Балха, а влияние охватывало территории современных Западного Афганистана, Восточного Ирана и южных частей Средней Азии (включая Самарканд и Бухару) [Bulliet, 1976]. Если это предположение верно, то, видимо, в эту зону должен быть включен и Мерв.

Литература

- Воробьева-Десятовская М., Темкин Э. Индийские рукописи в Туркмении. — Наука и жизнь, 1966, № 1, с. 26.
- Кошеленко Г. А. Уникальная ваза из Мерва. — ВДИ, 1966а, № 1, с. 92—105. (Кошеленко Г. А.) *Koshelenko G. A. The beginning of Buddhism in Margiana.* — AAASH, 1966b, t. 14, fasc. 1—2, p. 175—212.
- Литвинский Б. А. Махадева и Дуттхагамани: (О начале буддизма в Парфии). — ВДИ, 1967, № 3, с. 88—91. (Литвинский Б. А.) *Litvinsky B. A. Outline history of Buddhism in Central Asia.* Dushanbe, 1968. 110 p.
- Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджива-Тепе. М., 1971. 260 с.
- Новые находки на Кара-Тепе в Старом Термезе / Под ред. Б. Я. Ставского. М., 1975. 200 с.
- Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрия эпохи кушан. М., 1979. 247 с.

Ртвеладзе Э. В. Новый буддийский памятник в Старом Мерве. — ТЮТАКЭ, 1973, т. 15, с. 231—235.

Усманова З. И. Буддийский памятник в Мерве. — МИИАСНТ ТГУ, 1975, № 533, с. 12—20.

Bureau A. La construction et le culte des stupas d'après les Vinayapitaka. — BEFEO, 1962, t. 52, fasc. 2, p. 1—20.

Benisti M. Etude sur le stupa dans l'Inde ancienne. — BEFEO, 1960, t. 50, fasc. 1, p. 20—45.

Bhattacharyya B. The Indian buddhist iconography. Calcutta, 1948. 478 p.

Bulliet R. W. Naw Bahar and the survival of iranian Buddhism, Iran — JPS, 1976, vol. 14, p. 140—145.

Combaz G. L'évolution du stupa en Asie. Bruxelles, 1933, vol. 2. 250 p.

Coomaraswamy A. K. The Buddha's cuda, hair, usnisa and cravn. — JRAS, 1928, N 4, p. 815—841.

Foucher A. L'Art greco-bouddhique de Gandhara. Paris, 1905, vol. 1. 639 p.

Hackin J., Carl J., Meunie J. Diverses recherches archéologiques en Afghanistan (1933—1940). Paris, 1959. 144 p.

Marshall J. Taxila. Cambridge, 1951, vol. 1. 397 p.

Maspero H. Les origines de la communauté bouddhiste de Lo-yang. — JA, 1934, t. 225, p. 87—107.

Maspero H. Le taoïsme : (Mélanges posthumes). Paris, 1950, vol. 2. 268 p.

Zürcher E. The Buddhist conquest of China. Leiden, 1956. 469 p.

Р. М. Жанполадян

АРМЯНСКИЕ ИСТОЧНИКИ V—VII вв. ОБ ИНДИИ

Наиболее популярные источники, содержащие материалы по истории Средней Азии и Индии, — это сведения античных, персидских, китайских и арабских авторов. Историки Востока уделяли главное внимание крупным государствам и меньше занимались судьбами небольших народов, в той или иной степени с ними связанных. Интересные, хотя и немногочисленные, данные о кушанах, хионитах и эфталитах, имеющиеся в трудах армянских историков, долгое время не входили в научный обиход. Некоторые из этих авторов были современниками описываемых ими событий, и потому их сообщения надежнее, чем более поздних арабских источников, и, кроме того, часто содержат такие сведения, о которых другие источники не упоминают.

Интересующие нас материалы находятся в трудах следующих армянских историков V—VII вв.: Фавстоса Бузанда [1953], Агафангела [1977], Егише [1971], Лазара Парпеци [1904], Мовсеса Хоренаци [1893], Себеоса [1879]. Несмотря на то что многие приведенные ими сведения носят случайный и отрывочный характер, они все же несомненно имеют определенную историческую ценность. Сведения эти привлекали внимание некоторых историков

уже в конце XIX в.: Н. Эмина, К. Патканова, Г. Халатьянца, В. Ланглуа, М. Броссе, И. Маркварта. Благодаря переводам на русский и европейские языки сочинений отдельных авторов или отрывков из них ими стали пользоваться более широкие круги ученых: Н. Я. Марр [1905], В. В. Бартольд [1963], А. Ю. Якубовский [1950], С. П. Толстов [1948], Н. В. Пигулевская [1946], А. Н. Бернштам [1947] и др.

Специально данными армянских источников V—VII вв. о кушанах, хионитах и эфталитах занималась К. В. Тревер [1954]. Она показала, что в этих источниках под ранним этническим термином «кушаны» часто понимаются хиониты, относившиеся к тому же массагетскому союзу племен. В работе Л. Х. Тер-Мкртчян «Армянские источники о Средней Азии V—VII вв.» собраны все сведения о Средней Азии этого периода [1973]. Даны краткий историографический обзор и армянские тексты с русским переводом.

Древнейшим из армянских авторов является историк конца IV—начала V в. Бузанд, который в своей «Истории Армении», написанной на большом фольклорном материале, упоминает кушан, маскутов и хуннов. На кушанах, касаясь событий второй половины IV в., он останавливается дважды. При царе Папе Аршакуни (368—374 гг.) кушаны «прекратили военные действия против армян, ибо царь кушан, тоже Аршакуни, сидевший в Балхе, затеял войну с персидским царем Шапухом из Сасанидской династии. Царь Шапух собрал большое войско, в котором была и армянская конница. Эта война кончилась для персов неудачно, и кушаны одержали победу» [Бузанд, 1953, кн. 5, гл. XXXVII, с. 183]. Приведенные сведения Бузанд мог получить только лично от участников походов, от тех пленных армян, которых Шапух принуждал ходить в походы. Описывая другой эпизод, Бузанд отмечает, что в войне Шапуха II с «великим царем кушан из рода Аршакуни» на стороне персов участвовали подчиненные ему армянские князья Мамиконяны [там же].

К. В. Тревер считает, что в этих эпизодах речь идет не о кушанах, царство которых тогда уже распалось (на среднеазиатское с центром в Заравшане и индийское с центром в Решаваре) [Тревер, 1954, с. 135], а скорее о каких-то других племенах. Бузанд употребляет старый привычный термин «кушаны», ибо оба новых царства занимали ту же территорию, что и они, населенную теми же народами, изменилась только правящая верхушка, вышедшая, так же как и кушаны, из массагетского союза. Таким образом, из рассказов Бузанда мы узнаем, что в 70-х гг. IV в. хиониты были настолько сильны, что могли предпринять поход против персов и разбить их.

Следующий по времени армянский источник V в., содержащий упоминание о стране кушан, — «История Армении» Агафангела, где описываются в основном события, происходившие в Армении в IV в., в частности обращение армян в христианство [1977]. В армянской историографии работа Агафангела считается выдаю-

щимся произведением, она была переведена почти на все языки христианских народов средневековья [Тер-Гевондян, 1968, с. 5]. В «Истории...» Агафангела часто достоверные факты перемежаются с мифологическими. Агафангел упоминает кушан как родственников и союзников армянского царя Хосрова и называет их «храбрыми племенами и воинами мужественными» [1977, с. 32]. На налаженные и, очевидно, древние торговые связи Армении с Индией указывают сведения историка о том, что короны армянских царей были украшены драгоценными камнями, привезенными из Индии [там же, с. 25].

Егише — автор V в., описавший один из драматических периодов истории Армении [1971]. Традиционно считается, что Егише был воином и секретарем легендарного полководца Вардана Мамиконяна и сам участвовал в знаменитом сражении с персами — Аварайрской битве 451 г. Егише в своем труде описывает три похода Сасанидов (442—449, 450—451, 454—458 гг.) против хионитов-эфталитов, царей которых он называет кушанами. В молодости Егише служил в отрядах и царя Иездигерда II. Описывая годы, когда он находился в персидской армии в Аларе (Нишалур), он отмечает, что персидский царь был принужден держать свои войска на границе кушан в течение семи лет. Рассказывая о походе 450 г. в страну эфталитов, Егише упоминает разрушение большого количества замков и городов, сообщая, что народы этой страны не были зороастрийцами. Царя эфталитов он, так же как и другие армянские историки, называет кушаном [там же, с. 38, 39].

К концу V в. относится также труд армянского историка Л. Парпеци. Происходящий из знатного княжеского рода, о некоторое время был настоятелем соборной церкви в Вагаршапате. Современник армяно-персидских войн, Парпеци рассказывает о событиях, происходивших в Сасанидской Персии при Иездигерде II и Перозе, о том времени, когда эфталитское царство достигло своего могущества. Он сообщает сведения более объективные, чем персидские авторы, пишет о крупных победах эфталитов и о том, что персы не решались выступать против них в открытом бою, ибо помнили тот «безысходный страх», который они нагнали однажды на персов и их царя. Термин «кушаны» у Парпеци уже не встречается [1904, гл. 48, 50, 53, 58].

Обратимся теперь к знаменитому М. Хоренаци (V в.) — автору «Истории Армении», которую он начинает с легендарной древности и доводит до середины V в. Из исторических событий, связанных со Средней Азией, Хоренаци называет воцарение династии Сасанидов (первая треть III в.), а из народов — только кушан. В полуполюбопытном рассказе об армянском царе Хосрове, отправившемся (до 238 г.) на свою родину — в страну кушан, он упоминает его союзника Вехсачана, жившего в Балхе [Хоренаци, 1893, кн. 2, гл. 67, 72].

Хоренаци сообщает и о тех письменных источниках, которыми пользовался при написании своей работы. Сведения о народах

Средней Азии он брал из не дошедшего до нас труда Барсуми «Растсасхун» («Достоверная повесть») и из написанной на греческом языке «Истории эфталитов», которую упоминает и армянский историк VIII в. З. Глак [см.: Хоренаци, 1893, кн. 2, гл. 70].

Ученым хорошо известна и армянская «География», составленная математиком и географом А. Ширакаци на основе «Географии» Клавдия Птолея, но доведенная до VII в. Среди 44 народов, живших в Скифии, наряду с согдийцами и тохарами он называет и эфталитов. По его сведениям, Ария (Кусти-Хорасан), к востоку от Мидии и Персии, простирается до Индии и Врканского (Каспийского) моря. Она включает в себя области Кошм, Вркан, Аур-Шахр [см.: Патканов, 1878, с. 140, 141].

Среди армянских историков VII в. выделяется Себеос, написавший свой труд около 661 г. в период расцвета Тюркского каганата. О народах Средней Азии Себеос говорит в связи с политическими событиями как современник и очевидец, ибо в молодости ему пришлось бывать при дворе Хосрова II Парвеза. Сообщая о более ранних событиях, а именно о гибели Пероза в 424 г., его врагов он называет не эфталитами, а кушанами. Эфталиты встречаются в труде Себеоса впервые, когда он рассказывает об Ормузаде IV, сыне Хосрова Ануширвана и эфталитском князе, т. е. о событиях второй половины VI в. Себеос пишет, что полководец Бахрам Чубин «разбил войско теталийцев, силой захватив Балх и всю страну кушан до места, называемого Бехрод, до места, называемого Казбион». В то время Бахрам вел войну с великим царем мамутов (массагетов), жившим по ту сторону Великой реки, «разбил его многочисленное войско, самого царя убил в битве, захватил и похитил всю казну этого царства» [Себеос, 1879, гл. 8].

К. В. Тревер отметила важность сведений о том, что правитель Хорасана, полководец персидского царя Бахрам Чубин, одержал победу над войском эфталитов и захватил Балх. Географические названия в тексте Себеоса определяют достоверно, за исключением Казбиона, которого Маркварт сопоставляет с Пайкентом («желтый замок»). Тревер более вероятным считает отождествление Казбиона с «железными воротами» на границе Тохаристана и Согда, в районе Байсуна [1954, с. 140].

Согласно Себеосу, полководец Смбаг Багратуни, победивший кушан, преследовал их «до Балха Шахастана кушанской земли», что позволяет предположить принадлежность в VII в. царю эфталитов областей Хар (Герат), Ватоле (Бадге), всего Тохаристана и Талакана (территория между Балхом и Мервом) [1879, гл. XXV]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Себеос сохранил историческую традицию называть страну эфталитов кушанской землей, в то время как войско именовалось эфталитским. Вместе с тем глава царства называется царем то теталов (эфталитов), то кушан, т. е. по имени племенного союза. Это, как отметила К. В. Тревер, объясняется, по-видимому, этническим родством кушан и эфталитов, что вытекает и из указанных армянских

источников. Такой же вывод сделал Р. Гиршман, изучавший китайские исторические сведения [см.: Тревер, 1954, с. 144].

Себеос в своей «Истории...» приводит интересные данные об армянских поселениях в области Гиркания на юго-востоке побережья Каспийского моря, куда армяне были насильственно переселены персидскими властями для укрепления восточных границ от кушан и эфталитов [1879, гл. XXII]. Он подробно описывает подвиги персидского полководца армянина Смбага Багратуни, который «шел войной на кушан и царя эфталитов». На равнозначность этих наименований указывает то обстоятельство, что в другом месте Себеос и царя называет царем кушан. Данные Себеоса о народах, живших на севере Индии и в восточной части Средней Азии, значительно полнее и детальнее сведений, приводимых другими армянскими историками, но и они касаются главным образом политических событий. Однако последнее ничуть не уменьшает их научной ценности; как отмечалось выше, большей частью это были сведения очевидцев и современников.

Сохранились данные и о торговых отношениях между Индией и Арменией. Известно, что торговые дороги из Индии на запад проходили через Армению. Из Индии в Армению кроме драгоценных камней, которыми были украшены, очевидно, не только короны армянских царей [Агафангел, 1977, с. 25], доставляли и лекарственные травы, пряности, краски (особенно синюю из Лахора), шелковые ткани. Из Армении в Индию вывозили кожу, красную краску (кошениль) и корни красящего растения торон, которое употреблялось как краситель для знаменитых индийских шелковых тканей [Манандян, 1954, с. 229].

Прокопий Кесарийский (VI в.), описывая достопримечательности Двина, крупного торгового города в Араратской долине, сообщает, что многолюдные селения, лежащие близко друг к другу, заняты торговцами, потому что из Индии, из соседней Иверии и почти от всех народов, подвластных персам и даже римлянам, привозят туда товары, которыми они торгуют [1967, кн. 2, гл. XXV].

В последующее время связи между указанными странами становятся более оживленными, но это плохо отражено в археологическом материале, ибо объектами торговли были преимущественно ткани, краски, пряности и лекарства. В литературе, однако, имеются сведения о привозе из Индии даже художественных изделий для украшения домов и храмов. Так, историк Матвей Эдесский рассказывает о том, что для кафедрального собора в Ани царь Смбаг II Багратуни из Индии доставил очень дорогую хрустальную люстру [1973, с. 98].

Традиционные связи Армении с Индией привели и к тому, что после потери Арменией государственной самостоятельности многие армяне переселились в Индию и основали там несколько колоний.

- Агафангел*. История Армении. Ереван, 1977. 191 с. На арм. яз.
- Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана. — Соч. М., 1963, т. 2, ч. 1, с. 169—393.
- Бернштам А. Н.* К вопросу об ускуль-кушан и тохарах. — СЭ, 1947, № 3, с. 41—47.
- Бузанд Фавстос*. История Армении / Пер. и коммент. М. А. Геворкяна. Ереван, 1953. 209 с.
- Егшиш*. О Вардане и войне армянской / Пер. И. А. Орбели. Ереван, 1971. 174 с.
- Макандян Я. А.* О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954. 309 с.
- Марр Н. Я.* Крещение армян, грузин, абхазов и алан св. Григорием. СПб., 1905. 211 с.
- Матвей Эдесский*. Хронография. Ереван, 1973. 429 с. На арм. яз.
- Парпеци Лазар*. История Армении. Тифлис, 1904. 182 с. На арм. яз.
- Патканов К. П.* Армянская география VII в. СПб., 1877. 84 с.
- Пигулевская Н. В.* Византия и Иран на рубеже VI—VII вв. М., 1946. 292 с.
- Прокопий Кесарийский*. История войн римлян с персами. Ереван, 1967. 304 с. На арм. яз.
- Себеос*. История императора Ираклия / Пер. К. Пакотян. СПб., 1879. 153 с. На арм. яз.
- Тер-Гевондян А. Н.* Новая арабская редакция Агафангела: Араб. текст и исслед. Ереван, 1968. 110 с.
- Тер-Мкртчян Л. Х.* Армянские источники о Средней Азии V—VII вв. М., 1973. 98 с.
- Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948. 352 с.
- Тревер К. В.* Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV—VII вв. — СА, 1954, т. 21, с. 131—147.
- Хоренац Мовсес*. История Армении / Пер. Н. Эмина. М., 1893. 343 с.
- Якубовский А. Ю.* Живопись древнего Пенджикента. — ИАН, 1950, т. 7, № 5, с. 472—491.

Н. Н. Негматов

БОЖЕСТВЕННЫЙ И ДЕМОНИЧЕСКИЙ ПАНТЕОНЫ УСТРУШАНЫ И ИХ ИНДОИРАНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Ранее неизвестная науке культура Уструшаны — одной из значительных историко-культурных областей Средней Азии, занимавшей территорию между Сырдарьей и Гиссарским хребтом, Ленинабадом и Самаркандом — в некоторой степени открыта теперь благодаря раскопкам. К настоящему времени осуществлен комплекс исследований письменных и археологических источников, в результате чего получен богатый материал по социально-политической и экономической истории, городскому и сельскому строительству, архитектуре и фортификации, культуре и некоторым другим аспектам истории этой страны [Негматов, 1957; Негматов и др., 1973; Брыкина; 1974, Пулатов, 1975; Билалов, 1980].

Богато и разнообразно монументальное искусство Уструшаны, особенно живопись и резьба по дереву. Здесь встречено много сюжетов, восходящих к разным пластам древней мифологии и эпоса; различных культовых сцен с их символикой, при этом синтезированы местные среднеазиатские и общевосточные сюжеты, которые представляют собой ценный источник для характеристики духовной культуры Уструшаны, ее места в историко-культурных процессах Средней Азии и взаимодействия с культурами других стран. Вопросы иконографии и сюжета уструшанской живописи — самые сложные во всей серии проблем, встающих в связи с их исследованиями.

Главной сюжетной линией памятников искусства, лучше и больше всего сохранившихся во дворце Калан-Кахкаха-I (арк Бунджиката) [Негматов, 1973, 1976, 1977; Негматов, Соколовский, 1973, 1975; Соколовский, 1974], является изображение традиционной для древнеиранского искусства борьбы сил добра и зла. Это нашло отражение прежде всего в трех крупнейших монументальных композициях дворца: деревянном резном панно — тимпане входа тронного зала, живописной многоярусной композиции малого зала и шестиметровой композиции центрального коридора.

Сюжетно-иконографическое содержание первой и третьей композиций уже было рассмотрено ранее [Негматов, 1978]. Сейчас разберем серию божественных и демонических персонажей из живописной композиции малого зала дворца.

Малый зал квадратный в плане, площадью 95 м², высотой около 5 м. Вдоль его стен имеются широкие суфы, входной проем расположен в середине восточной стены. Живопись зала последовательно рассказывает об этапах грандиозного сражения царя-полководца и его воинов с многочисленными полчищами разноликих демонов, в котором на стороне людей выступают божество, богиня и другие небесные силы, а также о первых этапах мирной жизни после победоносной для людей битвы.

Композиционно центральной является западная (напротив входа) стена, где в середине над выделенной тронной суфой изображена сцена с основным персонажем живописного повествования. Это огромная, роскошно одетая мужская фигура (рис. 1, 4), восседающая на зооморфном троне в виде сдвоенных коней с опорами (двумя парами передних ног и поручнями) и выгнутыми головами по сторонам. На троне лежит богато орнаментированная ткань. Одежда этого персонажа выдержана в золотисто-желтых и голубых тонах. Живописное поле окаймлено широкой и высокой расписной ажурной аркой, украшенной растительной вязью. Концы арки внизу опираются на вытянутые овальные медальоны, декорированные сверху волотообразными навершиями. В медальонах изображены арфистка и музыкант-мужчина. По обеим сторонам центрального поля располагались три яруса живописных сцен различного содержания.

1

2

Рис. 1. Уструшана, Калаи-Какхаха I. Дворец афшинов.

1 — изображение четырехрукой богини; 2 — божество с символом луны; 3 — фрагмент сцены поединка; 4 — мужская фигура на зооморфном троне.

0 20 см

0 30 см

Рис. 1 (продолжение).

В композиции в целом трудно усмотреть чисто культовый характер сюжетов: основной персонаж лишен явных божественных атрибутов. Ближайшее его окружение в верхнем ярусе — музыканты, сидящие под балдахинном аристократы, а в двух нижних — воины в разных ситуациях: в боевом строю, на отдыхе у речки, коленапреклоненные, — изображенные очень реалистично, без намека на какие бы то ни было внешние культовые атрибуты. Перед данной композицией находится тронная суфа зала, которую занимал во время приемов уструшанский афшин (царь), но сидел он спиной к изображению, что едва ли имело бы место, если бы это было главное божество местного пантеона. Зодчий и художник при оформлении зала приемов из создавшейся ситуации вышли самым лучшим образом: живого царя посадили на тронную суфу, главного персонажа воспроизвели в живописи на почетном месте, а изображения основных божеств пантеона поместили напротив царя, на восточной стене зала (см. ниже).

Но кто же этот главный персонаж на троне в виде протомы коней? Перед нами, видимо, образ предка уструшанской правящей династии. С культом предка семьи, рода и династии мы знакомы по письменным источникам, изображения предков выявляются также в памятниках искусства.

Хорошо известен факт обожествления уструшанских афшинов, сосредоточения в их руках также и сакральной власти. На судебном процессе уструшанского афшина Хайдара в 840—841 гг. ему инкриминировали формулу обращения к нему населения Уструшаны: «Богу богов от раба его такого-то, сына такого-то», на что он отвечал, что «...это был обычай народа [по отношению] к моему отцу, деду и мне, прежде чем я принял ислам, и я не желал ставить себя ниже [населения] и [чтобы] ослабилось их повиновение ко мне» [Негматов, 1957, с. 145—146]; можно упомянуть еще сообщения хроник VII в. н. э. «Бейши» и «Суйшу» о том, что владельцы Цао (Уструшана) восседали на троне в виде золотого коня [см.: Бичурин, 1950, ч. 3, отд. 4, с. 276] — атрибута царского фарна. Заметим также, что во входной части главного храма Калаи-Какхаха-I на специальных деревянных плахах был захоронен обезглавленный конь [Авзалов, 1978; Негматов и др., 1979].

Ситуация, которая сложилась в малой зале дворца Калаи-Какхаха-I, очень логична: в центральной части почетной стены — изображение династийного предка царя, перед ним восседал сам живой царь, выступавший и как глава религии. Этот синкретизм образа предка обусловил, вероятно, появление крупномасштабных и богатых изображений на западной стене зала [Негматов, 1976, с. 92; Негматов, Соколовский, 1977, с. 152, 153]. Представляется также, что аналогичное решение применимо и к некоторым сценам в живописи Пенджикента, Варахши и на терракотах Согда. С нашей точки зрения, неприемлемо предложение В. Шкоды [1980] отказаться от такого решения в пользу однозначной интерпретации образов на зооморфных тронах только как божеств. Неправильна

в своей основе следующая постановка вопроса автором: «Могли ли поместить изображения обожествленного уструшанского царя в Пенджикенте в подобной композиции вместе с другими богами? Для этого надо было бы, чтобы этот герой почитался не только в Уструшане, но и в Согде и при этом был приравнен к другим богам согдийского пантеона» [Шкода, 1980, с. 63]. Уструшана и Согд в рассматриваемое время представляли собой самостоятельные государственные образования со своими правящими династиями и комплексами собственных историко-культурных ценностей, хотя во многом и близкими друг другу. А значит, вряд ли верно механически переносить конкретный образ предка уструшанской династии в пенджикентские дома, или наоборот. Образ и культ предков, как распространенный идеологический институт многих народов в древности, несомненно имел ряд локальных вариантов. Поэтому каждый памятник должен быть интерпретирован прежде всего исходя из конкретных местных данных.

В. Шкода считает, что «шахристанский вариант росписи имеет, вероятнее всего, культовый характер. Во дворце Калаи-Кахкаха особо почитали именно этого бога, а в семье владельца пенджикентского дома особо чтит богиню на льве (изображение богини на льве в шахристанском зале помещено на боковых стенах), но молились и богу на троне с фигурами коней» [1980, с. 63]. Сначала уточним, что два изображения (а не одно!) шахристанской богини помещены не на «боковых стенах» зала, а напротив главного персонажа, на восточной, тоже главной и полностью обозреваемой стене. Отметим также, что шахристанская роспись вариантом пенджикентской не может быть, хотя бы потому что они по важности своего месторасположения несравнимы: шахристанский главный персонаж помещен на основной стене царского зала приемов, а пенджикентская богиня — на боковой стене одного из частных домов (объект XXVI).

Некоторые исследователи древнего Пенджикента проводят мысль о провинциальности уструшанского центра культуры по отношению к Пенджикенту. Однако Согд со столицей Самарканд и Уструшана со столицей Бунджикат (развалины в Шахристане) — исторически одновременные и равнозначные области Средней Азии (хотя и изучены неравномерно), а Пенджикент — один из удельных городов Согда.

Таким образом, с нашей точки зрения, остается в силе интерпретация главного персонажа западной стены малого зала калаикахкахинского дворца в качестве изображения обожествленного предка уструшанских правителей. Этот образ, судя по всему, являлся основным объектом поклонения уструшанцев по формуле уже отмеченного культового синкретизма: образ царского предка — живой царь с сакральной властью. На трех других стенах малого зала дворца были изображены многоярусные сцены грандиозного сражения, в котором участвуют трехголовое божество, четырехрукие богини, царь-полководец на колеснице,

конные и пешие воины и полчища разноликих демонов. Почти вся штукатурка стен с изображениями в результате пожара оказалась на суфах и полу, и в настоящее время мы располагаем лишь серией отреставрированных полностью или частично фрагментов.

Развертывание этого сюжета начиналось с восточной стены зала, где было воспроизведено трехголовое и четырехрукое божество в момент сражения или поединка, восседающее на коне. Одной рукой оно держит лук, второй натягивает тетиву, готовясь выпустить стрелу (рис. 1, 3). В двух других руках — копьё наперевес. Все три головы человеческие, антропологически близкие, написаны вполоборота вправо, две боковые уменьшены и расположены на уровне ушей средней, более крупной головы. На головах — одинаковые сложные короны с полумесяцем, в ушах — серьги. Одета фигура в доспехи, у пояса — кинжал, ниже — колчан со стрелами. В одно из левых предплечий воткнута стрела.

На этой же стене располагались изображения двух четырехруких богинь с разными лицами (рис. 1, 1). Первое — в верхнем ярусе живописной композиции у юго-восточного угла стены. На богине богато орнаментированная золотая корона с полумесяцем в центре. От короны к плечам легкими складками опускается голубая прозрачная вуаль, в ушах — массивные серьги с драгоценными камнями. Одежда — светло-голубой хитон, украшенный у шеи орнаментированной золотой каймой; на плечи накинут пурпурный плащ; на груди — золотые бляшки, на одной руке — браслет. Все вместе создает необычайно красивую гамму красок на голубом и темно-синем фоне росписи. В одной руке богини — скипетр с навершием в виде крылатого льва; слева находится «штандарт», завершающийся золотой птицей. Другой рукой богиня сжимает поводья; третьей — держит какой-то предмет в виде грифона; пальцы четвертой руки сложены в символическом жесте: указательный и безымянный подняты вверх, остальные сомкнуты. Богиня восседает на взнузданном льве и окружена огненным ореолом. Лицо ее в светло-сером нимбе с языками бледно-желтого пламени, сосредоточенное, спокойное, с раскосыми, широко поставленными глазами, плоским носом, маленьким, сомкнутым в полуулыбке ртом и необычайно широким овалом. Слева располагается символ луны — голубой диск с антропоморфным изображением, окаймленным полумесяцем. Справа — подобное изображение солнца. В среднеазнатской монументальной живописи раннего средневековья это первый случай изображения человеческого лица в фас.

Второе изображение богини, тоже восседающей на взнузданном льве, находится у северо-восточного угла малого зала в нижнем ярусе живописной композиции. Одежда и убранство полностью совпадают с таковыми первой богини. Она также четырехрукая: в одной руке держит символическое изображение солнца, в другой — луны, третьей рукой воспроизводит символический жест с двумя поднятыми пальцами, а четвертой, по-видимому, прижи-

мает жезл к груди. Сохранность красочного слоя хорошая. Преобладающий цвет — синий (ультрамарин) различных оттенков.

Рядом изображен мчащийся навстречу богине в запряженной крылатыми конями колеснице коленопреклоненный царь-полководец (рис. 2). Он показан влоборота влево, в богато расшитом кафтане и мягких доспехах. Лицо бородатое, с правильными европеоидными чертами; на голове — остатки венца с полумесяцем. Правая рука с раскрытой опущенной ладонью полусогнута в локте, левая — держит у груди копье. Двухколесная деревянная колесница покрыта богатой геометрической и растительной резьбой. В выступающем левом углу покато́й крыши — резной, видимо деревянный, полумесяц; крылатые кони в яблоках запечатлены в положении быстрого бега [Негматов, 1973, с. 194, 195, рис. 9; Беленцкий, Маршак, 1976, с. 80; Шкода, 1980, с. 63].

На восточной же стене рядом с богиней в фас — изображение трехголового демона. Огненнорыжая густая грива обрамляет хищное, злобное, оскаленное, полное экспрессии светло-серое лицо (рис. 3, 2). Нос с горбинкой. Глаза выпучены, третий глаз помещен на лбу. Над лбом и в висках персонажа — три черепа. Фигура полубога, выполнена в полный рост в неистовых движениях танца. Мощное, мускулистое, золотисто-зеленое тело демона перевито лентой с бубенцами. В изображении цветовая контрастность усилена жесткостью линий, объемность формы сочетается с динамичной выразительностью. На восточной стене интересно изображение еще одного демона — с черепом над лбом (рис. 3, 1).

Продолжение сцены сражения дано на северной стене зала: последовательно воспроизведены эпизоды побед царя-полководца, восседающего в колеснице, запряженной крылатыми конями, и его конного и пешего войска над многочисленными демонами. В верхнем ярусе — изображение прямостоящих воинов, в среднем — сцена битвы с демонами, царь-полководец в колеснице (дважды) и поверженный демон. Нижний ярус — изображение замка с выходящим из него воином и группы пирующих под балдахином лиц, воинов-музыкантов, играющих на арфах и лютнях; этот ярус в целом представляет собой сцену отдыха после боя и возвещает о победоносном завершении сражения людей, победивших демонические силы.

Главными действующими лицами живописной панорамы северной стены являются царь-полководец и его дружина. Этого полководца мы уже видели коленопреклоненным в колеснице перед богиней на восточной стене. На северной стене он показан тоже в богатой колеснице, запряженной лошадей в яблоках. Различия: теперь царь не стоит на коленях с опущенным вниз копьём перед богиней, а сидит, поджав под себя ноги, без копья, но с мечом и кинжалом на поясе. У него хорошо сохранилась верхняя часть головы в богатом сложном венце с крупным полумесяцем, вместо неясного нагрудного убора четко видна лента ожерелий с медальоном; если

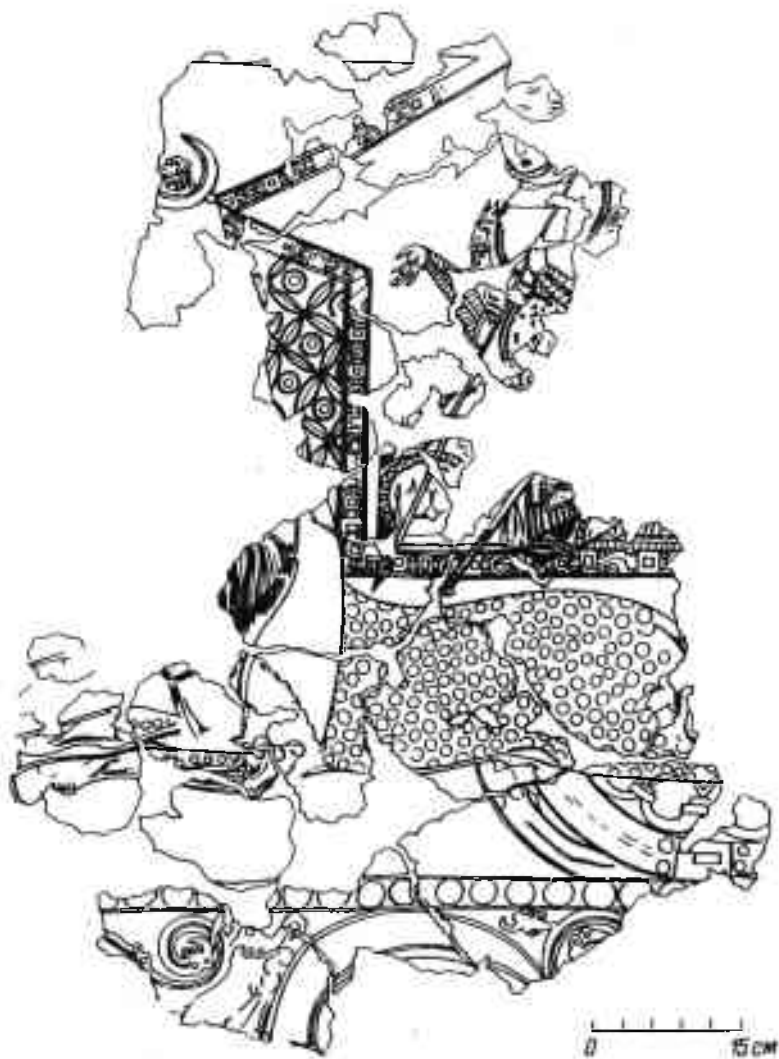

Рис. 2. Уструшана, Калан-Кахкаха-1. Дворец афиняня. Изображение коленопреклоненного царя-полководца в колеснице перед богиней.

у восточного изображения резной полумесяц уцелел в левом верхнем углу колесницы, то здесь точно такой же полумесяц помещен в центре крыши колесницы. Следовательно, в обоих случаях перед нами образ одного и того же царя-полководца — главного персонажа живописной панорамы. К идентификации этого образа мы вернемся ниже.

На северной стене имеется также ряд фрагментов демоноподобных воинов и демонов (рис. 4). На одном из них воин-демон изображен в оригинальном шлеме-нашейнике, который завершается на плечах развевающимися крыльями (рис. 3, 5). Эта своеобразная комбинация — единственное воспроизведение такого вида воинского доспеха в среднеазиатской живописи. Воин-демон написан в профиль, в позе стремительной скачки; у него борода, выступающие изо рта клыки, нос чуть с горбинкой, широко раскрытые глаза.

Среди серии разномастных демонов отметим черноволосого демона с человеческой, но непропорционально крупной головой, маленьким лицом, большими выпуклыми глазами и широким приплюснутым носом. Второй демон также имеет нарочито искаженный человеческий облик. Есть еще изображение демона с удлиненной нижней челюстью (рис. 3, 3).

Наиболее пострадала от пожара и разрушений живопись южной стены зала. Однако и здесь зафиксированы обломки штукатурки с деталями одежды и лица третьей четырехрукой богини, а также изображения сражающихся демонов и воинов. Так, на одном фрагменте воспроизведены рядом, в профиль, две головы демоноподобных воинов (рис. 3, 6). На первой — шлем с геометрическим узором. У нее длинное лицо, широко открытые большие глаза, двойная дуга бровей, крупный нос с горбинкой, тонкие длинные усы и выходящие изо рта клыки — в целом выразительный и впечатляющий облик.

Переходя к сюжетно-иконографическому истолкованию живописи восточной, северной и южной стен малого зала, прежде всего отметим, что определение главного персонажа западной стены в качестве предка уструшанской династии влечет за собой заключение о том, что на трех других стенах показаны сцены подвигов этого же предка в борьбе с силами зла. Дважды повторяющееся (на восточной и северной стенах) изображение царя-полководца мы склонны отождествлять тоже с образом предка династии. Такое решение облегчает дальнейшие иконографические объяснения остальных персонажей живописи, прежде всего трехголового и четырехрукого божества и четырехрукой богини на льве, представленной в двух ситуациях в двух ликах (она же встречена в двух-трех фрагментах еще третий раз — на южной стене). Отсутствие изображений других божеств, наличие мужского и женского божеств примерно одинаковых размеров на восточной стене позволяют считать их находящимися на одной ступени культовой иерархической лестницы. Скорее всего, в данном зале были пока-

заны только два главных божества уструшанского пантеона. Заметим, что оба они четырехрукие: мужское — трехголовое, женское — в двух ликах (а третий лик, видимо, был представлен на южной стене). Оба божества одинаково участвуют в военных действиях на стороне людей. У них есть и общие атрибуты — символы луны (рис. 1, 2). По всей вероятности, в данном случае это изображения богов-супругов. О такой возможности для хотанских и пещикентских божественных пар уже писалось в литературе [Беленицкий, Маршак, 1976, с. 78—81].

1

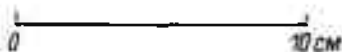
2

3

4

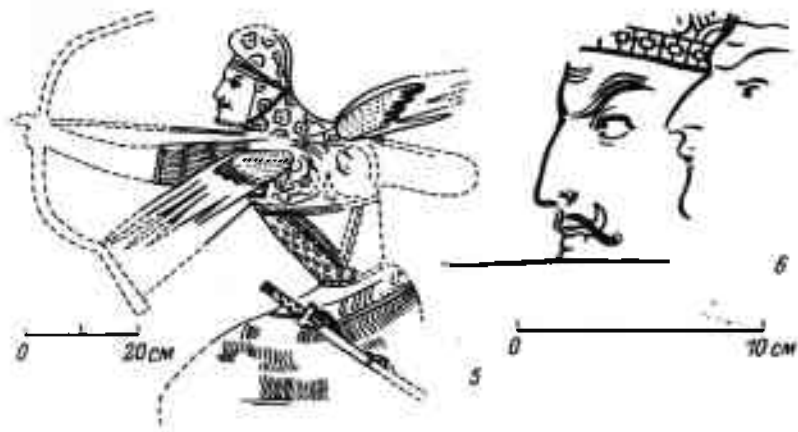

Рис. 3. Уструшана, Калан-Каххаха-1. Дворец афшинов. Изображения демонических персонажей (1—6).

Изображения трехголовых божеств и многоруких богинь с эмблемами луны и солнца не раз встречались в искусстве Восточного Туркестана (Хотан) и самой Средней Азии (Хорезм, Пенджикент), и им посвящена большая литература. Здесь отметим, что на одежде пенджикентского аналога трехголового божества (рис. 5) сохранилась надпись «Вешпаркар» — согдийская передача санскритского «Вишвакарман» в значении «творец всего». Это имя, исследованное В. А. Лившицем, встречается в согдийских, буддийских и манихейских текстах, в согдийской версии «Вессантара-джатака» как имя трехликого божества [см.: Беленицкий, Маршак, 1976, с. 79].

Уструшанское и пенджикентское трехголовые божества при их явном смысловом единстве имеют ряд существенных различий. У уструшанского — четыре руки, три мужских лица; он возглавляет войско, сражающееся с полчищами демонов. У пенджикентского — шесть рук, среднее лицо мужское, правое — женское, а левое — демоническое, все лица с тремя глазами, из плеч поднимается пламя, оплечья в виде голов животных. У него в руках трезубец и меч. На женской голове — рог. Исследователи пенджикентского Вешпаркара—Вишвакармана А. М. Беленицкий и Б. И. Маршак пришли к следующему выводу: «Явно небуддийская иконография Пенджикента заставляет считать, что в данном случае индуистское божество, видимо, через буддизм было включено в местную религиозную систему. На этом пути как будто изменилась под воздействием новых условий и его иконография, включившая признаки образа Шивы» [1976, с. 79]. Представляется, что от индуистского и буддийского Вишвакармана — главным образом образом божеств-

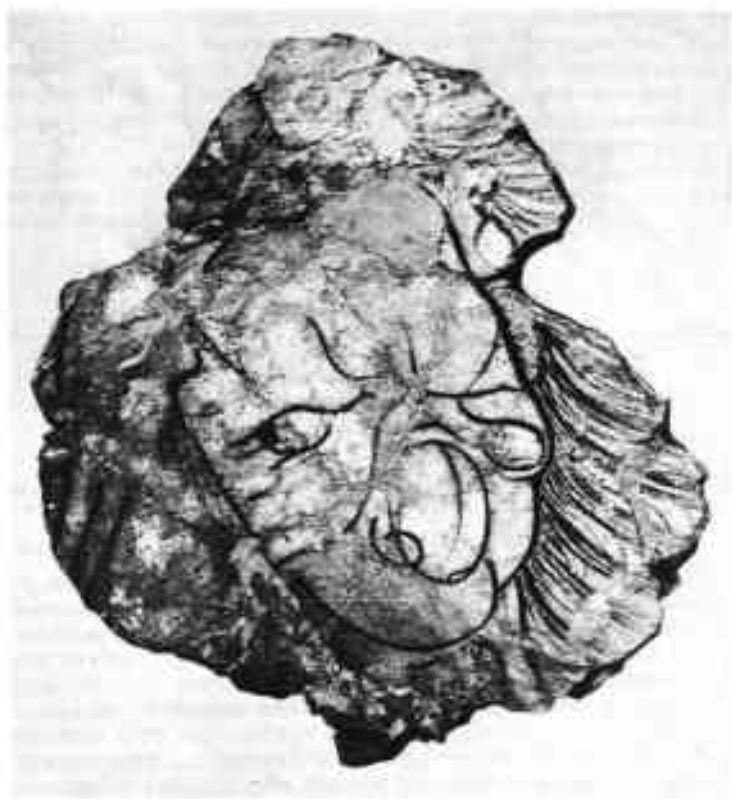

Рис. 4. Уструшана, Кадан-Каххаха-І. Дворец афшинов. Изображение демона.

венного строителя — уструшанское изображение ушло (или стояло) еще дальше, чем пенджикентское. Образ уструшанского трехголового божества освободился от сопровождающего женского лика (он есть у пенджикентского), упростились его другие атрибуты (уменьшилось количество рук, пропали пламя с плеч и оплечья в виде голов животных и пр.). Иными словами, в иконографии уструшанского божества исчезли многие индийские начала.

Иконографически весьма интересны оба изображения богини, — видимо, главной богини местного пантеона; последнее подчеркивается надменно величественной позой восседания на разъяренном льве, богатыми одеждами, украшениями и диадемой, многорукостью и тем, что в двух руках она держит антропоморфные

символы основных небесных светил — солнца и луны. Остальные две руки воспроизводят символический жест. Показательно наличие изображений других небесных светил на одежде. Многоликость богини связана, вероятно, с ее особыми функциями в каких-то разных сюжетных ситуациях. Из атрибутов богини наиболее конкретно изображены диск луны с женским лицом в короне, увенчанной полумесяцем, и солнечный диск с изображением лица в фас, причем эти изображения близки ликам самой богини. Оба символа богиня держит на раскрытых вверх ладонях: на правой — луну, на левой — солнце.

Антропоморфные и символические изображения солнечного и лунного божеств, других планет и звезд нередко попадают на памятниках культуры Средней Азии: в древнем Пенджикенте, на хорезмийских серебряных чашах, на погребальных оссуариях и бронзовой пластинке-подвеске из Карабулака. Лунное божество в полный рост с полумесяцем за плечами, сопровождаемое кушанской надписью «Мао» или греческой — «Селана», часто изображалось на кушанских монетах. Ю. Д. Баруздиным и А. М. Белениц-

Рис. 5. Древний Пенджикент. Изображение трехголового божества.

ким уже сделана сводка встречающихся на древних монетах главных эмблем указанных божеств — лучистого венца и полумесяца [1961].

Есть определенные свидетельства Геродота (I, 215), китайских и других источников о поклонении древних среднеазиатских народов небу и небесным светилам. Имеется сообщение средневекового историка религии аш-Шахристани (XI в. н. э.) о древнем храме Каусан в Фергане, посвященном солнцу и разрушенном при аббасидском халифе ал-Мутасиме (833—842 гг.).

Изображение различных божеств, сидящих на льве, — широко распространенная традиция у многих древних народов. Так, согласно известным хеттским текстам [Ардзинба, 1975, с. 264—266], на львах или львах-сфинксах стоят (или упоминаются в связи с ними) статуи Иштар, бога грозы, бога грозы и призыва, Сулинкатти. К древнейшей традиции восходит и изображение символов луны и солнца с человеческими лицами. Например, тот же хеттский бог Сулинкатти изображался с головой человека (из серебра) в левой руке и (серебряным) мечом — в правой.

Главная уструшанская богиня представлена в двух ликах. Двойственность ее образа, видимо, можно подтвердить еще наличием не двух, а двух удвоенных (т. е. четырех) рук, одновременным фактором владения двумя символами — луны и солнца. Двойственность символов существовала, например, в ритуалах хеттской этики и религии, в придворных функциях хеттских царей [Ардзинба, 1975, с. 264—266]. Типологическая параллель такой дуальной структуры свойственна и многим другим народам мира, в том числе зафиксирована в традициях Древней Греции, Ирана и Средней Азии [Иванов, 1969]. Двойственность образа главной уструшанской богини несомненно тоже восходит к глубокой древности и связывает ее, возможно, с образами ближневосточных и индоиранских божеств.

Обратимся к Ближнему Востоку. В Лидии VII в. до н. э. наиболее популярной была малоазийская богиня, имевшая в разных местах разные имена. По утверждению С. С. Соловьевой, ее культ бесспорно был связан с культом производительных сил природы, плодородия. Однако она почиталась и как божество войны, что связано, возможно, еще с племенным бытом, с эпохой военной демократии. Поэтому во время ее празднеств жрицы «устрашают людей военной пляской, исполняемой в полном вооружении под шум и звон кимбалов, тимпанов и оружия» (Страбон). Именно в данном двойственном образе богиня почиталась в Лидии: Геродот говорил о храме Кибелы в Сардах, у Страбона же есть известие о храме Артемиды на берегу оз. Гигея (Колоя), который почитался лидийцами как «великая святыня». В данном случае Артемиды, — вероятно, лишь греческое имя малоазийской богини-воительницы, подобно тому как в другой своей ипостаси — Великой матери — она отождествлялась греками с Реей. Культ Великой матери был тогда распространен во всех областях Малой Азии,

проник в греческие города — этой богине были посвящены храмы в Милете и Смирне [Соловьева, 1975 с. 248—251].

Остановимся теперь на индоиранском регионе, который в мировой духовной культуре особо выделяется своим богатейшим эпическим, мифологическим и культово-религиозным творчеством. Указанная традиция зафиксирована в грандиозных письменных памятниках двух тысячелетий (I тыс. до н. э.—I тыс. н. э.): от «Авесты» до «Шахнаме» Фирдоуси у древнеиранских народов, в «Махабхарате», «Рамаяне», брахманских пуранах («Шива», «Вишну», «Девибхагавата», «Бхагавата»), агамах и в других поэмах у древних индийцев. В древнем индоиранском мире были выработаны весьма стройные религиозные системы с божественными пантеонами во главе с авестийско-зороастрийским Ахурамаздой у иранцев и верховным богом Ишвара с его тримурти-тринедными продолжателями в сфере земной жизни (Брахма, Вишну и Шива) у индийцев.

Нас в данном случае интересуют бог Шива и его супруга. Шива имеет тысячу имен, часто изображается трехликим. Последние отражают три его основных проявления: Шива Татпуруши — создатель, Шива Агхора-бхайрава — разрушитель, Шива (в образе его жены Умы) — охранитель. Соответственно его лики изображаются: первый — полным внутренней силы, возвышенной отрешенности и покоя; второй — зловещим, искаженным гневом; третий — в образе молодой нежной женщины с цветком лотоса. Супруга Шивы, Парвати, также дается в разных образах и под разными именами. В интересующей нас ситуации она выступает в образе воительницы и носит имя Дурга. Шива и шиваизм занимают большое место в индуистской философско-религиозной системе, им посвящено множество выдающихся памятников искусства — храмов и храмовых комплексов и великолепных скульптур [Вапегjee, 1956; Тюляев, 1968, с. 67—89; 1975, с. 43—67; Сидорова, 1971, с. 18, 22, 27, 35, 45; Нарайан, 1975].

Шива в интересующих нас ситуациях изображен, например, в пещерном храме VIII в. н. э. на о-ве Гхарапур (Элефанта) близ Бомбея (трехликий Шива Махешвара), в храме VIII в. н. э. Кайласанатха в Эйлуре (Шива Трипурантака — разрушитель трех городов, стоящий и натягивающий лук рядом с демоном) и в сценах борьбы Шивы с царем демонов Раваной, борьбы Шивы с асурами [Тюляев, 1968, с. 68, 71; 1975, с. 61]. Супруге Шивы, воительнице Дурге, посвящен храм VI в. н. э. в Айхоле близ Бадами [Тюляев, 1968, с. 43, 44]. Истоки формирования образа трехликого мужского божества и иконографии Шивы в Индии зафиксированы в печатке-амulette из Мохенджодаро, на которой изображено мужское рогатое и трехликое божество на троне — покровитель зверей [там же, с. 15; Сидорова, 1971, с. 18—22]; его прототипы встречаются и в ведийском пантеоне [Тюляев, 1968, с. 84].

Уструшанское и пенджикентское трехголовые божества Вешпаркар—Вишвакарман уже отождествлены Х. Хумбахом, А. М. Бе-

леницким и Б. И. Маршаком с индийским Шивой Махадева [Humbach, 1975, S. 397; Беленицкий, Маршак, 1976, с. 79; Azagrau, 1981, p. 29, 30]. Найдены также аналогии пенджикентской богине на льве, идентифицируемой с кушанской Наной и индийской Парвати [Azagrau, 1981, p. 30]. Отмечены параллели и «четырёхрукой богине в фас» в стенописи Хотана, особенно с изображениями Харити из Шрина-ХII, из Фархад-Бег-Виладжи в Национальном музее Нью-Дели [Bussagli, 1963, p. 54; Azagrau, 1981, p. 157].

Так еще в глубокой древности возникали и перекрещивались культы и символика индоиранских и ближневосточных народов, оказывали взаимное влияние образы предавестийской Арманги, авестийской Аши, месопотамской Нанайа, лидийской Великой матери, пехлевийской Ардвисуры Анахиты, греческой Артемиды, кушанских Ардокшо и Наны, согдийской Наны, индийской Махадевы (Парвати и Дурга) и т. д. [Дьяконова, Смирнова, 1967; Азарпай, 1975; Azagrau, 1981].

Видимо, главная уструшанская богиня представляет собой тот же образ Великой матери-воительницы, олицетворяющей одновременно также культы сил природы и плодородия. Учитывая многочисленность согдийско-уструшанских параллелей в материальной и духовной культуре, видимо, не ошибемся, если назовем уструшанскую Великую богиню именем кушано-согдийской великой богини Наны, тем более что таджики как этнокультурные наследники Согда и Уструшаны до сих пор употребляют это наименование в значении «мать» и «старшая мать (бабушка)».

Таким образом, живопись малого зала дворца Калан-Кахкаха-I разрешает говорить о трех главных объектах почитания доисламской Уструшаны. Это образ предка уструшанской династии, сливавшийся с личностью правящего царя (династийный культ), и два главных божества-супруга: Вешпаркар—Вишваркарман с антропоморфным обликом трехголового и четырехрукого мужчины на коне и Нана с антропоморфным обликом четырехрукой женщины на льве. Возможно, дальнейшие исследования памятников материальной культуры Уструшаны позволят выявить и другие персонажи местного божественного пантеона.

Мы выше ограничились описанием целой группы демонических персонажей живописи одного зала. Малая изученность проблем древней демониады не дает возможности на данном этапе провести также конкретное исследование уструшанской демониады [Мурадов, 1979]. Но, судя по всему, и здесь налицо тесная связь с образами и иконографией Древней Индии.

Л и т е р а т у р а

- Авзалов Р. З. Раскопки на Калан-Кахкаха I. — В кн.: Археологические открытия, 1977 г. М., 1978, с. 552.
- Азарпай Г. Четырехрукая богиня — кушанский пережиток в средневековом искусстве Средней Азии. — В кн.: Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., 1975, с. 387—391. (ТМКИАКЦАКЭ; Т. 2).

- Ардзица В. Г. Двойные символы в хеттских ритуальных текстах и функции хеттских придворных. — В кн.: Древний Восток : К 70-летию акад. М. А. Коростовцева. М., 1975, сб. 1, с. 262—272.
- Баруздин Ю. Д., Беленицкий А. М. Бронзовая пластинка из Карабулакского могильника. — КСИА, 1961, вып. 86, с. 21—27.
- Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Черты мировоззрения согдийцев VII—VIII вв. в искусстве Пенджикента. — В кн.: История и культура народов Средней Азии : (Древность и сред. века). М., 1976, с. 75—89.
- Билалов А. Н. Из истории ирригации Уструшаны. Душанбе, 1980. 192 с.
- Бичурич Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950, т. 2. 335 с.
- Брыкина Г. А. Карабулак. М., 1974. 127 с.
- Всеобщая история искусств. М., 1981, т. 2, кн. 2. 525 с.
- Дьяконова Н. В., Смирнова О. И. К вопросу о культе Наны (Анахиты) в Согде. — СА, 1967, № 1, с. 74—83.
- Иванов В. В. Двойная символическая классификация в африканских и азиатских традициях. — НАА, 1969, № 5, с. 105—115.
- Искусство народов Востока : Путеводитель-очерк. М., 1968. 25 с.
- Мурадов О. Древние образы мифологии у таджиков долины Зерафшана. Душанбе, 1979. 116 с.
- Нарайан Р. К. Боги, демоны и другие. М., 1975. 255 с.
- Негматов Н. Н. Уструшана в древности и раннем средневековье. Сталинабад, 1957. 159 с.
- Негматов Н. Н. О живописи дворца афшинов Уструшаны : (Предварит. сообщ.). — СА, 1973, № 3, с. 183—202.
- Негматов Н. Н. Живопись Шахристана : Опыт реставрации и пробл. исслед. — ИООН АН ТаджССР, 1976, № 3 (85), с. 87—97.
- Негматов Н. Н. Резное панно дворца афшинов Уструшаны. — В кн.: Памятники культуры : Нов. открытия. Ежегодник 1976 г. М., 1977, с. 353—362.
- (Негматов Н. Н.) *Negmatov N. N. Ancient mts as reflected in archaeological finds and art relics of Tadjikistan.* — In: General problems of anthropology and ethnography of South Asia : Papers by Sov. researchers I Intern. Congr. of anthropol. and ethnol. sciences (Delhi, India, dec. 10—21, 1978). Moscow, 1978, p. 60—71.
- Негматов Н. Н., Авзалов Р. З., Мамаджанова С. М. Храм и мечеть Калан-Кяхкаха I. — В кн.: Археологические открытия 1978 г. М., 1979, с. 580, 581.
- Негматов Н., Пулатов У. П. и др. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1973. 199 с.
- Негматов Н. Н., Соколовский В. М. Два фрагмента стеной росписи с изображением многорукой богини из Шахристана. — СГЭ, 1973, № 37, с. 58—60.
- Негматов Н. Н., Соколовский В. М. «Капитолийская волчица» в Таджикистане и легенды Евразии. — В кн.: Памятники культуры : Нов. открытия. Ежегодник 1974 г. М., 1975, с. 438—458.
- Негматов Н. Н., Соколовский В. М. Реконструкция и сюжетная интерпретация росписей малого зала дворца афшинов Уструшаны. — В кн.: Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана : Тез. Всесоюз. науч. конф. в г. Пенджикенте ТаджССР. Душанбе, 1977, с. 150—154.
- Пулатов У. П. Члнхуждра. Душанбе, 1975. 186 с.
- Сидорова В. С. Скульптура Древней Индии. М., 1971. 86 с.
- Соколовский В. О живописи «Малого» зала дворцового комплекса городища Калан-Кяхкаха I (Шахристан, ТаджССР). — СГЭ, 1974, № 39, с. 48—52.
- Соловьева С. С. Лидия при Гигесе и ее взаимоотношения с Ассирией. — В кн.: Древний Восток : К 70-летию акад. М. А. Коростовцева. М., 1975, сб. 1, с. 246—261.
- Тюляев С. И. Искусство Индии. М., 1968. 186 с.
- Тюляев С. И. Храм Кайласанатха в Эйлуре. — В кн.: Сокровища искусства стран Азии и Африки. М., 1975, вып. 1, с. 43—67.
- Шкода В. Г. К вопросу о культовых сценах в согдийской живописи. — СГЭ, 1980, № 45, с. 60—63.

Azarpay G. Sogdian painting: The pictorial epic in Oriental art. Berkeley; Los Angeles, 1981. 217 p.

Banerjee J. N. The development of Hindu iconography. Calcutta, 1956. 100 p.

Bussagli M. Painting of Central Asia. Geneva, 1963. 136 p.

Humbach H. Vayu, Siva und der Spiritus Vivens im ost iranische synkretismus. — *Air*, 1975, p. 397—409.

М. М. Ашрафи

К ВОПРОСУ О СРЕДНЕАЗИАТСКО-ИНДИЙСКИХ СВЯЗЯХ В ЖИВОПИСИ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В древности среднеазиатские области и Индия не раз были частями одних и тех же государственных объединений. Это приводило к установлению длительных экономических, культурных и религиозных связей, отложивших отпечаток на многие стороны жизни.

Замечательные открытия советских археологов — Л. И. Альбаума, А. М. Беленицкого, Б. А. Литвинского, Н. Н. Негматова, Г. А. Пугаченковой, Б. Я. Ставиского, С. П. Толстова, В. А. Шишкина — позволили конкретно говорить о взаимоотношениях народов указанных регионов в области культуры [Толстов, 1948; Альбаум, 1960, 1975; Шишкин, 1963; Негматов и др., 1966; Пугаченкова, 1966, 1972; Беленицкий, 1973; Литвинский, Зеймаль, 1973; Ставиский, 1979]. Начиная с 1960-х гг. появляется ряд работ, посвященных культурным связям между Средней Азией и Индией [Беленицкий, 1964; Литвинский, 1964; Ставиский, 1964; Толстов, 1964]. Проблема историко-культурных контактов находит отражение и в монографиях советских авторов, посвященных искусству Пенджикента, Аджина-Тепе, Балалык-Тепе, Афрасиаба [Альбаум, 1960, 1975; Беленицкий, 1973; Литвинский, Зеймаль, 1973]. Исследователи отмечают проникновение элементов индийской культуры в среднеазиатские памятники письменности, архитектуры, прикладного искусства, скульптуры, живописи. Особенно тесными контакты были в кушанский период (I—IV вв. н. э.). Этой эпохе свойственно распространение буддизма на территории Средней Азии, с чего там и начался процесс внедрения достижений индийской культуры, многообразного комплекса знаний и представлений [Ставиский, 1964, с. 173; Литвинский, 1972, с. 155; Литвинский, Зеймаль, 1973, с. 137].

Археологические открытия последних десятилетий выявили на территории советской Средней Азии буддийские памятники I—VIII вв. — в Айратме, Кара-Тепе, Фаяз-Тепе (близ Термеза), Аджина-Тепе и Калаи-Кафирнигане (на юге Таджикистана), Ак-Бешиме (Северная Киргизия). В этом аспекте интересно рассмот-

реть проблему среднеазиатско-индийских связей в монументальной живописи. Доступные нам на сегодняшний день памятники древней живописи Средней Азии характеризуют два периода в истории среднеазиатско-индийских связей: I—III и V—VIII вв.

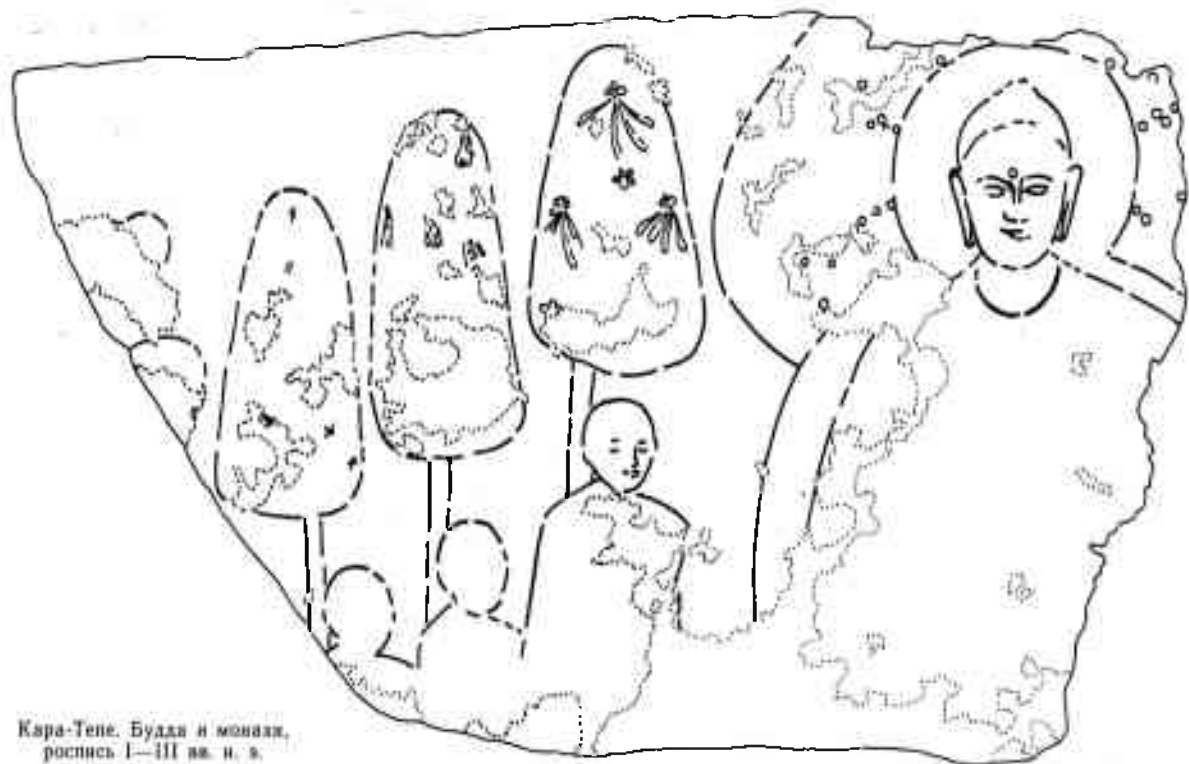
Первый период представлен небольшим количеством произведений. Из-за малочисленности, фрагментированности, плохой сохранности как среднеазиатской, так и индийской живописи проследить картину контактов в полной мере на данном этапе чрезвычайно трудно. Индийская монументальная живопись первых веков нашей эры, уцелевшая в пещерах Аджанты (пещеры IX—X), — сложная, многообразная система изобразительного искусства.

Как известно из письменных источников («Кама-Сутра», «Вишну-дхармоттара-пурана»), древнеиндийская живопись украшала буддийские монастыри, дворцы и дома богачей. Сюжетами росписей были сцены из жизни Будды и из джатак, данные в жанровой, мирской трактовке. Ранняя живопись Аджанты и свидетельства письменных источников, где четко зафиксированы правила и критерии живописи, помогают определить ее наиболее характерные черты. Композиции в ранних росписях строились фризообразно, каждая из них отделялась орнаментальными полосами [Rowland, 1963, p. 6, 8]. Фигуры Будды и бодисатв, превосходящие по своим размерам все другие персонажи, располагались в центре композиции. Силуэты фигур очерчивались контрастным контуром. Как это делалось, мы узнаем из санскритских текстов по искусству. Так, в третьей части «Вишну-дхармоттара-пураны» (VI—VII вв.) дается описание техники нанесения краски, контуров, передачи живописными средствами эффекта округлости человеческого тела. В ранних росписях для показа вогнутостей применялся способ *vartana*. Он заключался в затенении по контуру, который этим противопоставлялся основному, светлому красочному слою. В V в. появляется другой способ — *ujjata* (высветление); с его помощью изображалась выпуклая поверхность [Вертоградова, 1973, с. 125—127]. Именно в данный период перестраивается вся колористическая система индийских росписей, и в живописи Аджанты V—VII вв. мы уже видим светотеневую, объемную моделировку.

Образ Будды начинает канонизироваться в первые века нашей эры: строго устанавливаются его характерные признаки — «урна» (пятно на лбу), «ушниша» (возвышение на темени), удлиненные мочки ушей; точно регламентируются основные позы, жесты рук и кистей; тщательно разрабатываются правила пропорций фигур. Определенной иконографии придается особое смысловое значение. Согласно учению жрецов, нарушение канонов сулит бедствия [Тюляев, 1973, с. 119].

Таким было в общих чертах состояние индийской живописи в период проникновения буддизма в Среднюю Азию.

Отметим теперь ряд особенностей древней среднеазиатской живописи, в которых отразилось индийское влияние. Так, фрагменты

Кара-Тепе. Будда и монахи,
роспись I—III вв. н. э.

росписей буддийского комплекса в Кара-Тепе (I—III вв. н. э.) — «Будда и монахи» (см. рисунок), «Донаторы» — свидетельствуют об общей с индийской тематике [Ставиский, 19776, с. 88—91]. Будда в этих росписях является центральным персонажем, что подчеркнуто его местом в композиции, а также масштабом фигуры. Как и в индийских образцах, Будда крупнее остальных изображений. Среднеазиатский художник был умелым мастером композиции: деревья и расположившиеся под ними монахи расставлены по диагонали начиная от левого нижнего угла росписи. Диагональное движение останавливается фигурой Будды, занимающей по вертикали почти все пространство. Монахи, размер которых увеличивается по мере приближения к Будде, усиливают эффект продвижения к божеству. Все средства подчинены идее показа главенствующего, божественного положения Будды. В его изображении соблюдаются канонические признаки иконографии этого божества. Образ Будды, прекрасного юноши, погруженного в раздумье, несет печать божественной духовной красоты в полном соответствии с буддийскими требованиями. Следовательно, фрагменты кара-тепинской росписи говорят о применении выработанной в раннеиндийской живописи техники *varāṇa*. Однако, несмотря на то что и в тематике, и в иконографии, и в технике исполнения кара-тепинской росписи прослеживается явное влияние индийской живописи, она показывает, что здесь в кушанский период складывается своя живописная система. В росписи «Будда и монахи» ясно проступают своеобразные черты среднеазиатской живописи, развитие которых мы увидим в памятниках V—VIII вв. (статичность фигур, строгая фронтальность их поз). Композиции в них лаконичны, число фигур небольшое, много свободного, незаполненного пространства, перспектива отсутствует. Исследователь кара-тепинского буддийского комплекса Б. Я. Ставиский совершенно справедливо отмечает зрелость бактрийской традиции монументальной живописи в кушанское время [19776, с. 102].

Буддийские монастыри I—III вв., сосредоточившие у себя памятники письменности, произведения прикладного искусства, скульптуры, живописи, стали распространителями индийской культуры [Ставиский, 1977а, с. 23, 24; Литвинский, 19816, с. 91]. В V—VII вв. буддизм расширяет свои границы, а буддийское искусство в Средней Азии достигает подлинного расцвета. Одновременно еще больше увеличивается интенсивность среднеазиатско-индийских культурных связей [Литвинский, 1972, с. 153, 154]. Об этом красноречиво свидетельствует среднеазиатская живопись V—VIII вв., представленная большим количеством памятников, среди которых и стенопись буддийских храмов в Аджина-Тепе и Калаи-Кафирнигане, и роспись дворцов в Варахше, Пенджикенте, Афрасиабе, Балалык-Тепе, Шахристане, где воедино слиты индийские и среднеазиатские элементы.

Темы и сюжеты буддийских росписей Аджина-Тепе и Калаи-Кафирнигана канонически связаны с индийской буддийской тра-

дицей: это сюжет «тысячи будд» (в росписи потолка Аджина-Тепе, где представлено несколько сотен сидящих будд) и широко распространенная тема поклонения и подношения даров святыням [Литвинский, Зеймаль, 1973, с. 70]. В двухъярусной композиции калаи-кафирниганской росписи мы видим сидящего Будду и процессию дароносцев [Литвинский, 1981а, с. 119]. Иконография образов Будды в названных росписях соответствует утвердившимся в буддизме канонам. В то же время перелом, происшедший примерно в V в. в технике индийской живописи, не коснулся среднеазиатской. Местные мастера продолжают традиции кушанского времени. Светотеневая моделировка их не интересует. И если сравнивать стенопись Аджина-Тепе и Калаи-Кафирнигана с росписью Аджанта V—VII вв., то можно с уверенностью отметить полное отсутствие следов влияния стиля индийской живописи данного периода.

Вероятно, с приходом в Индии к власти династии Гуптов (IV—V вв.), приведшим к государственному разъединению Индии и Средней Азии, непосредственный контакт с индийской культурой стал затруднен. Отмеченные общие с индийской живописью черты уходят корнями в основном к образцам кушанского искусства, традиции которого получили широкое развитие в V—VIII вв.

Как показывают перечисленные выше памятники, из Индии в Среднюю Азию наряду с буддийской тематикой и иконографией стали проникать образы индийской мифологии. В живописи Варахши несколько раз встречается изображение всадника на слоне в легкой одежде, с браслетами, ожерельями, диадемой [Пугаченкова, Ремпель, 1966, с. 144, 145]. В последнее время высказывается возможность отождествления этого персонажа с Адбагом, восседающим на слоне [Маршак, 1981, с. 107]. Само появление изображения слона во многих памятниках этого периода является заимствованным из Индии элементом. В пенджикентской росписи два изображения связываются с иконографией бога Шивы [Беленицкий, 1973, с. 45]: фигура танцующего божества с жезлом в руках и в набедренной повязке из тигровой шкуры (тело его окрашено в синий цвет, налицо все признаки и атрибуты Шивы) [Бонгард-Левин, Герасимов, 1975, с. 194, 195]; фигура трехголового божества [Беленицкий, 1973, с. 46].

Чрезвычайно интересно установление содержания той сцены пенджикентской росписи, где изображены бык, лев и шакалоподобный зверь [Беленицкий, 1973, с. 49]. Эти животные являются героями одной из сказок «Панчатантры» (III—IV вв.), индийского сборника, переведенного на согдийский язык [Бонгард-Левин, Ильин, 1969, с. 656]. Здесь мы уже имеем образец иллюстрации древнеиндийской литературы.

Приведенные примеры не охватывают полностью проблемы связей индийского и среднеазиатского искусства, но они свидетельствуют о том, что с проникновением, утверждением и распространением в Средней Азии буддийской религии идет расширение влия-

ния индийского искусства главным образом по линии использования круга сюжетов и иконографии.

В заключение подчеркнем еще раз, что, говоря о влиянии индийского искусства, следует иметь в виду два периода, отличающихся, на наш взгляд, друг от друга характером проникновения индийских элементов в среднеазиатскую живопись: кушанский (I—IV вв.), когда влияние индийского искусства было непосредственным; раннесредневековый (V—VII вв.), когда влияние индийского искусства было опосредованным.

После завоевания арабами в VIII в. Средней Азии, а позже — Индии древние культурные традиции трансформируются или даже порой прямо уничтожаются. Официальной религией в этих странах становится ислам, насаждающий строительство своих культовых сооружений, где уже не было места изобразительным искусствам. Традиции монументальной живописи начинают слабеть, ограничиваясь лишь украшением дворцов и других светских построек. Ведущим видом изобразительного искусства в средневековье становится книжная миниатюра, иллюстрирующая лишь книги светского содержания. Ислам запрещал украшать живописью все, что имело какое-либо отношение к религиозному культу.

Расцвет миниатюры в Средней Азии падает на XV—XVII вв. Во второй половине XVI в. при дворе Великих Моголов в Индии открывается могольская школа миниатюрной живописи. В возникновении и развитии этой школы видную роль сыграли наряду с иранскими художниками прославленные миниатюристы Средней Азии. Их пригласили специально для руководства штатом придворных мастеров. Этому способствовали установившиеся в конце XVI в. дружеские отношения между Индией и Средней Азией, которые привели к прочным близким контактам в области как литературы, так и живописи [Антонова, 1959, с. 234—237; Мирзоев, 1963]. С данного периода происходит обмен поэтами, живописцами. В придворных хранилищах собираются привезенные посольствами и купцами произведения искусства, рукописные книги. Все это помогает лучшему знакомству с культурной жизнью обеих стран и оказывает взаимное влияние на развитие их литературы, искусства.

Известно, что среднеазиатские миниатюристы Мухаммад Мурад и Мухаммад Надир Самарканди работали в придворной мастерской Великих Моголов [Brown, 1924, p. 81]. Внося свой вклад в формирование индийской миниатюры, среднеазиатские художники в то же время постепенно индианизировались сами.

Мухаммад Надир стал одним из ведущих художников могольской школы, создателем особой техники изображения портретов черной тушью, называемой «сняхи калам». В миниатюрах этого художника черты среднеазиатской живописи органично синтезировались с индийскими. Так, в иллюстрации «Купцы извлекают Юсуфа из колодца» [Грек, 1971, табл. II] трактовка пейзажа, изображение вдали на горизонте беломраморного архитектурного

комплекса, объемная моделировка лиц, складок ткани, некоторые костюмы и головные уборы свидетельствуют о приемах индийской живописи, а в части персонажей чувствуется влияние среднеазиатской миниатюры.

В ранних миниатюрах Мухаммада Мурада Самарканди к «Шахнаме», исполненных в начале XVII в. [Ашрафи, 1974, с. 112, 113; 1981], появляются единичные еще персонажи, напоминающие по иконографии, по головному убору времен императора Акбара (1556—1605 гг.) фигуры с могольской миниатюры. Видимо, после создания данного цикла иллюстраций Мухаммад Мурад уезжает в Индию, где расширяется его кругозор, творческий диапазон. Именно этим можно объяснить изменения, заметные в его последующих работах. Оставаясь среднеазиатским художником в трактовке архитектуры и ее орнаментации, в ярком, контрастном колорите, Самарканди вместе с тем смело вводит решенные в индийском стиле персонажи, а также изображение индийского божества в индуистском храме [Martin, 1912, fig. 263; Пугаченкова, Ремпель, 1965, рис. 353].

Миниатюрная живопись Средней Азии середины—второй половины XVII в. показывает дальнейшее развитие контактов с индийской миниатюрой. В результате этого взаимодействия в бухарской живописи появляются трактовка деревьев с детальной прорисовкой листьев; новый разворот пространства ввысь, вдаль, где среди деревьев за холмами изображаются постройки; светотеневая моделировка и характерная передача прозрачной белой ткани в костюмах; чисто индийский покрой одежды [Ашрафи, 1974, с. 86—91; Пугаченкова, Галеркина, 1979, с. 62, 68, 70].

Отмеченные детали, приемы могольской миниатюры органично влились в среднеазиатскую живопись как новая, свежая струя. Интересно отметить существование в бухарской живописи произведений, на которых заметно прямое влияние индийской миниатюры (произведения художников, которые, видимо, побывали в Индии), а также таких, где оно уже выглядит прошедшим через призму творчества среднеазиатского мастера.

Итак, в XVI—XVII вв. школы живописи Средней Азии и Индии находились в постоянных взаимодействиях, контактах, оказывающих влияние, определяющих направление дальнейшей эволюции миниатюры этих стран.

Подводя итоги, скажем, что как в древности, так и в средние века существовавшие между живописью Индии и Средней Азии контакты оказывали формирующее воздействие на ее развитие. В древности связь осуществлялась на религиозной основе. Индийская живопись, в которой раньше всего сложились традиции буддийского искусства, стала оказывать влияние на художественное развитие тех стран, где распространился буддизм.

Миниатюрная живопись среднеазиатско-иранского региона в средневековье развивалась как светское искусство. К моменту зарождения могольской школы миниатюры Средней Азии прошла

уже длительный путь развития, совершенствования своей художественной системы, поэтому естественным было ее влияние на индийскую живопись. Однако через несколько десятилетий она уже в свою очередь получала от контактов с могольской миниатюрой новый импульс для развития. Шел плодотворный процесс взаимного обогащения, обновления. Достижения индийской и среднеазиатской школ, каждая из которых имела свои собственные сильные древние традиции, всегда воспринимались творчески.

Л и т е р а т у р а

- Альбаум Л. И. Балалык-Тепе. Ташкент, 1960. 228 с.
- Альбаум Л. И. Живопись Афраснаба. Ташкент, 1975. 112 с.
- Актонова К. А. Очерки общественных отношений и политического строя могольской Индии времени Акбара (1556—1605 гг.). М., 1959. 283 с.
- Ашрафи М. М. Персидско-таджикская поэзия в миниатюрах XVI—XVII вв. Душанбе, 1974. 120 с.
- Ашрафи М. М. К вопросу о времени создания миниатюр Мухаммада Мурада Самарканди в «Шахнаме». — В кн.: Конф. «Искусство и культура Монголии и Центральной Азии»: Тез. докл. М., 1981, с. 13—15.
- Беленицкий А. М. К истории культурных связей Средней Азии и Индии в раннее средневековье. — В кн.: Индия в древности. М., 1964, с. 188—198.
- Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973. 67 с.
- Бонгард-Левин Г. М., Герасимов А. В. Мудрецы и философы Древней Индии. М., 1975. 344 с.
- Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия. М., 1969. 733 с.
- Вертоградова В. В. Несколько слов о моделировке в древнеиндийской живописи. — В кн.: Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973, с. 123—128.
- Грек Т. В. Индийские миниатюры XVI—XVII вв. М., 1971. 54 с.
- Литвинский Б. А. Таджикистан и Индия: (Примеры древ. связей и контактов). — В кн.: Индия в древности. М., 1964, с. 143—166.
- Литвинский Б. А. Буддизм и средневековая цивилизация. — В кн.: Индийская культура и буддизм. М., 1972, с. 148—170.
- Литвинский Б. А. Настенная живопись Калан-Кафирнигана. — В кн.: Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981а, с. 116—138.
- Литвинский Б. А. Проблематика истории и культуры буддизма в Средней Азии. — В кн.: Конф. «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье»: Тез. докл. М., 1981б, с. 90—91.
- Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-Тепе. М., 1973. 259 с.
- Маршак Б. И. Индийский компонент в культурной иконографии Согда. — В кн.: Конф. «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье»: Тез. докл. М., 1981, с. 107—109.
- Мирзоев А. М. Из истории литературных связей Мавераннахра и Индии во второй половине XVI—начале XVII в. — В кн.: XXVI Междунар. конгр. востоковедов: Докл. делегации СССР. М., 1963. 9 с.
- Негматов Н. Н., Пулатов У. П. и др. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966. 199 с.
- Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент, 1966. 287 с.
- Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979. 247 с.
- Пугаченкова Г. А., Галеркина О. И. Миниатюра Средней Азии. М., 1979. 207 с.
- Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. М., 1965. 688 с.
- Ставиский Б. Я. Средняя Азия, Индия, Рим: (К вопр. о междунар. связях в кушан. период). — В кн.: Индия в древности. М., 1964, с. 166—188.
- Ставиский Б. Я. Бактрия—Тохаристан в кушанский период: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1977а. 33 с.

- Ставиский Б. Я. К югу от Железных ворот. М., 1977. 160 с.
(Ставиский Б.) *Stawiski B. Mittelasiien: Kunst der Kuschan.* Leipzig, 1979. 223 S.
Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948. 352 с.
Толстов С. П. Новые археологические открытия в Хорезме и некоторые проблемы истории Индии. — В кн.: Индия в древности. М., 1964, с. 135—143.
Тюляев С. И. Каноны в средневековой пластике Индии и в современной народной скульптуре. — В кн.: Проблема канонов в древнем и средневековом искусстве Индии и Африки. М., 1973, с. 113—122.
Шишкин В. А. Варахша. М., 1963. 250 с.

- Brown P. Indian painting under the Mughals.* Oxford, 1924. 204 p.
Martin F. The miniatures paintings and painters of Persia, India Turkey. L., 1912. 156 p.
Rowland B. Peintures des grottes d'Ajanta. Milano, 1963. 240 p.

Р. Б. Рыбаков

ИЗУЧЕНИЕ ИНДУИЗМА В РОССИИ И СССР— ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Изучение индуизма в России, как и в других европейских странах, начинается со второй половины XVIII в. До этого систематических научных исследований в данной области не было, хотя отдельные разрозненные сведения об Индии и ее духовной культуре проникали в Россию сначала через византийские источники, затем (со второй половины XV в.) благодаря запискам русских купцов, побывавших на п-ове Индостан, и деятельности индийских торговцев в России (XVII—начало XVIII в.).

Русская школа индологии с момента своего зарождения самым решительным образом выступала против пресловутых концепций европоцентризма, отрицавших вклад народов Востока в сокровищницу мировой цивилизации. Несмотря на противодействие английских колониальных властей любым контактам русских и индийцев, ученые России плодотворно работали в области изучения общественного сознания и культуры народов Индии.

Небезынтересно, что первым научным произведением на русском языке, посвященным Индии, является труд именно по индуизму — «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев» [1805]. Автором его был ярославский музыкант Г. Лебедев, несколько лет проживший в Индии и создавший в Калькутте первый индийский театр европейского типа (по образцу театра Ф. Волкова в Ярославле), где ставились пьесы на бенгали. Уже в этой, самой первой работе об индуизме, написанной в России, нашел отражение тот подход, который впоследствии стал ведущим в книгах русских индологов на данную тему, — индуизм рассматривается в ней как

социально-религиозная система, причем особое внимание автор уделяет проблеме кастового деления общества.

Первый период изучения индуизма в России начался, следовательно, в 1805 г. (хотя следует отметить, что уже в конце XVIII в. были осуществлены переводы классических произведений индийской философии, в частности в 1788 г. — «Бхагавадгиты») и продолжался до начала 70-х гг. XIX в. Этот период характеризуется прежде всего исследованием письменных памятников санскритской литературы, работами в области сравнительного языкознания и изучения ведийских религии и мифологии (труды П. Я. Петрова, К. А. Коссовича, позднее — Д. Н. Овсяннико-Куликовского, В. Ф. Миллера и др.).

Второй период охватывает время от 70-х гг. XIX в. до 1917 г. Он связан прежде всего с научной деятельностью выдающегося русского ученого И. П. Минаева, нередко называемого основателем русской школы индологии. Хотя главное место в трудах русских индологов этого периода занимали проблемы буддологии, тем не менее изучению индуизма также уделялось определенное внимание.

Следует отметить, что если в первый период исследовались в основном вопросы, связанные с предысторией и ранним этапом истории индуизма, то во второй период преимущественное внимание уделялось индуизму тех дней, реформаторским течениям в нем, а также проблемам сравнительного религиоведения.

Качественно новый этап в проведении исследований наступил после 1917 г. В своем изучении индуизма советские ученые опираются на основной методологический принцип марксистского анализа истории религии, заключающийся в рассмотрении ее как составной части истории общества. Под этим углом исследуются социальные, гносеологические и исторические корни индуизма, его общественные функции, структура, философия, роль религиозных традиций, а также изменение религиозных представлений в результате изменений социальных условий.

Такой подход предопределяет необходимость многоотраслевых исследований, в которых принимают участие историки и философы, этнографы и религиоведы, психологи, лингвисты и археологи. Изучению религий Индии, в частности индуизма, способствовало сложение и оформление в 40—50-х гг. единой марксистско-ленинской концепции индийского исторического процесса, что явилось необходимой предпосылкой создания обобщающих трудов и работ проблемно-систематического характера.

Комплексная характеристика ведийской религии, брахманизма и индуизма, его корней, специфических особенностей, этапов развития от древности до сегодняшнего дня дается в монографии К. А. Антоновой, Г. М. Бонгард-Левина и Г. Г. Котовского [1973]. На фоне исторического развития Индии и в тесной связи с социально-экономическими характеристиками основных этапов этого развития индуизм рассматривается в монографии Г. М. Бонгард-

Левина и Г. Ф. Ильина [1969] и в книгах «История Индии в средние века» [1968], «Новая история Индии» [1961] и «Новейшая история Индии» [1959].

В названных изданиях на большом фактическом материале охарактеризованы важнейшие черты религиозного мировоззрения индусов, особенности формирования и функционирования системы индуизма, проблемы соотношения варновой и кастовой структур, выявлена общая закономерность изменения религии в связи с социально-экономическими сдвигами.

В исследованиях, посвященных классической индийской философии, определенное внимание уделялось также основным философским положениям и категориям индуизма. Специальные работы были посвящены анализу йоги, веданты, других философских школ.

Преломление религиозно-философских идей и представлений в философии нового и новейшего времени было подробно исследовано в монографиях В. В. Бродова [1967] и А. Д. Литмана [1966]. В последней анализируются, в частности, философские системы крупных религиозных деятелей новейшего времени, среди них такие, как синтетическая йога-веданта, вишнунитская теология Свами Бон Махараджа, «снитез» религии и науки в воззрениях Свами Ранганатхананды.

Благодаря работам советских философов-индологов, хотя и не посвященных специально индуизму, возникает возможность как рассмотрения конкретных религиозно-философских тенденций, так и теоретического осмысления роли религиозного мировоззрения в процессе генезиса и развития индийской философии.

К работам философов примыкают исследования литературоведов, посвященные мифологии, эпосу и философским произведениям Древней Индии [Гринцер, 1974; Невелева, 1975, 1979; Эрман, 1980], в которых рассматриваемые вопросы изучаются не через призму религиоведческого подхода, а с литературоведческих позиций, что позволяет более полно восстановить картину формирования основных философских концепций индуизма на раннем этапе развития.

На стыке литературоведения, истории и религиоведения находится исследование В. С. Семенцова [1981], в котором предпринята попытка истолкования ритуальных и философских текстов раннего индуизма в их связи с предшествовавшей традицией, а также рассматриваются различные аспекты состава ведийского канона, символика ритуала и мифологии.

Определенное внимание уделено индуизму и в работах, посвященных индийскому искусству — театру, живописи, архитектуре, в частности храмовой. Особый интерес представляют в этом отношении монография М. П. Котовской [1982] и специальная работа индолога и художника С. И. Потабенко [1973].

Наряду с концептуальными исследованиями взаимосвязи индийских религий, в частности индуизма, с искусством народов

Индию советские искусствоведы публикуют также материалы описательно-популяризаторского [напр.: Короцкая, 1969] и описательно-систематического характера [напр.: Тюляев, 1969].

Если главы, посвященные индуизму, во всех перечисленных выше обобщающих работах носят как бы побочный характер, поскольку вписаны в структуру книг, охватывающих прежде всего исторический процесс в данной стране, а в исследованиях философов, литературоведов и искусствоведов индуизм привлекается лишь для разъяснения отдельных сторон рассматриваемых явлений, то в работах, специально посвященных этой теме, последняя получает качественно иное освещение. Индуизму, например, посвящена монография Н. Р. Гусевой [1977], в которой прослеживаются ранняя история этой религии, а также этногенетические корни ее основных культов, подробно обосновывается поддерживаемая автором гипотеза о родстве индоариев и протославян. Значительное внимание уделено индуизму в *Философской энциклопедии* [1960, т. 1, с. 190, 191, 231, 232; 1962, т. 2, с. 273, 274], *Советской исторической энциклопедии* [1962, т. 2, с. 708, 709; 1965, т. 6, с. 14, 15] и «*Мифах народов мира*» [1980, с. 185, 186, 220—226, 535—543], в которых содержатся статьи обобщающего плана. Эти статьи в отличие от глав историй Индии не подчинены какому-либо внешнему плану, а представляют собой сжатое изложение основных концепций советских индологов, касающихся природы, генезиса, развития, функционирования индуизма как социально-религиозной системы. Кроме того, в энциклопедических изданиях содержится огромный материал о всех основных сектах, течениях, толках индуизма, о наиболее известных проповедниках, гуру, об индусских организациях, о предметах поклонения, храмах, местах паломничества и пр.

Одной из важных особенностей подхода к изучению индуизма, характерного для советских исследователей, следует считать восприятие индуизма как системы не застывшей, а развивающейся, непрерывно обновляющейся, хотя и сохраняющей определенные связи с предшествующими этапами. Особое значение при этом имеют выявление прогрессивных и реакционных потенций сохраняющихся связей, а также установление зависимости между их формой и реальным содержанием. Данные вопросы подвергаются скрупулезному анализу в работах, посвященных различным периодам истории индуизма.

Следует отметить, что история индуизма изучена пока неравномерно. Происхождение индуизма, индуизм в древности, проблемы взаимодействия арийского и автохтонного субстратов, формирования вероучения, сущность основных догматов, периодизация древнеиндийской религии подробно, с привлечением новейшего материала (в том числе данных эпиграфики и археологии) рассмотрены в монографии Г. М. Бонгард-Левина «*Древнеиндийская цивилизация*» [1980]. Значительное место в ней уделено исследованию проблемы возникновения антиканонических и реформатор-

ских движений в индуизме. Многие из этих вопросов были затронуты и в более ранней работе того же автора [Бонгард-Левин, 1973].

Индуизм в средние века остается наименее изученным в нашей стране. Следует отметить прежде всего исследования Н. М. Сазановой, посвященные движению бхакти, в частности ее работу «Народная культура браджа и творчество Сур Даса» [1978].

Проблематика работ, посвященных индуизму в новое и новейшее время, довольно широка. Основное внимание уделяется преломлению религиозно-философских традиций в воззрениях наиболее видных общественных деятелей Индии этого периода. В ряде работ (Е. В. Паевской, Э. Н. Комарова, Р. Б. Рыбакова) анализируются просветительские идеи Р. Роя, «отца современной Индии», и прослеживается, с одной стороны, связь этих идей с социально-экономическими сдвигами в стране в начале XIX в., а с другой — содержащиеся в учении Роя переосмысление и развитие религиозно-философских традиций индуизма. Взглядам отдельных мыслителей нового и новейшего времени, выступавших с новым толкованием традиционного наследия индуизма, посвящены работы В. С. Костюченко [1970, 1977]. Изучаются также наследие Рамакришны, Д. Сарасвати, Б. Г. Тилака, С. Шивананди, идеология и деятельность «миссии Рамакришны». Комплекс проблем, связанных с изменениями в толковании догм индуизма в новое и новейшее время, а также с изменением роли этой религии, ее функций, посвящена работа Р. Б. Рыбакова «Буржуазная реформация индуизма» [1981]. В ней дается анализ взаимодействия ортодоксальных и реформаторских воззрений в XIX—XX вв. и прослеживается специфика преломления традиций индуизма в идеологии национально-освободительного движения. Некоторые аспекты истории индуизма рассматриваются в сборниках «Религия и общественная мысль народов Востока» [1971], «Религия и атеизм в Индии» [1973] и в работах, посвященных идеологии национально-освободительного движения и гандизму (О. В. Мартышина, Э. Н. Комарова, А. Д. Литмана, А. В. Райкова, О. В. Мезенцевой и др.).

В последние годы советские исследователи все большее внимание уделяют роли религии в политической жизни современной Индии, в частности проблеме коммунизма (работы А. Г. Бельского, О. В. Мезенцевой, Б. И. Ключева и др.). Изучается также и феномен, получивший название «экспорта индуизма», т. е. привнесение элементов индуизма в их модернизированной и вестернизированной трактовке в иную религиозно-культурную среду, прежде всего в США (труды Н. Р. Гусевой, Л. Н. Митрохина, Г. Д. Шпажникова). Одновременно ведется большая работа по исследованию процессов, происходящих в индуизме сегодняшнего дня и связанных с прогрессивными изменениями в индийском обществе.

Наряду с исследованием наиболее важных закономерностей развития индуизма на разных исторических этапах советские ин-

дологи детально анализируют в своих трудах отдельные стороны индуизма, связанной с ним социальной системы, а также взаимодействие его с другими формами культурного наследия. Основное внимание при этом уделяется различным аспектам формирования и функционирования кастовой системы индийского общества, ее сложным отношениям с индуизмом. Особо изучаются вопросы, связанные со своеобразной адаптацией кастовой системы в современном буржуазном обществе. Специально всем этим вопросам посвящен сборник «Касты в Индии» [1965].

Комплекс проблем, относящихся к изучению кастовой системы, получил свое отражение в трудах Г. Г. Котовского, В. И. Кальянова, Г. М. Бонгард-Левина, Л. Б. Алаева, В. П. Павлова, К. А. Антоновой и др. Сюда же примыкают исследования, посвященные роли общины в индийской деревне, в которых наряду с социально-экономическими рассматриваются и вопросы, связанные с ролью индуизма, его правил, положений и установлений. Среди работ, посвященных этой тематике, следует упомянуть монографии М. К. Кудрявцева [1971] и Л. Б. Алаева [1976, 1981].

В трудах многих советских востоковедов рассмотрены вопросы культа и ритуала в индуизме (Н. Р. Гусева), семейно-брачных отношений, освящаемых индуизмом (Е. С. Юрлова), описаны и проанализированы религиозные праздники (Н. Р. Гусева).

Несколько особняком в ряду индологических исследований стоит оригинальная работа Н. А. Крашенинниковой [1982], представляющая собой историко-правовое исследование. В ней на основе многолетнего изучения автором памятников древнего и средневекового права, а также современного законодательства Республики Индии рассмотрено понятие «традиционное религиозное индусское право», освещены его происхождение, источники, границы применения и трансформация под влиянием привнесенного колонизаторами английского права, описано модифицированное право индусов в независимой Индии.

Ряд работ советских исследователей рассматривает взаимодействие религиозных и этнических процессов в современной Индии, а также взаимосвязи индусского культурного комплекса с культурой малых народов (племен) Индии (труды Г. М. Григорьевой, Н. Р. Гусевой, Л. В. Шапошниковой и др.).

Большие усилия были приложены русскими и советскими индологами для осуществления перевода, описания и изучения классических текстов индуизма. Наряду с этим советские ученые переводят наиболее интересные работы по индуизму, вышедшие в Индии и других странах [Луния, 1960; Бэшем, 1977, и др.]. Отдельного упоминания заслуживает сборник статей наших чехословацких коллег «Боги, брахманы, люди» [1969].

Изучение индуизма в нашей стране самым тесным образом связано с исследованием социальных, экономических, политических, идеологических процессов в Индии и на Востоке вообще. Индуизм рассматривается советскими учеными как сложное ком-

плексное явление, а не только религиозная доктрина или «образ жизни». Поэтому изучение тех или иных изолированных сторон индуизма, как правило, подчинено выявлению механизма взаимодействия этих сторон со всей системой в целом. Внимание советских исследователей направлено на выяснение, во-первых, специфики индуизма и, во-вторых, общих типологических черт, позволяющих ставить изучение индуизма в контекст общерелигиоведческих исследований.

В настоящее время Отдел Индии и стран Южной Азии Института востоковедения АН СССР работает над сборниками, посвященными религиям Индии. Проблемы индуизма и сикхизма предполагается осветить в подготавливаемом издании «Религия, XX век».

Задачи, стоящие перед советскими индологами, включают в себя создание монографий по отдельным течениям в индуизме, не получившим до сих пор адекватного освещения в нашей научной литературе (шиванзм, шактизм), словаря-справочника «Индуизм», а также дальнейшую разработку тех проблем, изучение которых позволит выявить во всей полноте культурно-философское значение и социальную роль индуизма на всех этапах его истории.

Л и т е р а т у р а

- Алаев Л. Б.* Социальная структура индийской деревни: Территория Уттар-Прадеша, XIX в. М., 1976. 264 с.
- Алаев Л. Б.* Сельская община в Северной Индии: Основные этапы эволюции. М., 1981. 240 с.
- Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г.* История Индии. 1-е изд. М., 1973. 558 с.; 2-е изд. М., 1979. 608 с.
- Боги, брахманы, люди: Четыре тысячи лет индуизма.* М., 1969. 416 с.
- Бонгард-Левин Г. М.* Индия эпохи Маурьев. М., 1973. 407 с.
- Бонгард-Левин Г. М.* Древнеиндийская цивилизация: Философия, наука, религия. М., 1980. 333 с.
- Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Древняя Индия. М., 1969. 736 с.
- Бродов В. В.* Индийская философия нового времени. М., 1967. 383 с.
- Бэшем А.* Чудо, которым была Индия. М., 1977. 616 с.
- Грицер П. А.* Древнеиндийский эпос: Генезис и типология. М., 1974. 419 с.
- Гусева Н. Р.* Индуизм: История формирования культовой практики. М., 1977. 327 с.
- История Индии в средние века.* М., 1968. 726 с.
- Касты в Индии.* М., 1965. 347 с.
- Короцкая А. А.* Храмы Кхаджурахо. М., 1969. 150 с.
- Костюченко В. С.* Интегральная веданта: Крит. анализ философии Ауробиндо Гхоша. М., 1970. 191 с.
- Костюченко В. С.* Вивекананда. М., 1977. 190 с.
- Котовская М. П.* Синтез искусств: Зрелищ. искусства Индии. М., 1982. 255 с.
- Крашенинникова Н. А.* Индуское право: История и современность. М., 1982. 192 с.
- Кудрявцев М. К.* Община и каста в Хиндустане: (Из жизни инд. деревни). М., 1971. 283 с.
- Лебедев Г.* Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев. СПб., 1805. 150 с.
- Литман А. Д.* Философская мысль независимой Индии: Акад. системы и религ.-филос. учения. М., 1966. 268 с.

- Луния Б. Н. История индийской культуры с древнейших веков до наших дней. М., 1960. 567 с.
- Мифы народов мира. М., 1980, т. I. 600 с.
- Невелова С. Л. Мифология древнеиндийского эпоса (пантеон). М., 1975. 118 с.
- Невелова С. Л. Вопросы поэтики древнеиндийского эпоса : Эпнтет и сравнение. М., 1979. 136 с.
- Новая история Индии. М., 1961. 834 с.
- Новейшая история Индии. М., 1959. 758 с.
- Потабенко С. И. Религиозно-философские мотивы в искусстве современной Индии. М., 1973. 20 с.
- Религия и атеизм в Индии. М., 1973. 208 с.
- Религия и общественная мысль народов Востока. М., 1971. 264 с.
- Рыбаков Р. Б. Буржуазная реформация индуизма. М., 1981. 183 с.
- Сазанова Н. М. Народная культура браджа и творчество Сур Даса. М., 1978. 200 с.
- Семенцов В. С. Проблемы интерпретации брахманической прозы. Ритуальный символизм. М., 1981. 181 с.
- Тюляев С. И. Развитие образа Шивы от древней к средневековой эпохе. М., 1969. 120 с.
- Эрман В. Г. Очерк истории ведийской литературы. М., 1980. 232 с.

УКАЗАТЕЛЬ ПАМЯТНИКОВ

- антич. — античный
буд. — буддийский
г. — город
греч. — греческий
дол. — долина
дохарап. — дохарапский
древ. — древний
желез. — железный
ист. — исторический
кушан. — кушанский
КЦО — культура ке-
рамки цвета охры
мезолит. — мезолитический
мед. — медный
монаст. — монастырь
неолит. — неолитический
палеолит. — палеолитический
пам. — памятник
парф. — парфянский
пещер. — пещерный
постхарап. — постхарапский
прехарап. — прехарапский
р. — река
ран. — ранний
раннесредневек. — раннесредневековый
сасан. — сасанидский
соврем. — современ-
ный
СРК — культура серой расписной керамике
халколит. — халколитический
харап. — харапский
энеолит. — энеолитический
эпипалеолит. — эпипалеолитический
юж. — южный
- Аджанта, раннесредневек. буд. монаст. Махараштра 165, 168
Аджина-Тепе, раннесредневек. буд. монаст., Юж. Таджикистан 137, 138, 164, 167, 168
Айртам, буд. храм кушан. эпохи, Юж. Узбекистан 164
Айхоло, раннесредневек. буд. храм 161
Ак-Бешим, раннесредневек. буд. монаст., Киргизия 164
Ак-Купрук, неолит. пам., Афганистан 36
Аламгирпур, пам. СРК, Уттар-Прадеш 102, 109, 111, 113—115, 120
Аллахпур, пам. СРК, Уттар-Прадеш 102, 108, 111
Алтын-Депе, пам. энеолита и бронзы, Юж. Туркмения 59—66, 69, 78, 79, 81
Алтын-Депе-1, пам. эпохи железа, Афганистан 94
Алтын-Депе-10, пам. эпохи железа, Афганистан 94
Алтын-Диляр, пам. эпохи железа, Афганистан 94
Амилия, эпипалеолит. пам., дол. Гурмы, Виндхья 21
Амилия, эпипалеолит. пам., Уттар-Прадеш 21
Амирти, эпипалеолит. пам., Мадхья-Прадеш 21
Амра, халколит, пам., 47
Амри, дохарап., харап. пам., Синд 69, 84, 85
Анау, энеолит. пам., Юж. Туркмения 135, 136
Анганкхеда, халколит. пам., Уттар-Прадеш 99
Анджира, неолит. пам. 83
Атранджикхера, пам. КЦО и СРК, Уттар-Прадеш 97, 102, 104—112, 114—117, 120
Афраснаб, пам. желез. века, антич., средневек., Узбекистан 164, 167
Ахар, халколит. пам., Раджастхан 54, 100, 101
Ахири, эпипалеолит. пам., дол. Ганга 21
Ахичхатра, пам. СРК, Уттар-Прадеш 102, 105, 108, 109, 116
Багор, мезолит. пам., Раджастхан 18
Багхайкхор, мезолит. пам., Уттар-Прадеш 22—26
Багхор-I, эпипалеолит. пам., Мадхья-Прадеш 5—7, 9, 10, 21
Багхор-II, мезолит. пам., Мадхья-Прадеш 7, 10, 11, 22—24
Байра-Думунхва, эпипалеолит. пам., Варанаси 21
Балакот, прехарап., харап. пам., Карачи 68, 84

- Балалык-Тепе, раннесредневек. пам., Юж. Узбекистан 164, 167
- Балу, прехарап. пам. 85, 86
- Бамнан, буд. монаст. эпохи кушан, раннесредневек., Афганистан 138
- Банавали, дохарап. пам., Харьковна 84, 85
- Банамиллия-Бахера, халколит. пам., Уттар-Прадеш 38
- Бандыхан-2, пам. эпохи железа, Юж. Узбекистан 94
- Банки, энеолит. пам., Мадхья-Прадеш 21
- Бара, позднихарап. культура, Харьковна, Пенджаб 82, 84, 85
- Бараунха, неолит. пам., Уттар-Прадеш 49, 52
- Баркхера, палеолит. пам., Мадхья-Прадеш 15
- Бахадурбад, халколит. пам. 97
- Биканер, СРК пам. 108
- Билла-Сургам, группа пещер. палеолит. стоянок, Андхра-Прадеш 17
- Бинджор, дохарап. пам., Раджастхан 83
- Брахмагири, неолит. пам., Карнатака 28
- Бунджикат (соврем. Шахристан), раннесредневек. пам., Таджикистан 151, 167
- Бустан-3, пам. эпохи бронзы, Юж. Узбекистан 92
- Бхагават, халколит. пам. 47
- Бхагванпур(а), позднихарап. и СРК пам., Харьковна 102—105, 107, 108, 110, 113, 117, 120
- Бхадаунха-Пахар, мезолит. пам., Виндхья 22
- Бхадахаван, мезолит. пам., Варанаси 22
- Бхимбетка, группа палеолит. и мезолит. пам., Мадхья-Прадеш 15, 17
- Бхитари, энеолит. пам., Мадхья-Прадеш 21
- Бхудан, дохарап. пам., Пенджаб 86
- Варахша, раннесредневек. пам., Узбекистан 150, 167, 168
- Варнавата (ист.; совр. Бернава), пам. СРК, Уттар-Прадеш 122
- Виратанагара (ист.; совр. Байрат), пам. СРК, Уттар-Прадеш 122
- Врикрапста (ист.; совр. Багнат), пам. СРК, Уттар-Прадеш 122
- Гангалур, палеолит. пам., Махараштра 15
- Ганешвар, халколит. пам., Раджастхан 98—101
- Гархва, энеолит. пам., дол. Ганга 21
- Геоксюр, энеолит. пам., Юж. Туркмения 59, 62
- Гуа-Кечи, неолит. пам., Малайзия 36
- Гумла, прехарап., неолит. пам., Пенджаб 83
- Гхагхария-1, мезолит. пам., Мадхья-Прадеш 11, 22—26
- Гхаринда, пам. СРК, Пенджаб 103
- Гяур-Кала, г. Мерв в парф.-сасан. время, Юж. Туркмения 137, 139
- Дадхери, пам. СРК, Харьковна 102, 105, 110, 117, 120
- Даймабад, энеолит. пам., Махараштра 79
- Дальверзия, кушан. пам., Юж. Узбекистан 137
- Дангавада, халколит. пам., Мадхья-Прадеш 100
- Даоджалли-Хадинг, неолит. пам., Ассам 36
- Даулатпур, халколит. и СРК пам., Харьковна 100, 102
- Дашли-1, пам. эпохи бронзы, Афганистан 88
- Дашли-3, пам. эпохи бронзы, Афганистан 88
- Джабруд, палеолит. пам., Сирия 8
- Джакхера, пам. СРК, Уттар-Прадеш 102, 105, 109, 110, 112, 113
- Джалилпур неолит., дохарап. пам., Пенджаб 68, 83
- Джаркутан, пам. эпохи бронзы, Юж. Узбекистан 88—96
- Джодхпура, пам. СРК и КЦО, Раджастхан 97, 98, 100—102, 109
- Джорве, энеолит. пам., Махараштра 78—80
- Джинджхана, халколит. пам., Уттар-Прадеш 97
- Джхукар, постхарап. культура, Синд 95
- Дивана, палеолит. пам., Раджастхан 15
- Домели, прехарап. пам., Пенджаб 86
- Дханса, дохарап. пам., Харьковна 86
- Дхумар-Кн-Пахари, энеолит. пам., Мадхья-Прадеш 21
- Зарзи, энеолит. пам., Курдистан, Ирак 9
- Инамгаон, энеолит. пам., Махараштра 78—81
- Индари, неолит. пам., Уттар-Прадеш 29, 30

- Индрапрастха (соврем. Индрапат) см. Пурана-Кила
- Какорня, халколит. пам., Уттар-Прадеш 38, 40, 42—46, 49, 53
- Калан-Кафирниган, раннесредневек. буд. монаст., Юж. Таджикистан 164, 167, 168
- Калаи-Какхаха-1, раннесредневек. пам., Юж. Таджикистан 147, 148, 150, 151, 154, 157, 158, 162
- Калибанган, халколит., прехарап., харап. пам., Раджастхан 68, 69, 83—85, 98, 100, 128
- Карабулак, пам. эпохи железа, Киргизия 159
- Кара-Депе, энеолит. пам., Юж. Туркмения 59, 62
- Кара-Тепе, буд. монаст. кушан. времени, Юж. Узбекистан 137, 164, 166, 167
- Каушамби, халколит., СРК и КЦО пам., Уттар-Прадеш 38, 41—43, 47, 101, 116, 123
- Каятх(а), халколит. пам., Мадхья-Прадеш 47, 99, 100
- Келлели, пам. эпохи бронзы, Юж. Туркмения 65
- Кирагпура, халколит. пам., Уттар-Прадеш 99
- Колдах, эппалеолит. пам., Мадхья-Прадеш 21
- Колдихва, неолит., халколит. пам., Уттар-Прадеш 18, 26, 27, 29—32, 35, 38—40, 42—46, 49
- Кот-Диджи, дохарап., харап. пам., Синд 68, 69, 83—85
- Кукурахи, эппалеолит. пам., Мадхья-Прадеш 21
- Кунджхун, эппалеолит., неолит. пам., Мадхья-Прадеш 21, 29, 30
- Курукшетра, пам. СРК, Уттар-Прадеш 102, 122, 129
- Курха, эппалеолит. пам., Уттар-Прадеш 21
- Кучук-Тепе, пам. эпохи бронзы и ран. желез. века, Юж. Узбекистан 94
- Кхандера, палеолит. пам., Мадхья-Прадеш 15
- Кхетаухи, эппалеолит. пам., Мадхья-Прадеш 21
- Кходан, дрв. мед. рудник, Харьяна 98
- Кхотрас-Бутхи, дохарап. пам., 85
- Кхурди (Курада), халколит. пам., Раджастхан 100
- Лаанг-Спеан, неолит. пам., Кампучия 36
- Лакхнеж-Пир, пам. СРК, Синд 102, 103
- Лал-Кила, халколит. пам., Уттар-Прадеш 97, 100, 101.
- Лахура-Дева, неолит. пам., Уттар-Прадеш 49, 53
- Лекхахия, эппалеолит., мезолит. пам., Уттар-Прадеш 21—26
- Лотхал, харап. пам., Гуджарат 128
- Магха, халколит. пам., Уттар-Прадеш 29, 38, 40, 42, 45, 46, 49, 53, 54
- Маднапура, халколит. пам. 99
- Манбхум, халколит. пам. 100
- Мангара, неолит. пам., Уттар-Прадеш 49, 52
- Масондях, халколит. пам., дол. Ганга 39
- Матхура, пам. СРК, Уттар-Прадеш 102, 114, 116, 122
- Махагара, неолит. пам., Уттар-Прадеш 26, 29—34, 36, 48, 49, 52—55
- Махадаха, мезолит. пам., дол. Ганга 18, 22—25, 31
- Махадео-Пипарая, палеолит. пам., Мадхья-Прадеш 15
- Махендрагарх, дрв. мед. рудник, Харьяна 98, 99
- Махорана, прехарап. пам., Пенджаб 85, 86
- Мерв см. Гяур-Кала
- Мергарх, неолит. пам., Белуджистан 36, 55, 67, 84
- Мехгаон, халколит. пам. 47
- Милет, древнегреч. полис, Турция 161
- Митатхал, прехарап., харап. пам., Харьяна 84, 85, 99, 100
- Морахана-Пахар, мезолит. пам., Уттар-Прадеш 22, 23, 25, 26
- Мохенджо-Даро, харап. пам., Синд 135, 161
- Мундах, эппалеолит. пам., дол. Ганга 21
- Навдатоли, халколит. пам., Мадхья-Прадеш 47, 99, 100, 128
- Нагар, пам. СРК 110
- Нагда, халколит. пам., Мадхья-Прадеш 47
- Накджхар-Кхурд, палеолит. пам., Мадхья-Прадеш 8
- Намазга-Депе, пам. энеолита и бронзы, Юж. Туркмения 60, 61, 65
- Нарнаул, дрв. мед. рудник, Харьяна 98—100
- Насирпур, халколит. пам., Уттар-Прадеш 97, 99
- Неваса, палеолит. пам., Махараштра 15
- Неваса, энеолит. пам., Махараштра 78—80
- Нокх, пам. СРК, Раджастхан 102, 105, 108, 114, 116, 117
- Нон-Нок-Тха, неолит. пам., Таиланд 36, 37

- Ориуп, халколит. пам., дол. Ганга 39, 44
- Падах Лни, неолит. пам., Бирма 36
- Панварна, эппалеолит. пам., Мадхья-Прадеш 21
- Панипрастха (ист.; совр. Панипат), пам. СРК, Хьярьяна 122
- Панчох (а), неолит. пам., Уттар-Прадеш 26, 29, 30
- Парнар, халколит. пам., Уттар-Прадеш 99
- Патне, палеолит. пам. 17
- Патпара, палеолит. пам., Мадхья-Прадеш 5, 6, 8, 9, 13
- Педдараджулалли, палеолит. пам. 17
- Пенджикент, раннесредневек. пам., Юж. Таджикистан 150, 151, 157, 159, 164, 167, 168
- Песеджик-Деле, неолит. пам., Юж. Туркмения 60
- Пешера Духов, неолит. пам., Таиланд 36
- Прахладпур, халколит. пам., Уттар-Прадеш 39, 41, 43, 45
- Пурана-Кила, пам. СРК, Дели 102, 122
- Раджа-Карна-Ка-Кила, халколит. и СРК пам., Хьярьяна 102, 129
- Раджа-Сиркай, прехарап. пам., Пенджаб 86
- Раджхат, халколит. пам., Уттар-Прадеш 39, 41, 43
- Раджпур-Парасу, пам. культуры мед. кладов, Уттар-Прадеш 97
- Ракхигархи, дохарап. пам., Хьярьяна 86
- Рамдиха, эппалеолит. пам., Мадхья-Прадеш 21
- Рампур, эппалеолит. пам., Мадхья-Прадеш 21
- Ренигунта, палеолит. пам., Андхра-Прадеш 16, 17
- Рехман-Дхери, дохарап. пам., Пенджаб 69, 83, 84
- Рехман-Дхери-89, дохарап. пам., Раджастхан 83
- Роджди, халколит. пам., Гуджарат 47
- Ропар, прехарап., харап. пам. 85
- Рохира, прехарап. пам., Пенджаб 85, 86
- Рулар (Рупнагар), пам. СРК, Пенджаб 102, 115, 116
- Сангхол, пам. СРК, Пенджаб 102
- Сапан, халколит. пам., Уттар-Прадеш 97
- Сапалли-Теле, пам. эпохи бронзы, Юж. Узбекистан 88, 90, 92—94, 96
- Сарай-Кхола, прехарап., неолит. пам., Гандхара 83
- Сарай-Нахар-Рай, мезолит. пам., Уттар-Прадеш 18, 20, 22—25, 27, 31
- Сарангпур, прехарап. пам., Пенджаб 86
- Сардаргарх, пам. СРК 108
- Сарды, столица древ. лидийского царства, Турция 160
- Сатхикур, эппалеолит. пам., дол. Ганга 21
- Сингбхум, древ. мед. рудники, Бихар 100
- Сисвал, прехарап. пам., Раджастхан 82, 85, 86, 98
- Сихавал, палеолит. пам., Мадхья-Прадеш 5—8
- Смирна, древнегреч. полян, Турция 161
- Сонапрастха (ист.; совр. Сонепат), пам. СРК, Хьярьяна 122
- Сонкх, пам. СРК, Уттар-Прадеш 102
- Сонпур, халколит. пам., Бихар 39, 42—46
- Сотхи, дохарап. пам., Раджастхан 83, 98
- Сохгаура, неолит., халколит. пам., Уттар-Прадеш 36, 39, 41, 42, 46, 49, 52
- Срингверпур (Шрингаверапура), халколит. пам. и ист. город, дол. Ганга 39, 41, 116
- Сулеманпурбатпур, эппалеолит. пам., дол. Ганга 21
- Сун-Цзы, неолит. пам., Китай 37
- Суркотада, харап. пам., Гуджарат 54
- Такнапер, халколит. пам., Уттар-Прадеш 38
- Таксила, древ. город (слои от VI в. до н. э. до раннесредневек.), Гандхара 115, 138
- Тамкхан, древ. мед. рудник, Мадхья-Прадеш 100
- Тилапрастха (ист.; совр. Тилпат), пам. СРК, Хьярьяна 122
- Тилвара, мезолит. пам., Раджастхан 18
- Тошам, древн. мед. рудник, Хьярьяна 98, 99
- Тхали, пам. СРК, Уттар-Прадеш 103, 106
- Удджайн, пам. СРК, Мадхья-Прадеш 103
- Умретхи, палеолит. пам., Саураштра 15
- Урук, древ. город Месопотамии (слои от неолита до античности), Ирак 57
- Фаяз-Теле, буд. монаст. кушан времени, Юж. Узбекистан 137, 164
- Хакра, прехарап. культура 82—84
- Халлур, пам. неолит., халколит. и ран. желез. века, Карнатака 136

- Ханси, халколит. пам., Харьяна 99
Хараппа, пам. харап. культуры, Пенджаб 47, 81, 82, 84—86, 95, 100, 102, 109, 113, 128, 135, 136
Харкиюля, топоним «Ригведы», по мнению некоторых исследователей, относящийся к Хараппе 128, 129
Хасанпур, халколит. пам. 47
Хастинапура, халколит., СРК пам., Уттар-Прадеш 101, 102, 104—111, 115—117, 120, 122, 123, 129
Хулас, харап. и СРК пам., Уттар-Прадеш 102, 109
Хунси, палеолит. пам., Карнатака 15
- Чампа**, халколит. пам., Бихар 39, 42
Чандоли, халколит. пам., Махараштра 47
- Чечар** (Чечар-Кутубпур), неолит., халколит. пам., Бихар 36, 39, 42, 43, 46
Чираид, неолит., халколит. пам., Бихар 39, 42—46, 54
Читавриа, энеолит. пам., Мадхья-Прадеш 21
Чопани-Маядо, мезолит. пам., Уттар-Прадеш 21—26, 30—32, 34, 36, 52
- Шахри-Сохте**, пам. эпохи энеолита и бронзы, Иран 78
Шебраджпур, халколит. пам., Уттар-Прадеш 100
Шилка, неолит. пам., р. Амур 36
Шортугай, пам. эпохи бронзы, Афганистан 96
Шраваси, пам. СРК, Уттар-Прадеш 103, 120
Шрингаверапура см. Срингверпур

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВАН	— Вестник Академии наук СССР. Москва.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ИАН	— Известия Академии наук СССР. Москва.
ИМКУ	— История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
ИООН АН ТаджССР	— Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук. Душанбе.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва.
МАИКЦА	— Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Москва.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, Ленинград.
МИИАСНТ ТГУ	— Материалы по истории, историографии и археологии. Сборник научных трудов Ташкентского государственного университета. Ташкент.
НАА	— Народы Азии и Африки. Москва.
СА	— Советская археология. Москва.
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград.
СЭ	— Советская этнография. Москва.
ТМКИАКЦАКЭ	— Труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Москва.
ТЮТАКЭ	— Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад, Ленинград.
AAASH	— Acta Antiquae Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
AI	— Ancient India. New Delhi.
AIr	— Acta Iranica. Leiden.
AP	— Ancient Pakistan. Peshawar.
AsP	— Asian Perspective. Honolulu.
BEFEO	— Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient. Paris.
IAR	— Indian Archaeology: A Review. New Delhi.
JA	— Journal Asiatique. London.
JASB	— Journal of the Asiatic Society of Bengal. Calcutta.
JPS	— Journal of Persian Studies. London.
L.	— London.
MASI	— Memoirs of the archaeological Survey of India. New Delhi.
ME	— Man and Environment. Ahmedabad, Poona.
N. Y.	— New York.
PA	— Pakistan Archaeology. Karachi.
PIAS	— Proceedings of Indian Academy of Sciences. New Delhi.
PPS	— Proceedings of the Prehistoric Society. London.
RIA	— Radiocarbon and Indian Archaeology. Bombay.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Шарма Г. Р., Кларк Д. Д.</i> Природное окружение и предыстория средней части долины р. Сон (север штата Мадхья-Прадеш)	5
<i>Мишра В. Н.</i> Древние охотничье-собирательские культуры и переход к оседлому земледелию в Индии	14
<i>Мишра Б. Б., Варма Р. К., Мишра В. Д.</i> Эпипалеолитические и мезолитические культуры плато Виндхья и долины Ганга	19
<i>Мандал Д.</i> Неолит Виндхья (новый центр раннеземледельческих общин в Индии)	28
<i>Шарма Г. Р., Мишра Б. Б., Пал Д. Н.</i> Культура халколита Северного Виндхья и долины Среднего Ганга (генезис и эволюция)	38
<i>Вишну-Миттре, Шарма К. А.</i> Производство продуктов питания в неолите халколите в Восточном Уттар-Прадеше	48
<i>Массон В. М.</i> Формирование древних цивилизаций в Средней Азии и Индостане	56
<i>Бонгард-Левин Г. М.</i> Арийское и неарийское в Древней Индии	71
<i>Санкалил Х. Д.</i> Некоторые связи между энеолитом Инамгаона в Махараштре и Алтын-Деле в Южной Туркмении	78
<i>Шарма Я. Д.</i> Прехарапская культура в Индии	81
<i>Аскарлов А. А.</i> Проблема становления раннегородской культуры на юге Узбекистана и ее связи с Индостаном	87
<i>Агравала Р. К.</i> Медные клады из Раджастанана, Харьяны и Уттар-Прадеша — исследование взаимосвязей	97
<i>Лал Б. Б.</i> Культура серой расписной керамики	101
<i>Мехта Р. Н.</i> Новые данные о датировке Атархаведы (по археологическим источникам)	126
<i>Патхак В. С.</i> Семантическое исследование слова āgṛa	129
<i>Алур К. Р.</i> Находки костей лошади в доарийских археологических комплексах Индии	134
<i>Кошеленко Г. А.</i> Исследование буддийских памятников в Мерве	137
<i>Джанполадян Р. М.</i> Армянские источники V—VII вв. об Индии	141
<i>Негматов Н. Н.</i> Божественный и демонический пантеоны Уструшаны и их индоиранские параллели	146
<i>Ашрафи М. М.</i> К вопросу о среднеазиатско-индийских связях в живописи древности и средневековья	164
<i>Рыбаков Р. Б.</i> Изучение индуизма в России и СССР — итоги и перспективы	172
Указатель памятников	180
Список сокращений	185

CONTENTS

Introduction	3
<i>Sharma G. R., Clark D. D.</i> Palaeo environments and prehistory of the middle Son Valley in North Madhya Pradesh	5
<i>Misra V. N.</i> Ancient hunter-gathering cultures and the transition to farming-based settled life in India	14
<i>Misra B. B., Varma R. K., Misra V. D.</i> Epipalaeolithic and Mesolithic cultures of the Vindhya and the Ganga Valley	19
<i>Mandal D.</i> The Vindhyan Neolithic (a new centre of the early farming communities in India)	28
<i>Sharma G. R., Misra B. B., Pal J. N.</i> Chalcolithic culture of the Northern Vindhya and the Ganga Valley (origin and evolution)	38
<i>Vishnu Mittre, Sharma K. A.</i> Neolithic—Chalcolithic food economy of Eastern Uttar Pradesh	48
<i>Masson V. M.</i> Formation of ancient civilization in Central Asia and Indostan	56
<i>Bongard-Levin G. M.</i> Aryan and non-aryan in Ancient India	71
<i>Sankalia H. D.</i> A few points of comparison between Inamgaon a Chalcolithic village in Maharashtra (1500 B. C.) and Altin-Depe in South Turkmenistan	78
<i>Sharma Y. D.</i> The preharappan culture in India	81
<i>Askarov A.</i> A problem of formation of early urban culture in the South of Uzbekistan and its connections with Hindustan	87
<i>Agrawala R. C.</i> Copper hoards from Rajasthan, Haryana and Uttar Pradesh — a study in inter-relationship	97
<i>Lat B. B.</i> The Painted Grey Ware culture	101
<i>Mehta R. N.</i> New date about Atharvaveda's dating (basing upon the archaeological sources)	126
<i>Pathak V. S.</i> The word arya — a semantic study	129
<i>Alur K. R.</i> The finds of horse bones in prearyan archaeological sites of India	134
<i>Koshelenko G. A.</i> Investigation of buddhists monuments in Merve	137
<i>Dzhanpoladyan R. M.</i> Armenian historians of the 5th—7th centuries on India	141
<i>Negmatov N. N.</i> The Ustrushana pantheon of deities and demons and its Indo-Iranian similarities and roots	146
<i>Ashrafi M. M.</i> On the question of Central Asian-Indian contacts in ancient and medieval painting	164
<i>Rybakov R. B.</i> The study of hinduism in Russia and USSR — some results and perspectives	172
Index	180
List of abbreviations	185
	187

Древние культуры
Средней Азии и Индии

*Утверждено к печати
Институтом археологии
Академии наук СССР*

Редактор издательства *В. Т. Бочевер*
Художник *Г. В. Смирнов*
Технический редактор *Ф. А. Юлиш*
Корректоры *Л. М. Бова* и *Э. Н. Липпа*

ИБ № 21075

Сдано в набор 22.02.84. Подписано к печати 9.07.84. М-37476. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура литературная. Фотонабор. Печать офсетная. Усл. печ.
л. 11.75. Усл. кр.-отт. 12. Уч.-изд. л. 13.5. Тираж 2550. Тип. зак. 1262. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Наука». Ленинградское отделение.
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

